

ГУМАНИТАРНО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Чернавский М.Ю.

**ТЕХНОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНОГО
НАСИЛИЯ**

**Москва
Издательство «Перо»
2024**

УДК 14
ББК 87.6
Ч-49

Монография рекомендована к печати
Учёным советом Гуманитарно-социального института.
Протокол № 6 от 25.06.2024

Рецензенты:

Кузнецова Татьяна Фёдоровна,
доктор философских наук, профессор,
академик Международной академии наук (Инсбрук)

Бакурадзе Андрей Бондович,
доктор философских наук, профессор,
профессор Московского государственного университета
технологий и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)

Чернавский, Михаил Юрьевич

Ч-49 Технологии социального насилия : монография /
М. Ю. Чернавский. — Красково : Гуманитарно-социальный
институт ; Москва : Издательство «Перо», 2024. — 270 с.

ISBN 978-5-00244-680-3

В монографии анализируются технологии социального насилия. Насилие рассматривается как многофакторный процесс конструирования субъекта сквозь призму марксистской, структуралистской и психоаналитической методологий на базе диалектического подхода к динамике социального развития. Монография адресована специалистам по социальной философии и широкому кругу читателей, интересующихся механизмами функционирования общества.

Издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-00244-680-3

© Гуманитарно-социальный институт, 2024
© Чернавский М.Ю., 2024

Методологическое введение

Социальные науки:

возвращение идеологической ангажированности

Современное социогуманитарное познание пребывает в состоянии поиска методологических способов объяснения чрезвычайно динамичных социальных изменений, которые порождают принципиально новые формы социальной организации. В гуманитарных науках проблематика адекватности репрезентации социальной реальности смещается с поисков оптимальных познавательных средств в сторону анализа практической целесообразности принятия той или иной версии интерпретации сущности, структуры и характера функционирования социума.

В социальных науках утверждается подход, в соответствии с которым якобы беспристрастно-научные аспекты социального познания фактически зависят от идеологически пристрастной социально-политической целесообразности. Долгое время общественные науки безуспешно пытались либо теоретически преодолеть зависимость гуманитарного познания от идеологической ангажированности, либо провести линию демаркации между наукой и идеологией.

В настоящий момент тезис об идеологичности социального познания проходит долгожданный этап легализации в социогуманитарных науках, превращаясь в неотъемлемый элемент социальной картины мира. В научном сообществе приходит понимание того, что невозможно адекватно-отстранённо судить об обществе, будучи частью этого общества. Субъект социального познания не в состоянии сформировать объективную точку зрения, элиминировав при этом свои пристрастно-субъективные свойства, напрямую влияющие на выработку его социальной картины мира.

Первостепенно значимым становится не то, что существует «на самом деле», то есть, насколько полно и адекватно мы воспроизводим в своём сознании социальную реальность. Фундаментальную значимость приобретает проблема того, почему вполне определённый образ реальности господствует в общественном сознании, пребывая в статусе научно компетентного взгляда на мир. В этой связи обостряется интерес социальных философов к истокам борьбы политических субъектов в

идеологической сфере, в плоскости столкновений смыслов и ценностного противостояния. Конфликт социальных интерпретаций устройства и функционирования социума рассматривается как форма выражения общественных противоречий, которые проявляют себя в широком спектре конфронтационных взаимодействий – от экономической конкуренции и политических конфликтов до информационных войн и идеологической борьбы.

Неклассическая наука: от сущности к явлению

Представляется, что при анализе социума следует исходить из принципа причинно-следственной взаимообусловленности социальных явления и сущности. В расчёт должны приниматься не только скрытые, объективно-сущностные ингредиенты реальности, но и непосредственно явленные субъективно-феноменологические аспекты действительности. Должна произойти корректировка классически-рационального, своего рода конспирологического раздвоения реальности на сущность и явление, при котором абстрактно выводимая сущность однонаправленно детерминирует конкретное ситуативное явление.

Наивным классическим представлением о неизбежном торжестве сущности над явлением необходимо противопоставить когнитивно более адекватный, так называемый неклассический подход. Неклассика проблематизирует детерминистскую взаимосвязь по линии «сущность – явление», превращая её в индетерминистскую взаимозависимость. Социальные явления способны трансформировать социальную сущность, откладывать время и переносить место конечного доминирования сущности над явлением.

В условиях реальных социальных взаимодействий человека с природой и социумом наблюдается, во-первых, постоянная конвенциональная динамика в отношении того, как в данный конкретный момент понимается и выявляется сущность тех или иных социальных процессов. Во-вторых, восприятие социальных процессов во многом обусловлено сиюминутными, иррационально схватываемыми «в моменте» представлениями социальных субъектов.

Доминирующие факторы функционирования общественного сознания взаимосвязаны, прежде всего, со сферой социальных явлений. Социальный мир, схватываемый в явлении, опирается на догматические

механизмы объяснения этих явлений, что обусловлено, прежде всего, традициями и психологически предопределёнными стереотипами, которые подчиняют себе общественное сознание. Критическое мышление носит в обществе крайне ограниченный и чрезвычайно элитарный характер. Социум в своём подавляющем большинстве пользуется не критически выстраданными и самостоятельно найденными способами решения проблем, а готовыми каноническими решениями, зафиксированными в положениях господствующей идеологии.

Следствием неклассической методологической ориентации является смещение акцента в познании с сущности на явление. В классически модернистском типе мышления важны сущностные основания наблюдаемых явлений, в неклассически постмодернистском – событие (явление) онтологически конкурирует с его причиной (сущностью). Кроме того, применительно к бытию социальных процессов следует подвергнуть ревизии модернистски классическое представление об истине как некоей неизменной сущности, сокрытой под покровом явления.

Следует также поставить под сомнение плодотворность позитивистских оперативно-следственных поисков скрывающегося за субъективным означающим (языком) объективного означаемого (референта). Феномен социальности необходимо проанализировать исходя из возможности автономного существования символически-абстрактного мира (явления) от материальной начинки (сущности). Самым ярким примером автономности существования идеального явления от материальной сущности является тысячелетнее господство в Европе и России религиозно-христианской картины мира, далёкой от социально-философского анализа реальных, материально проявленных общественных противоречий.

На первый план должен выйти не анализ материальных аспектов бытия общества (реальное), но рассмотрение состояний общественного (конвенционально-символическая социальная реальность) и индивидуального (индивидуальное воображаемое) сознаний. В сфере бытия общества в каждый конкретный момент времени доминирует не то, что есть «на самом деле» с точки зрения неких объективных материально проявленных процессов (реальное), но то, что считается реально существующим в конвенциональном пространстве

индивидуального сознания субъектов (воображаемое). Содержание социального воображаемого как системы представлений субъекта о себе, о мире и об обществе является следствием функционирования насильственных по своей природе систем власти, информации, языка и принудительных механизмов конструирования субъекта (символическое).

Индивидуальное и общественное сознание должно рассматриваться как необходимая и структурообразующая часть объективной социальной реальности. В этой связи реализация власти в социуме начинает связываться, в первую очередь, с использованием доминирующего дискурса (господствующее означающее, «то, что кажется», идеальное явление), и лишь во вторую очередь принимается в расчёт фактор материальной действительности (означаемое, «то, что есть на самом деле», материальная сущность).

Диалектика как метод анализа социума

Диалектика как всеобъемлющая теория познания природы, общества и мышления была сформулирована более двух столетий назад и на сегодня является когнитивно одной из самых результативных в истории философской мысли. В лице Г.В.Ф. Гегеля диалектика получила своё систематически законченное методологическое завершение. Диалектика усматривает источник развития во внутренних противоречиях, которые являются двигателями любых изменений.

Факт выявления диалектического развития указывает на фундаментальную нестыковку, существующую в недрах реальности – несовпадение бытия и мышления, отчуждённость одного от другого. Мышление свою неспособность вместить в себя материальное бытие и полностью ему соответствовать компенсирует дополняющим его идеальным бытием, достраивая несовершенную материальную действительность до приемлемых представлений о ней. Противоречие между бытием и мышлением толкает реальность к развитию, которое носит либо постоянно динамичный характер (диалектический метод), либо в итоге завершится в синтезном соответствии бытия и мышления (диалектическая система).

Диалектика использовалась в качестве метода для обоснования как идеалистических, так и материалистических концепций социума.

Различие подходов было обусловлено статусом тезиса (в триадической схеме тезис – антитезис – синтез) – носил ли он идеалистический или материалистический характер. Представляется, что диалектику следует адаптировать к объяснению природы социального, избегая противопоставления идеальное/материальное посредством введения промежуточной антитезисной составляющей – социальная реальность. Идеальное антагонистически не противоречит материальному, идеальное синтезируется с материальным, порождая феномен социальности и субъекта как носителя идеальных и материальных характеристик. Имеет смысл говорить о диалектической взаимозависимости в плоскости материальное/социальная реальность/идеальное.

Предполагается, что в социуме существует изначальная природно предопределённая реальность индивидов (тезис), которой противостоит социальная реальность общественных отношений, присутствующая в символическо-знаковой форме и опосредующая отношения между людьми (антитезис). Результатом властных усилий по формированию человека как функционально полезного элемента социальных отношений является производство субъекта в качестве полноценного члена социума (синтез).

Функциональность субъекта встроена в логику существования общества как системно целенаправленной организации, подчинённой интересам воспроизводства социума. Социальность и постоянно воспроизводимая вершина её развития – субъект (синтез) – несёт в себе в «снятом виде» элементы как природной материальности (тезис), так и социальной идеальности (антитезис). Сокрытость в реальном бытии общества материальных и идеальных факторов позволяет разным социальным концепциям редуцировать социум либо к материальным основаниям, либо к идеальным компонентам.

Специфика социальной реальности

Социальная реальность обладает своей производно-качественной спецификой в отличии от изначальной данной реальности природной. Столь активно используемое в социальных науках словосочетание «на самом деле» представляет собой естественное стремление человека апеллировать к некоей константной сущности, идее неизменного и

стабильного мира, на фундаменте которого становится возможным догматически выстроить человеческие представления, чаяния, верования и надежды.

Социальная реальность, в отличие от реальности природной, носит сугубо конвенциональный характер. Существование социальной реальности находится в крайне сложных, диалектических взаимоотношениях с природной действительностью : две разновидности реальности – природная и социальная коррелируют, противостоят, конкурируют друг с другом. Социальная реальность компенсирует для человека недостатки реальности природной, прежде всего, в части искусственного наделения мира смысловой размерностью.

Социум создаёт не только приемлемые для выживания человека материальные условия, но и конструирует идеальные представления, соответствующие природе человека, который с помощью культуры бросил вызов природной неизбежности смерти. Подавление смерти и сражение с небытием выступают ключевым фактором возникновения и функционирования культуры.

Переход к рассмотрению того, что «кажется», а не того, что «есть на самом деле», переакцентировка аналитического внимания с «сущности» на «явление» были связаны с методологическим переворотом в социально-гуманитарных науках середины XX столетия, который выразился в утверждении методологии структурализма. Структурализм предложил отказаться от поисков субстанциальных (сущностных) основ функционирования социума в пользу анализа того, на каких несущих конструкциях базируются реляционные (явленные) свойства социальных элементов (власть, язык, дискурс, бессознательное).

Реальный социально-политический контекст бытия индивидов в социуме пронизан, с одной стороны, их психологическими установками, выступающими в качестве начальных условий их социального существования. С другой стороны, поведение людей детерминировано их стремлением к достижению прагматических результатов по реализации своих интересов.

Психология человека более пластично подстраивается под интересы субъекта, нежели строгие каноны логически выстроенного разума. В мотивационных основаниях поведения человека доминируют

не рациональные, а иррациональные механизмы. В своей практической деятельности субъекты руководствуются не стремлением к абстрактной истине, но прагматическими соображениями, под которые задним числом подвёрстываются научно-рациональные объяснения.

В этой связи имеет смысл говорить не о материальной реальности общества, но о реальности социально-психологической, не об истине, но о правде, не о том, как оно было «на самом деле», но о том, как и в силу каких соображений субъектам выгодно крайне предвзято интерпретировать социальную картину мира. Субъекты тенденциозно-аберративно отражают, знаково-институционально воспроизводят и межпоколенчески транслируют социальную реальность, руководствуясь целями сохранения и воспроизводства социального целого, конвенциональное устройство которого подчинено их субъективно понятым интересам. Сочетание предзаданных психологических установок и прагматичное стремление к достижению результата обуславливают использование соответствующих методологических подходов.

Марксизм, структурализм, конструктивизм и структуралистский психоанализ

Марксизм, структурализм, конструктивизм и структуралистский психоанализ представляются своеобразными «методологическими отмычками», с помощью которых можно вскрыть «проблемные замки» социума. Данные методологические подходы есть своего рода методологический каркас, опираясь на который представляется возможным проанализировать природу социума и процесс функционирования общества. Вопрос о причинах следования субъектами определённой социальной картине мира представляется целесообразным разрешить, руководствуясь рационально-прагматическими (марксизм), инвариантно-структурными (структурализм), ситуационно-субъективными (конструктивизм), а также иррационально-психологическими (психоанализ) факторами.

Марксизм акцентируется на анализе социально-экономических оснований функционирования общества и сводит сущность социальных отношений к отношениям собственности. Марксистский подход анализирует социально-экономические мотивации поведения людей в их

связи с материально осязаемыми результатами. Диалектический анализ марксистски трактуемых социальных отношений позволяет выявить сущность функционирования промышленного капитализма.

Неомарксизм расширяет постановку вопроса о механизмах господства капитализма до культурной гегемонии как социокультурном основании процесса эксплуатации и до инвариантных структуралистских составляющих, выраженных не только в идеологии, растворённой в социальных институтах, но и в дискурсивных отношениях, лежащих в основе механизмов эксплуатации.

При этом, если классическая версия марксизма сводила проблематику эксплуатации к отношениям собственности, то современная марксистская мысль обоснованным образом ставит вопрос о том, кто является социальными выгодоприобретателями, классовыми бенефициарами определённого способа описания социальной реальности. Таковыми в обществе разделённого труда оказываются собственники средств производства, в интересах которых, в конечном счёте функционирует система капиталистических отношений и дискурсивно воспроизводится идеологически детерминированная социальная картина мира.

Структурализм ориентирован на поиски объективно проявленных социальных механизмов воспроизводства общества (власть, дискурс, информация, язык, психологические структуры). Структуралистская методология позволяет выявить механизмы конструирования индивида посредством дискурсивного, информационного и манипулятивного насилия. Структурализм акцентирует внимание на факторе когнитивных, дискурсивно предопределённых структур описания и воспроизводства социума. Императивный характер навязывания смыслов понятий как способов описания реальности становится возможным как результат сложных социальных процессов по ранжированию субъектов в экономической, политической, социальной и культурно-символической системах. В этой связи закономерно возникает проблема выявления «хозяина дискурса» как доминантного субъекта (актора) социальных процессов.

Конструктивизм выискивает своеобразные несущие опоры субъективного мира человека, закономерности выстраивания человеком своей индивидуальной картины мира (личностные конструкты,

субъективное знание, доопытное знание, стереотипы). Конструктивизм описывает способы формирования субъективной системы знаний и ценностей. Он предусматривает анализ смыслодержающих индивидуальных познавательных и мировоззренческих конструкций. В этой связи конструктивизм можно рассматривать как частный случай структуралистского анализа применительно не к общественному целому, а в отношении внутреннего мира субъекта.

Структуралистский психоанализ позволяет вскрыть психологические факторы становления и развития индивида, он усматривает истоки активности субъекта в общественно сформированных бессознательных процессах, носящих структурно-инвариантный характер. Познавательные возможности структуралистского психоанализа продуктивны в части объяснения того, каким образом при максимальном доступе к альтернативным источникам информации люди выбирают единственную, как правило, официальную точку зрения, транслируемую органами власти.

Структуралистский психоанализ также способен объяснить функционирование современной капиталистической системы глобальной эксплуатации за счёт использования механизмов идеологического фантазма. В частности, в понимании природы социальных противоречий структуралистский психоанализ даёт возможность проанализировать ретроградный возврат России в капитализм, осуществлённый ею в конце XX столетия.

Сочетание вышеперечисленных методов позволяет создать объёмную модель социума, где психологическая структура субъекта, функционирующая на уровнях реального, символического и воображаемого (психоанализ) объясняется действием объективных инвариантных механизмов власти (структурализм), конструирующих внутренний мир субъекта (конструктивизм) и анализирующих социальные процессы сквозь призму экономически господствующих бенефициаров (марксизм).

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

1.1. Физикализм – органицизм – структурализм – синергетика

Процессы социальной динамики находят своё отражение в доминировании тех или иных общественно-политических концепций, которые, в свою очередь, опираются на определённые методологические основания. Социальная наука является способом концептуального схватывания определённых исторических тенденций и, в превращённой форме, – научных концептов и теоретических моделей, которые содержат в себе интересы тех или иных социальных субъектов.

Затрагивая проблему динамики методологических оснований социогуманитарного познания, следует проанализировать не только содержательную сторону социальных методологий, но и выявить основания, условия и принципы функционирования идеологических доктрин. В этой связи имеет смысл кратко охарактеризовать способы построения социогуманитарных методов в их связи с определёнными идеологиями.

За основу следует взять принцип соотношения части и целого – порождается ли целое суммой частей (меризм), или оно превалирует над своими частями, продуцируя их как своё следствие (холизм). В самом общем виде имеет смысл утверждать, что методологическое взаимодействие меризма и холизма соответствует физикалистской и органицистской методологии познания социальных процессов. Доминация либо структуры, либо элемента в познании общества отражается в структуралистском и синергетическом подходах.

Методологические парадигмы			
Физикализм	Органицизм	Структурализм	Синергетика
Элемент – система	Система – элемент	Структура – элемент	Элемент – структура
Либерализм	Национализм	Критика капитализма	Современный либерализм
	Гегельянство		Синергетика
Герменевтика		Марксизм	

Теории рационального выбора	Философия жизни	Психоанализ	Теория управляемого хаоса
Структурно-функциональный анализ	Цивилизационные концепции	Лингвистический и социальный структурализм	
Бихевиоризм	Политический детерминизм		
Системный подход			
Конструктивизм		Постмодернизм	

Физикализм

Научные успехи физики на протяжении XVII-XVIII веков придали ей качество передовой науки, задающей стандарты понимания мира. Доминанция физики породила представление о мироздании как продукте взаимодействия мельчайших частиц, которые являются основанием существования вещей и явлений материального мира. Представление об атомно-молекулярной дискретности вещества породило аналогичные, выгодные буржуазии, социальные идеи относительно независимости отдельного атомарного индивида (Д. Локк, Т. Гоббс, А. Смит, И. Бентам, М. Вебер).

Редукция социального к физическому была естественной и вынужденной, однако она пустила мощные корни и стала узловой мировоззренческой позицией либерализма, поместившего в основание социального целого автономную, суверенную и стерильную «частицу» – индивида, права и свободы которого следует защищать и рассматривать их в качестве приоритетных по отношению к обществу. Политические, социальные и экономические права изолированного от общества индивида необходимо реализовывать в условиях свободной конкуренции собственников средств производства при безусловной нейтрализации принципа монархического авторитаризма и сословного способа дифференциации социума.

Органицизм

Во второй половине XIX века мировоззренческую доминанту физики постаралась сместить биология, прорывные научные успехи которой были столь впечатляющими, что социальные мыслители стали

уподоблять социум организму. Соответственно, общество как некое качественное целое провозглашалось причиной, а отдельный, единичный индивид – следствием существования социального целого.

Социальный органицизм рассматривает устройство и развитие социума как продолжение природных процессов. Бытие общества выводится из природных закономерностей, а законы природы являются определяющими в жизни общества. К социальному органицизму относятся европейский романтизм (Ф. фон Баадер, Ф. Шлегель, Новалис), консервативно-этатистские модели социального (А. Мюллер, К.Л. Галлер, О. Шпанн), расология (А. де Гобино, Ж. Ляпуж, Х.С. Чемберлен), социал-дарвинизм как либеральной (Г. Спенсер, У. Беджгот) так и консервативной (Л. Гумплович, Л. Вольтман) направленности, геополитические теории (Ф. Ратцель, Р. Челлен, К.Хаусхофер), этнополитика (А. де Бенуа, М. Мармен, П. Виаль).

Методология социального органицизма в части анализа культур, народов, государств и цивилизаций как сложных социокультурных феноменов позволяет прийти к мысли о схожести принципов устройства и функционирования государственных, национальных и культурных образований с характеристиками существования и развития организма, подверженного процессам рождения, роста, расцвета и умирания (А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, П. Сорокин, В. Шубарт, А. Тойнби).

Наиболее влиятельная биологическая концепция – дарвинизм – предложил рассматривать биологическую эволюцию как борьбу организмов за существование. Консервативная интерпретация социального органицизма включала в себя критику положений дарвинизма и была представлена, во-первых, русской версией (Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев). Русский вариант социального органицизма ориентировался на не дарвинистские течения в биологии и заострял внимание на идеях видовой обособленности организмов, которые определяют цивилизационное своеобразие народов, наций и государств. Каждая цивилизация имеет свою нишу развития в едином потоке истории, имеет свои цели и воплощает в мире свой внутренний смысл, без заимствований чуждых принципов и без навязывания своих религиозных, культурных и политических особенностей иным национально-культурным образованиям.

Во-вторых, социальный органицизм получил дарвинистскую интерпретацию, в частности, в контексте идей британского расового империализма (Д. Мильтон, Р.Д. Киплинг, Д.С. Родс, Б. Дизраэли, Ч. Кингсли, Ч. Дилк), евгеники (Ф. Гальтон, Л. Стоддард) и мальтузианства (Т.Р. Мальтус), свойственных британской колониальной политической традиции.

На органицистские концепции социального сделал ставку укреплявшийся в Европе во второй половине XIX – начале XX столетий национализм. Методологически органицизм идеально вписывался в построения националистических мыслителей, которые строились на доминировании органического национального целого над существованием и интересами отдельного представителя нации.

Сторонники идейного течения немецкой консервативной революции (О. Шпенглер, А.М. ван ден Брук, К. Шмитт, О. Шпанн, Э. Юнгер, Х. Фрайер, Э. фон Заломон, В. Штапель, Э.Ю. Юнг, Г. Фон Глейхен, В. Зомбарт, А. Боймлер) исходили из абсолютизации государственности, идеи универсализма, циклизма мировой истории, локальности культур, натуралистических представлений о природе социума, доминации войны как естественного состояния общества, рассмотрения власти и политики в качестве доминант социального развития.

Поражение германского национал-социализма спровоцировало дискредитацию в общественном сознании консервативно ориентированного органицизма как метода объяснения социальных процессов и связанного с ним социал-дарвинизма, евгеники, мальтузианства и расизма.

Милитаристская версия социал-дарвинизма была отвергнута в пользу либеральной версии дарвинизма. Либеральные интерпретации дарвинизма абсолютизировали поступательную роль эволюции, превращающую весь мир в арену перманентной конкуренции с предвосхищаемой победой в межвидовой борьбе западной цивилизации, что обусловило конструирование и навязывание сначала концепта модернизации (Э. Шилз, Т. Парсонс, У.У. Ростоу, Р. Арон), а затем и глобализации (Д. Белл, К.Р. Поппер, Ф. Фукуяма).

В общественных науках возобладали идея обоснования доминирования глобального либерального миропорядка. На волне

победных реляций появилась расслабляющая установка на социальную беспомощность и политико-культурную капитуляцию западной христианской цивилизации – идею толерантности. Популяризация либеральной идеи мультикультурализма способствовала появлению неконтролируемых миграционных потоков в Европу и Россию, что явилось одной из причин современного кризиса европейской цивилизации. Кризис закономерным образом проявляется в очередной волне эмигрантских погромов во Франции летом 2023 года и даёт о себе знать в череде конфликтов с так называемыми мигрантами (которые являются эмигрантами) на территории России.

Структурализм

После поражения нацистской Германии и императорской Японии во Второй мировой войне кардинальной денацификационной ревизии подверглись все идеологические постулаты об устройстве мироздания, в том числе, и взгляды на взаимодействие целого (общества) и части (индивида). Социальная методология вернулась к физикалистскому восприятию социальных процессов, которые в эпоху «жарких 1960-х» годов были потеснены методологией структурализма. Анализ капиталистических отношений позволил структурализму выявить инвариантные структурные закономерности, служащие несущими конструкциями буржуазного общества.

Во второй половине XX века философские течения структурализма и структуралистского марксизма скорректировали либеральные установки в сторону признания изрядного тоталитарного потенциала западного общества, так называемого общества потребления. Выяснилось, что современный капитализм не опирается на волю свободного, суверенного и автономного индивида, но конструирует субъекта в соответствии с интересами функционирования мировой финансово-экономической системы.

Структурами, поддерживающими капиталистический порядок назывались: господствующий в социуме дискурс, постоянно воспроизводимая система дисциплинарной власти, функционирование капитализма посредством управления желаниями индивида, отношения собственности, насильственные способы конструирования субъекта, укоренённый в структурах социального и индивидуального

бессознательного мотив подчинения общественному и государственному порядку (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Л. Альтюссер). Структурализм провозгласил доминанцию структурных взаимозависимостей, которые пронизывают социальное бытие не диахронически (система), но синхронически (структура).

Синергетика

Современный период трансформации капиталистического общества связан с появлением новых тенденций, связанных с виртуализацией социального, развитием медийных технологий, процессами цифровизации и спорадического возникновения принципиально новых социальных конструкций, прежде всего, в сетевом онлайн-пространстве. В этой связи в конце XX-начале XXI столетий мировой либеральный порядок, вдохновлённый победой над альтернативной идеологией коммунизма, обогащает свои теоретические установки и практические возможности идеями синергетики.

Синергетический подход к социальной реальности реабилитирует историческую и социальную случайность, наделяя её творческими возможностями по формированию принципиально нового социального качества, лишённого причинно-следственных взаимосвязей со своими прошлыми состояниями. Социальными интерпретациями идеи синергетики стала, в частности, военно-стратегическая концепция «управляемого хаоса», явившаяся методологическим основанием технологий ново-либеральных «цветных революций» (С. Манн, Д. Шарп, Л.Д. Киль, Э. Эллиотт, Дж. Глейк).

Синергетический подход к природе и динамике развития социума, обогащённый медийными технологиями социального контроля и управления поведением индивидов, в настоящий момент обеспечивает либеральной идеологии сохранение доминирующих мировоззренческих позиций в общественном сознании. На сегодняшний день идейно-методологические мутации либерализма в целом позволяют ему удерживать мировые процессы в границах реализации проекта прозападной финансово ориентированной глобализации.

1.2. Премодерн – Модерн – Постмодерн

Формулирование принципов грядущей русской идеологии целесообразно выстроить в контексте строгой системы социально-философских, политических и ценностных координат. Представляется, что в качестве таковой крайне интересен и продуктивен социокультурный подход к анализу социума с позиций выявления в содержании и направленности социальной динамики трёх периодов, своего рода культурологических парадигм или типов общества: Премодерн – Модерн – Постмодерн.

Премодерн

Традиционное общество (Премодерн, архаичное общество) (середина I тыс. до н.э. – XV век) отличается доминированием в социуме религиозной составляющей. Человек в традиционном обществе социализируется в качестве составной части общины, полиса, семьи, рода, клана, касты, сословия. Общество построено на естественной (органической) совместной жизни группы людей, связанных происхождением, социальными связями, мировоззрением, общими жизненными установками, единой судьбой и надеждами на будущее. Общество культивирует идеологические механизмы, направленные на интеграцию индивидуума в атмосферу религии, обычаев, привычек, стереотипов, традиций, заветов предков.

В обществах традиционного типа, в силу объективной неразвитости общественных взаимоотношений, каналы социальной коммуникации функционируют в пределах семьи, рода, общины, сословия, той или иной хозяйственной единицы. В традиционном обществе идеологические функции, связанные с контролем, управлением, мобилизацией и активизацией народных масс вокруг решения общих задач выполняет религия. При этом религия эффективно реализует свои социально консолидирующие функции в силу инертности социума, обусловленной отсутствием развитой информационной инфраструктуры (средств массовой коммуникации) и крайне низким уровнем подготовки потребителей информации (неграмотность реципиентов).

Чертами традиционного общества выступают: господство религиозных представлений в трактовке реальности, низкий уровень жизненной активности, связанный с рассмотрением земного существования как этапа для подготовки к потустороннему бытию. Социальные отношения выстраиваются на основе общности происхождения и единства перспектив развития, что влечёт за собой жесткую систему социальной иерархии. Политика не воспринимается как особая, независимая от религии сфера бытия социума, а политическая власть трактуется как одна из форм реализации божественной воли. Натурально-потребительский тип хозяйствования носит, по большей части, аграрный характер и ориентируется на удовлетворение насущных сиюминутных потребностей, а не на рост производства товаров и услуг для рынка.

Модерн

Индустриальное общество (общество Модерна, современное общество) (XVI – первая половина XX века) – сложилось под влиянием эпохи Возрождения и движения Реформации. Оно основано на развитии крупного промышленного производства, ориентации на постоянно возрастающие объемы производства, потребления, знания. Метафора машины применительно к обществу обосновывает «механизацию» общественных связей и экстенсивно развивающуюся экономику. Человеку предоставляется свобода от разного рода сословных, культурных и религиозных запретов и ограничений. Граждане национальных государств идентифицируют себя с обществом как национально-государственным целым, объединённым общими экономическими, социальными и культурными основами. В качестве образца берётся модель научного, «просвещенческого» образования, которое ведётся не от имени традиций, но от лица всеобщих законов разума, призванных воспитать законопослушных граждан.

Признаками общества модерна являются следующие составляющие. Создание промышленного типа общества на базе машинного способа производства, доминирование рационального восприятия сущности социума и природы человека в соответствии с научными принципами, использующими логическую аргументацию. Легализация рациональных принципов контроля граждан за социально-

политическими процессами, динамика развития которых воспринималась с позиций теории прогресса. Формой социального взаимодействия являются не непосредственные, внеэкономические отношения, но социально-экономические взаимосвязи, опосредованные произведёнными вещами и функциональными ролями человека в обществе. Статус человека определяется не происхождением, но его местом и ролью в системе общественного производства, что порождает экономически дифференцированную структуру общества.

С развитием экономических взаимосвязей между различными регионами планеты, с образованием единых национальных экономик в рамках государств, с распространением форм хозяйственной эксплуатации в промышленных объёмах, главным способом социального управления становится экономическое принуждение и политическое регулирование.

Постмодерн

Постиндустриальное общество (Постмодерн, информационное общество) (со второй половины XX века) – характеризуется преобладанием сферы услуг над производственной сферой, интенсивно развивающейся экономикой с ориентацией не на объёмы, а на качество продукции, а также первоочередным вниманием к личности работника (квалификация, компетентность, образованность).

Постиндустриальное общество характеризуют следующие признаки. Наблюдаются глобализаторские тенденции по размыванию культурно-исторической и национально-государственной идентификации индивидов как членов качественно единого общества. Происходит слом мировоззренческих категорий общества модерна – «реальность», «объективность», «истина», «время», «разумность». Индивиды начинают структурироваться на основе неких изначально фундаментальных, всепланетарных, общечеловеческих ценностей и этических принципов, подкрепляемых общезначимыми объёмами «научной» информации.

Переизбыток информации приводит к перегруженности сознания и, как следствие, к развитию манипулятивных технологий управления человеческим поведением. Процессы межличностной коммуникации трансформируются в обезличенно-анонимные формы общения –

интернет-сообщества, интернет-блоги, sms-общение. Идеологический процесс из-под контроля семьи и государства перетекает в виртуализированный мир «симулякров» и сомнительных форм проведения досуга – компьютерные игры, киноиндустрия, интернет, низкопробная массовая культура, диктатура развлечений и удовольствий.

1.3. Противоречие – негативность – насилие

Вопрос о сущности социального насилия необходимо анализировать в связи с категориями социального противоречия и социальной негативности, рассматривая насилие как следствие проявления противоречий в обществе и форму выражения негативности в социальных отношениях.

Противоречие:

социально-философские трансформации

Ключевой проблемой анализа социума выступает выявление сути наличествующих в обществе противоречий. Общественные науки со времён легализации диалектики в немецкой классической философии усматривают в социальных противоречиях основополагающую двигательную силу любых социальных изменений.

В философии Античности противоречия осмысливались в контексте языческих представлений о природе реальности и выступали либо необходимым ингредиентом любых процессов (Гераклит), либо нивелировались на основании их невозможности быть непротиворечиво помысленными (Парменид), в частности, на примере противоречивого для мысли анализа процесса движения (Зенон).

Стремление мысли избегать противоречий и достигать тем самым истины явилось доминирующим мотивом античного логоцентризма и называлось диалектикой как искусством вести беседу. Противоречивость мысли отождествлялась при этом с заблуждением (Сократ, Платон, Аристотель).

Средневековая философия стремилась объявить противоречия мысленного постижения реальности несовершенством и греховностью

человека, а процедуру их окончательного и предельного разрешения перенести в Царствие Небесное.

Философия Нового времени объявила разум основным механизмом разрешения противоречий. Противоречия уничтожаются либо за счёт методологически правильного дедуктивного пользования разумом (Р. Декарт), либо посредством освобождения индуктивного чувственного познания от заблуждений (Ф. Бэкон).

Немецкое Просвещение в лице И. Канта столкнулось с противоречиями в процессе гносеологического анализа условий и предпосылок опытного познания и отреагировало на них в духе агностицизма. Кант фактически отказался обсуждать вопрос относительно бытия, статуса и функционирования онтологических противоречий во внешнем, ноуменальном относительно человеческого сознания мире, провозгласив этот мир миром «вещей-в-себе» (Ding-an-sich). Существование гносеологических противоречий, функционирующих в феноменальной сфере человеческого мышления как чистого, свободного от эмпирии разума, в мире «вещей-для-нас» (Ding-für-uns) были обозначены как принципиально неразрешимые, антиномичные и равнодоказуемые (несмотря на их антагонистичность) в силу их оторванности от эмпирического основания.

Г.В.Ф. Гегель превратил противоречивость разума из предела в его собственный принцип и объявил противоречие главной движущей силой развития: «Противоречие... есть корень всякого движения и жизненности ; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»¹. Диалектическое понимание природы противоречий позволило Гегелю абсолютизировать противоречие в качестве универсальной способности вещей, явлений и процессов быть причиной собственного изменения. Возможность раскрытия законов развития мира обусловлена тем, что в основе мироздания лежит противоречиво развивающийся дух.

В процессе развития противоречивое единство раздваивается на противоположности. Их борьба и столкновение приводят к «снятию» противоположностей, благодаря чему происходит «жизнь настоящего духа», представляющая собой «кругообращение ступеней»². Дух, или

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 65.

² Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: «Наука», 1993. С. 125.

абсолютная идея, будучи тезисом, на стадии антитезиса отторгает себя в природу с тем, чтобы на стадии синтеза познать себя посредством понятийным образом функционирующего человеческого сознания.

Марксизм трактует гегелевские противоречия в качестве объективных свойств самой материальной действительности. Разрешение противоречий посредством революционного снятия противоположностей носит либо постоянно воспроизводимый характер в силу бесконечности и сложности устройства познаваемого разумом мира (метод Гегеля, «историческое»), либо имеет финалистский результат, когда абсолютная идея окончательно познает сама себя (система Гегеля, «логическое»). Ориентация на системную завершённость процесса диалектического развития породила две глобальные социальные утопии двух самых ярких гегельянцев – К. Маркса (коммунизм) и Ф. Фукуямы (либеральный «конец истории»).

Новое социальное качество утверждает и учреждает себя посредством стремления тезиса к синтезу через борьбу с антитезисом. Неизбежная тоска тезиса по синтезу выглядит достаточно убедительной с точки зрения марксистского анализа предшествующей истории европейского человечества как смены общественно-экономических формаций (рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм). Причём речь в данном случае ведётся исключительно о европейской истории, так как азиатский путь развития крайне сложно коррелировал с классическим марксизмом. Это видно на примере выбивающегося из стройной логики классической марксистской аналитики «азиатского способа производства» и сложнообъяснимыми в марксистском контексте феноменами взрывного развития современного Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея).

При этом классический марксизм в односторонне-детерминистском ключе решал проблему соотношения базиса как причины (социальные взаимодействия людей, обусловленные их отношениями друг к другу в процессе общественного производства, распределения, обмена и потребления) и надстройки как следствия (идеалистически обосновывающие отношения эксплуатации религия, мораль, политика, идеология, право).

Неомарксистская и постмарксистская мысль неуклонно двигалась в сторону усиления субстанциальных возможностей надстройки в её

взаимодействиях с базисом. Доминанция базиса над надстройкой провозглашалась «лишь в конечном итоге» с признанием относительной независимости и самостоятельности надстроечных явлений (Ф. Энгельс), господство капитализма усматривалось в самодовлеющих факторах культуры (А. Грамши), мутация капитализма сводилась к тотальному распространению особого типа западной рациональности в сфере общественного сознания (Франкфуртская школа), власть капитала объяснялась посредством использования механизма идеологической интерпелляции (Л. Альтюссер), анализ современного западного общества строится посредством задействования структур социального бессознательного (С. Жижек).

Представляется, что предложить аргументированную версию выявления сущности современных социальных противоречий возможно с опорой на марксистскую методологию, обогащённую идеями структуралистского психоанализа.

Онтологический статус негативного

Проблема онтологического статуса негативности, небытия, ничто, является одним из центральных в истории философской мысли. Не менее важным этот вопрос представляется для социальной философии. Стремление объяснить причину динамики социального развития вызвало к жизни идею усмотрения источника развития в социальных противоречиях. Причиной социальных противоречий выступает фундаментальная нестыковка разрозненных интересов людей. Различие форм зависимости социума от условий его существования порождает борьбу между различными социальными группами, слоями, классами и государствами за разнообразные, объективно ограниченные ресурсы.

Сущность общественной борьбы выражается в стремлении стать антитезой для своего оппонента и противника. Антитезисность напрямую связана с потенциальной аннигиляцией одного социального субъекта со стороны другого. Противостояние субъектов силы превращает одну из сторон в инобытие для своего оппонента. Так рождается феномен социального отрицания, элиминации, негации и негативности – понятий, рассматриваемых синонимично в контексте анализа социальных противоречий.

Применительно к онтологическому статусу небытия в философии возникает много вопросов, в частности, существует ли небытие и негативность в материальной действительности (К. Маркс) или является функцией сознания (И. Кант), можем ли мы говорить о том, чего не существует – о небытии как о существующем (традиция, идущая от Парменида).

Относительно социальной негативности сомневаться не приходится – общественные враги и непримиримые антагонисты существуют и принимают формы и качества взаимного отрицания друг друга. Социальный антагонизм может принимать не только формы негативизма оппонента, но и выражаться в разрушающе-негативном воздействии на общество процессов, структур и тенденций развития социума.

Тезис о сосуществовании лицевой (позитивной) и изнаночной, (негативной) сторон социального бытия вещей, явлений и процессов порождает веер интерпретаций онтологического статуса и роли социальной негативности в процессах развития. Разнообразие трактовок социальной негативности имеет смысл свести к трём базовым концепциям – гегельянско-диалектической (негативность как отрицание), классово-марксистской (негативность как отчуждение) и структурно-психоаналитической (негативность как расщеплённость субъекта).

Негативность как отрицание

Период раннего рационализованного Модерна (до второй половины XIX столетия) как демонстрации максимальной уверенности в господстве разума, периода знаковых свершений с сфере научного подчинения человеком внешней природы, а также целенаправленного инжиниринга социальных отношений, что выражалось в установках социальной философии европейского Просвещения.

Рационалистический задор философии Просвещения находит своё наивысшее воплощение и гармонично сопрягается с установками идеалистической философии Г.В.Ф. Гегеля. Источник социальной динамики трактуется Гегелем с позиций идеалистической убеждённости в существовании негативной антитезисной тенденции, встроенной в природу вещей, явлений и процессов, которая на путях самоотрицания

выступает источником развития. В представлениях Гегеля негативность (антитезис) – необходимый ингредиент реальности, способный породить новое качество (синтез) посредством отрицания старого (тезиса).

Представляется вполне органичным объяснение успехов рационализованного либерализма в деле социального реформирования и достижения ведущими странами Запада объективного экономического роста действием всё более обретающего уверенность в себе мирового разума. Своеобразное «шествие разума и свободы по планете» выразилось в череде буржуазных революций, проводившихся под эгидой старых добрых идей Просвещения. Создавалось ощущение, что человеческий разум преодолел внутреннюю негативность своей инстинктивной природы и поставил под рациональный контроль все иррациональные выплески человеческой натуры.

Чрезвычайно продуктивная революционность подхода Г.В.Ф. Гегеля к реальности выразилась в его фундаментально-философском обосновании идеи о существовании внутреннего антагонизма вещей, явлений и процессов в качестве источника развития. Любая вещь, процесс или явление, по Гегелю, несут в себе собственное отрицание и развиваются посредством диалектического «снятия» возникающих внутренних противоположностей.

Современные философские исследования в качестве саморазумеющегося постулата приписывают Гегелю красивое утверждение о том, что «без негативности бытие даже шлохнуться не может в своей холодной тождественности самому себе»³. Иное, не менее яркое прочтение гегелевской негативности выглядит следующим образом: «Взгляд Гегеля на действительность – это взгляд рентгеновского аппарата, который видит во всем живом следы своей будущей смерти»⁴.

Опция отрицания/негативности, с точки зрения Гегеля, не существует извне, но встроена в бытие предмета. В этой связи возможность уничтожения предмета, его смерть сосуществует наряду с

³ Данько С. Аксиология негативности // Онтология негативности: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная. М., 2015. С. 202-214. С. 202.

⁴ Žižek S. less than nothing: Hegel and shadow of dialectical materialism. – L. ; N. Y. : Verso, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetedkarchive.com/library/slavoj-zizek-less-than-nothing.pdf> (дата обращения: 24.06.2024).

жизнью. Результатом же столкновения противоположных тенденций жизни и смерти является наличное бытие предмета, рассматриваемое как его постоянное становление, в котором исчезают бытие и ничто. Становление «содержит в себе бытие и ничто и содержит их таким образом, что что оба они полностью переходят друг в друга и взаимно снимают друг друга. Становление, таким образом, оказывается безудержным движением, но оно не может удержаться в этой абстрактной подвижности, ибо, так как бытие и ничто исчезают в становлении, а лишь это исчезновение и составляет понятие становления, оно, следовательно, само есть некое исчезающее, огонь, который потухает в самом себе, пожрав свой материал»⁵.

При этом Гегель опирается в своей философии не на понятие негативности, а на понятие отрицание. Сознательный отказ от понятия негативность лишает её значимого онтологического статуса. Отрицание выступает в гегелевской философии не субстанцией, но акциденцией, являясь необходимым и неизбежным моментом развития. При этом отрицание трактуется идеалистически – являясь диалектическим этапом самопознания абсолютной идеи и выступая антитезисом по отношению к тезису. Гегелевское отрицание, таким образом, несёт в себе потенциал прогрессивного синтезированного развития.

Негативность как отчуждение

Период позднего Модерна (со второй половины XIX столетия) характеризуется нарастанием кризисных явлений в капиталистическом процессе развития общества и в буржуазных способах организации экономической деятельности. Издержки рационально организованного капитализма начали проявляться в имущественном неравенстве внутри колониально-капиталистических государств и в нарастании политической напряжённости между ведущими государствами Запада.

Социально-экономические противоречия выразились в росте социальной напряжённости, вылившись в ряд социальных потрясений и революций. Политическая напряжённость между мировыми колониальными державами и их борьба за передел мира воплотились сначала в Первой, затем во Второй мировых войнах. В этой связи

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 228.

обострился интерес к социальным концепциям марксистского толка, акцентирующих внимание на внутренних противоречиях и внешних диспропорциях капиталистического пути развития.

Марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) материализовал и социологизировал фактор негативности бытия. Маркс усматривает в том, что мы называем негативностью, социальный феномен, вызванный общественным разделением труда и появлением частной собственности на средства производства. Негативность просматривается в марксизме в следующих значениях – революционном, эксплуататорском и социальном.

Революционный аспект негативности указывает на характер направленности социально-исторического развития. Негативно-революционный потенциал несут в себе эксплуатируемые классы по отношению к эксплуататорам. В классово разделённом обществе происходит процесс постепенного вызревания революционной негативности, когда эксплуатируемые классы наращивают потенциал неприятия системы эксплуатации и стремятся к осуществлению *революции*. Революция несёт в себе заряд отрицания и негативности по отношению к старому режиму. Однако революционное отрицание, взятое в контексте глобальных социальных изменений, несёт в себе при этом творчески-оздоравливающий потенциал совершенствования социальных отношений на лестнице прогресса, понимаемой как смена общественно-экономических формаций (рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм).

Эксплуататорский аспект бытия негативности в марксизме связан с выявленным объективным законом, раскрывающим тайну капиталистического производства – стремление капиталиста к умножению *прибавочной стоимости*. Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, он становится тем более дешёвым товаром, чем больше товаров создаёт. Рост стоимости мира вещей приводит к обесцениванию человеческого мира. Частная собственность как ядро и основная причина эксплуатации человека человеком не является абсолютной данностью – она носит конкретно-исторический характер – её не было раньше и не будет впоследствии. Частная собственность являет собой следствие экспроприированного труда, когда

капиталист (эксплуататор) присваивает себе в собственность продукт труда других людей (эксплуатируемых).

Социальный аспект негативности проявляется в механизмах *отчуждения* человека от продуктов своего труда, производителя от собственной активности, человека от родовой сущности. Продукт труда отчуждается от производителя, становится от него независимым, чуждым ему механизмом эксплуатации, так как несёт в себе эксплуататорскую прибавочную стоимость. Механизмы капиталистической эксплуатации не позволяют человеку воспроизводить себя в своих высших, собственно человеческих качествах. Эксплуатируемый вынужден воссоздавать только свою низшую, животную природу, встраивая себя в качестве элемента в капиталистическую систему эксплуатации. Капитализм рассматривает производителя только лишь как носителя трудовых функций, игнорируя его как человека, наделённого духовной размерностью. В результате работник не принадлежит самому себе, он отчуждается от своей человеческой природы.

Итак, марксизм социальную негативность трактует как революционную тягу эксплуатируемых к ниспровержению экономического господства эксплуататоров. Маркс опирается при этом на негативизм максимизации капиталистами прибавочной стоимости, что вызывает негативные диспропорции в социуме, вызванные механизмами социального отчуждения. При этом социальная негативность служит для Маркса источником развития и прогресса на эксплуататорских, государственных стадиях развития человечества (рабовладение – феодализм – капитализм).

Негативность как расколотость субъекта

Период так называемого Постмодерна (со второй половины XX века) породил процессы, сложно объяснимые в контексте как рационализированной методологии Гегеля, так и социализированной методологии Маркса. Речь идёт о процессах распада первого в мире социалистического государства – Советского Союза и всей мировой социалистической системы. Средствами описания возрастающих хаотизированных процессов по разбалансированию деятельности планово обустроенных социалистических государств не могут стать ни

идеи нарастания рациональности гегелевской диалектики, ни социально-оптимистичные представления марксизма относительно неизбежно-прогрессивной смены общественно-экономических формаций.

Между тем, структуралистский психоанализ вполне способен предоставить методологический инструментарий для объяснения процессов распада СССР, господства мировой капиталистической прозападной системы общества глобального потребления во главе с США, современные сбои прозападной глобализации, а также попытки создания ризомообразной многополярной системы мировых отношений.

В пользу этого предположения говорит, в частности, то обстоятельство, что развал Советского Союза осуществлялся строго по канонам социального психоанализа – через разогрев потребительских инстинктов народа с последующей дискредитацией и уничтожением советской власти, неспособной удовлетворить возросшие аппетиты позднесоветских людей к красивой и богатой жизни. Бытие социального бессознательного граждан Советского Союза в этом смысле строго соответствует логике развёртывания желания в методологии структуралистского психоанализа.

Если классический марксизм акцентировал свои построения на социально-экономических последствиях стремления капиталиста максимизировать прибавочную стоимость, то структуралистский психоанализ задаётся вопросом о том, что именно толкает собственника к обладанию прибылью? Ответ: желание. При этом причина желания (*«объект а»* Ж. Лакана) состоит в бесосновном желании желать. Желание, в конечном счёте, стремится просто желать в отрыве от предмета своего желания.

Основание желания состоит в желании нехватки как недостижимого стремления к обладанию Ничто: «человеческое желание (в отличие от инстинкта у животных) всегда конститутивно опосредовано в отношении Ничто: истинный объект-причина желания (в отличие от объектов, которые удовлетворяют наши потребности) по определению является «метонимией нехватки, заместителем Ничто»⁶.

Таким образом, желание в своём предельном выражении концентрирует в себе внутренне присущее индивиду мазохистское

⁶ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело», 2014. С. 159.

стремление к саморазрушению. Умелым образом инспирированная реализация токсично-разрушительного потенциала социального мазохизма позднесоветского общества привела к закономерному уничтожению нашим народом политической формы своей организации.

Многомерность социального насилия

Социальное насилие, рассматриваемое сквозь призму его технологической, то есть, функциональной представленности, предполагает анализ насилия как закономерного способа воздействия человека на природный и социальный мир с целью получения максимальной результативности в реализации интересов тех или иных социальных групп, слоёв, классов и государств. При этом многогранность и многофакторность социального насилия предполагает рассмотрение его в качестве насилия экономического, политического, идеологического, информационного, манипулятивного, дискурсивного, а также насилия структур бессознательного.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова предлагает трактовать насилие как «применение физической силы к кому-нибудь ; принудительное воздействие на кого-нибудь». Однако принудительность насилия чрезмерно расширяет это понятие и никак не конкретизирует степень проявленности принуждения. Понимание насилия как принуждения распространяет этот феномен практически на все стороны социальной жизни человека – от образования и воспитания до широкого спектра каждодневных субъективных мотиваций. При желании вполне можно рассматривать в качестве насилия даже процесс чтения данных строк в том случае, если они хоть как-то связаны с насильственной вынужденностью читателя. Тем самым насилие имеет смысл уподобить любому социальному воздействию на субъекта, которое предполагает социализацию человека как способ адаптации биологической природы субъекта к социальным нормам и требованиям.

Анализ современных способов функционирования социального насилия следует осуществлять с привлечением творчески развитых идей структуралистского психоанализа, неомарксизма, постмарксизма, структурализма. Функционирование власти выражается в форме : дискурсивного насилия, «проективного» насилия, насилия бессознательного, насилия искусственных желаний, насилия над телом и

интимностью (биополитика). Анализ разнообразных трактовок социального насилия позволяет выявить два подхода к его сущности, которые условно можно обозначить как реляционный и субстанциальный.

Социальное насилие: реляционный подход

Реляционный подход к природе насилия исходит из абстрактно-умозрительной установки относительно восприятия насилия как девиантного способа социального взаимодействия. Реляционность насилия трактуется как случайно существующая, производная аномалия по отношению к субстанциально-ненасильственным основаниям функционирования некоего абстрактного социума. Если насилие трактуется как социальное отклонение, то, соответственно, постулируется его конечная недопустимость в общественных взаимодействиях. Предполагается, что насилие является архаичной формой разрешения социальных противоречий, в то время как современное рационализованное человечество якобы способно нивелировать насилие и выстроить систему ненасильственных морально-правовых взаимодействий.

Реляционный подход свойственен либеральным, коммунистическим и различного рода утопизированным разновидностям общественно-политической мысли. Социальное насилие провозглашается временным явлением в жизни человеческого общества, которое непременно будет вытеснено эмпатически ориентированным человеческим разумом (либерализм), отменится естественной динамикой общественно-экономических отношений по искоренению частной собственности как источника насилия (коммунизм), уничтожится вследствие научно-технологического рывка в развитии человеческой цивилизации (технократизм), будет повержено человеческой любовью в своём предельном варианте – в Царствии Небесном (христианство).

Реляционная интерпретация социального насилия как принуждения предполагает его либеральное противопоставление власти и получает этическое осуждение как социальной аномалии, ассоциируемой с полюсом абсолютного общественного зла (Х. Арендт). Данная позиция подкрепляется либерально-правовой аргументацией,

ссылками на использование легитимных механизмов применения насилия со стороны государства (М. Вебер).

Насилие также по-коммунистически квалифицируется как следствие существования частной собственности на средства производства (К. Маркс). В частности, современные исследователи при анализе социальной природы насилия рассматривают его как способ выражения и актуализации интересов экономически господствующих социальных слоёв. Так, Г.Н. Киреев рассматривает социальное насилие как «следствие прошлых и настоящих, необходимых и случайных связей действительности антагонистических обществ»⁷.

Реляционный подход к социальному насилию несостоятелен в силу того, что он носит абстрактно-теоретический характер – он исходит из категории «должного», которое рассматривается в качестве неперменного «сущего». Социальное насилие в этом случае демонизируется, наделяется чертами социального негативизма, которому противостоит некая абстракция идеального, непорочного и чистого «ненасилия». Реляционность насилия граничит с жанром социальных утопий, для которых свойственна идеализация некоей самостоятельной, автоматически возникающей позитивной человеческой природы, аккумулированной в институтах гражданского общества и которая при этом вынуждена противостоять жуткому и страшному государственному насилию.

Социальное насилие: субстанциальный подход

Субстанциальный подход рассматривает социальное насилие как естественный ингредиент социальности, служащий механизмом социального взаимодействия и конструирующий субъекта в качестве функционально полезной единицы социума. К субстанциальному подходу в основном тяготеют консервативно ориентированные мыслители, абсолютизирующие насильственно-политические факторы бытия социума, а также сторонники структурализма, видящие в социальном насилии базовую несущую конструкцию социальности. Обоснование насилия носит эстетический (Ф. Ницше, Ж. Сорель), политико-правовой (К. Шмитт), структуралистско-дискурсивный

⁷ Киреев Г.Н. Социальное насилие. М., 2005. С. 310.

(М. Фуко), психоаналитический (С. Жижек), системно-социальный (В.В. Корнев) характер.

Своей развёрнутой философско-теоретической кульминации апология социального насилия находит в философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, который рассматривает насилие в качестве условия социальной интеграции, благодаря чему «общество закончено в себе и сохраняет себя». Немецкий мыслитель уподобляет насилие необходимости, благодаря которой сущее восходит вверх по ступеням развития самопознающего духа : *«Не искусственность законодательного и т.п. насилия – самость – вот что является высшим. Насилие свободно предоставляется своей судьбе, необходимость»*⁸.

В социальной философии субстанциальность социального насилия получает различные теоретические обоснования и наименования : «микрофизика власти» (М. Фуко), «структурное насилие» (Й. Галтунг), «символическое насилие» (П. Бурдьё), «объективное насилие» (С. Жижек), «системное насилие» (Б.-Ч. Хан).

Современный социальный философ В.В. Корнев резонно предлагает «очистить понятие «насилие» от некритических предустановок и конъюнктурных смыслов (таких как сведение насилия к психологическому «минусу», к некоей недолжной форме общения). И после удаления шлейфа тривиальности и схоластики насилие предстанет базисным человеческим переживанием, реализуемым в речи, культуре, коммуникации, в желании властвовать или подчиняться, в творчестве, спорте, семье, наконец, в том же русле межполовых отношений, но только уже не напоминающем улицу с односторонним движением»⁹.

Актуальность субстанциального подхода к социальному насилию выражается в том, что он в восприятии насилия опирается на категорию «сущего» в качестве субстанциально-неуничтожимого ингредиента социума, являющегося «социальным клеем» феномена социальности.

⁸ Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М., «Мысль». 1970. С. 363-364.

⁹ Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. С. 90.

II. АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ

Феномен идеологии рассматривается с позиций двух взаимоисключающих подходов, которые условно можно свести к теориям деидеологизация и реидеологизации.

Деидеологизация включает в себя теории, которые воспринимают идеологию как изначально аберративную форму общественного сознания и стремятся изгнать её с помощью объективного социального разума. Данный подход был свойственен эпохе Модерна и нашёл своё наиболее яркое воплощение в различных версиях позитивизма и марксизма.

Реидеологизация призывает поверить в вечность идеологий, усматривая идеологические структуры в социальности как таковой и в изначальных структурах человеческой психики. Данный подход в наиболее ярких формах свойственен эпохе Постмодерна, что находит своё теоретическое выражение и обоснование в философии структурализма и постмодернизма.

2.1. Идеология : отечественная судьба концепта

На протяжении последних четырёх десятков лет феномен идеологии приобретал не только различные, но и диаметрально противоположные толкования в отечественных социально-философских и политологических исследованиях. Доминирующие интерпретации идеологии в научно-академическом и экспертно-аналитическом пространствах закономерным образом синхронизировались с политической и социокультурной ситуацией в России и мире. В самом обобщённом виде следует выделить три базовых способа трактовки идеологии в отечественных социальных науках, которые доминировали на тех или иных этапах развития нашего государства.

Марксистский подход

Первый, марксистский подход (1960-1980-е годы) предполагал рассмотрение общества сквозь призму социальной науки, к которой относился диалектический и исторический материализм, не предполагавший отклонений от классически понимаемых критериев

научности в познании общественных процессов. С этим была связана акцентировка внимания на идеологии только и исключительно как форме общественного сознания, искажающей объективную реальность в силу присущей его носителям социально ангажированных характеристик. Исключением выступал марксизм-ленинизм, который трактовался не как идеология, но как форма социально-научного познания. Марксизм был способен объективно анализировать социальную реальность в силу её соответствия диалектическому методу, коррелирующему с законами развития природы, общества и мышления.

В период существования Советского Союза как страны-носительницы марксистского мировоззрения, представление об идеологии как одной из разновидностей аберрации общественного сознания получало мощную экономико-политическую ресурсную составляющую. Слой коммунистически ангажированных философов и пропагандистов рьяно отстаивал установку на популяризацию прогрессистски заточенной и научно обоснованной идеологии марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм в перспективе должен был ниспровергнуть аберративные формы общественного сознания, к которым относилась не только идеология, но и религия, а также широкий ряд буржуазных философских учений и отдельные направления искусства.

Либеральный подход

Второй, либеральный подход (1990-е годы) объявил начало эпохи «внеидеологичности» сразу после того, как идеология коммунизма потерпела поражение. Вслед за этим была дискредитирована также и возможность истинностно-марксистского прочтения социальной реальности. На место идеологии коммунизма пришла идеология победившего либерализма, которая также отказывалась признавать себя идеологией, рядилась в одежды социальной науки и взывала к идее «конца идеологии» как аберративной формы отражения социальных отношений в общественном сознании.

На этот раз теперь уже либерализм объявлялся самой компетентной, адекватной, а значит, научно обоснованной формой отражения социальной реальности. Либерализм рисовался якобы совершенно свободным от тенденциозных предпочтений его адептов, с

отрицанием какой-либо связи между взглядами носителей либерализма и их социально-экономическими интересами. Бывшие теоретики марксизма-ленинизма на возмездной основе западных грантов с выработанной десятилетиями коммунистическим напором и решимостью бросились научно обосновывать новый социальный заказ.

Либерализм, выступая от лица социальной науки, пропагандировал в обществе иллюзию того, что практика социально-экономических отношений каким-то удивительным образом доказала соответствие идеологии либерализма потребностям некоего абстрактного человека. Сущность «человека вообще» рисовалась состоящей в идее материального потребления на базе рыночного капитализма и либерально трактуемой демократии. Наряду с этим наблюдалась ярко выраженная тенденция очернения прошлого нашей страны, которое якобы было пронизано едкими идеологическими метастазами православно-монархического, либо коммунистического способов искажения социальной реальности.

Социально-экономической базой для трактовок либерализма в качестве универсальной системы принципов, претендующих на научность, стал развал мировой социалистической системы и попытки стран Запада во главе с США выстроить однополярный экономический порядок. Прозападному представлению о социальной реальности способствовал агрессивно продвигаемый и щедро оплачиваемый экспорт западных политических и культурных ценностей в качестве универсальных, что получило идеологически нейтральное наименование глобализации. Доминировавшая в российском общественном сознании шизофреничная установка в стиле горбачёвского «нового мышления» жадно стремилась соединиться с чужеродной абстракцией «общечеловеческих ценностей», «общеевропейского дома» и «всего цивилизованного человечества».

Консервативный подход

Третий, консервативный подход (2000-е годы – настоящее время) оформился в условиях возвращения России к принципам политического суверенитета и необходимости следования национальным государственным интересам. Идеология перестаёт восприниматься только в контексте общественного сознания и начинает

интерпретироваться как один из базовых способов детерминации социальных, социально-экономических, политических и социокультурных отношений.

Российскому научно-экспертному сообществу пришлось в очередной раз идейно «переобуваться в воздухе» и начинать пропагандировать доминирующую по сей день в отечественной социальной философии тенденцию к обоснованию тотальности идеологии. Тотальность в трактовке идеологии выражается в распространении этого феномена не только на сферу общественного сознания, но и на отдельные аспекты социального бытия человека. Идеология стала приобретать статус естественного элемента не только в процессе отстаивания государством своих национальных интересов, но и в характере форм социальной коммуникации и даже в институциональных процедурах формирования субъекта.

2.2. Тотальность идеологии

Социальными основаниями доминирующей сегодня в социогуманитарных науках идеи тотальности идеологии послужили военно-политические и экономические сбои в процессе реализации проекта мировой прозападной глобализации. Проблемы практической реализации планов финансово-экономической глобализации по западному образцу выражаются в перманентно возникающих торговых войнах между государствами и отдельными регионами планеты и в наметившемся распаде недоформированной единой экономической системы мирового капитализма на макрорегионы.

Политически данная тенденция выразилась в появлении на лидирующих позициях в своих странах национальных лидеров, ориентированных на принципы государственного суверенитета, поддержку промышленного сектора отечественной экономики и торгового протекционизма на базе идей консервативной стабилизации (В.В. Путин), экономического национализма (Д. Трамп), национализма и антиэмигрантской риторики (европейские правые партии, закономерно увеличившие своё представительство в Европарламенте по итогам выборов в июне 2024 года).

Проблематизация существования единственного гегемона в мировых отношениях спровоцировала отказ от единого европо- и американоцентричного способа интерпретации социального мира. Фактическое отсутствие монополии единственного доминирующего субъекта в мировых отношениях поставила под сомнение возможность унифицированного взгляда на мир, который претендовал бы на единственную научно обоснованную истинность, а значит, исключал бы момент многовариантной идеологичности. Сохранение в мире нескольких центров силы вызвало к жизни и актуализировало череду социальных концепций, реабилитирующих идеологию как специфический способ интерпретации социальной реальности с позиций интересов различных субъектов мирового развития. Идеология при этом понимается в качестве неизбежно ангажированного, но единственно доступного способа описания социальной реальности.

Тотальность идеологии выражается в распространении этого феномена на ряд аспектов социального бытия человека. Идеология на сегодняшний день объявляется неотъемлемым ингредиентом различных форм бытия власти : производство истинностного знания (идеология образования), контроля над телом человека (идеология знания и биополитика), социальных взаимодействий (идеология в коммуникации в СМИ), форм социализации индивида (идеология в воспитании), способов символизации объектов (идеология в процедурах символического потребления), социальных преломлений бессознательных процессов (идеология в работе бессознательного), господствующих представлений в общественном сознании (идеология социального воображения).

Одним из ключевых индикаторов способов понимания идеологии в современной отечественной социальной философии является то, на каких авторов и какие концепции опираются исследователи, затрагивающие проблему сущности идеологии. Наблюдается закономерная картина : набор авторов и концепций, призванных раскрыть специфику идеологии относительно устойчив.

Современные социальные философы, анализирующие феномен идеологии, практически никогда не обходят стороной и фактически постоянно методологически призывают к :

Антонио Грамши, распространившему власть капитала на область явлений культуры, назвав это культурной гегемонией капитала ;

Луи Альтюссеру, акцентировавшему внимание на идеологической функции любых социальных институтов – от семьи и школы до СМИ и профсоюзов ;

Мишелью Фуко, усмотревшему истоки идеологии в исторически детерминированных дискурсивных способах описания мира ;

Пьеру Бурдьё, вскрывшему социально-символический аспект функционирования идеологии посредством повседневной коммуникации ;

Ролану Барту, увидевшему идеологию в процессе коннотативного производства значения используемых понятий ;

Жану Бодрийяру, уделившему внимание символическим преломлениям идеологии на базе знаков, лишённых своего материального референта в процессе социально-экономического функционирования социума ;

Славою Жижеку, рассматривающему психоаналитические основания бытия идеологии в современном мире.

Антонио Грамши : идеология как культурная гегемония

Антонио Грамши утверждает, что власть современного капитала обеспечивается не только за счёт экономической эксплуатации как базиса общественных отношений, но и через использование механизмов надстройки. Данный процесс осуществляется путём гегемонии господствующего класса как на горизонтальном уровне (союз социальных сил под руководством доминантной группы или класса), так и на вертикальном уровне гегемонии (заяние группой или классом господствующего положения в общественной жизни).

Гегемонистская власть капитала становится возможной как посредством насилия на базе принуждения и подчинения, так и на основе согласия через убеждение и руководство. Две стороны гегемонии взаимопроникают друг в друга и создают феномен власти как «этико-политическое» руководство, основанное на согласии, облечённой в «броню принуждения». С целью придания легитимности своей власти идеология должна быть укоренена в таких социальных институтах как церковь, семья, школа, СМИ. Для того чтобы быть эффективной,

государственная власть должна быть рассредоточена, «распылена», децентрализована.

В результате возникает полная гегемония – экономическое, политическое, интеллектуальное и моральное единство действующих субъектов на основе выработанной философии и идеологии, оправдывающей (обосновывающей) историческую миссию доминирующего класса (группы). Экономика лишь создаёт почву для распространения определённого мышления, типа культуры, образа мыслей и способа решения актуальных задач.

Луи Альтюссер : идеологические аппараты государства

Символический Порядок в восприятии Луи Альтюссера получил наименование «система идеологических аппаратов Государства». Альтюссер подразумевает под этим множество «идеологических, религиозных, моральных, семейных, юридических, политических, эстетических и прочих институтов, посредством которых правящему классу удастся объединиться самому и навязать эксплуатируемым массам свою идеологию в качестве их собственной»¹⁰.

Французский философ рассматривает идеологические аппараты государства одним из средств, с помощью которых обеспечивается господство капиталистического класса. *Идеологические аппараты* опираются на идеологические процедуры воздействия : религиозные – система различных церквей ; образовательные – система общественных и частных школ ; семейные ; юридические ; политические – политические системы, партии ; профсоюзные ; коммуникационные – пресса, радио, телевидение ; культурные – литература, искусство, спорт. *Репрессивные аппараты* государства стандартно ориентируются на применение или угрозу применения прямого физического насилия.

Диалектика взаимодействия базиса и надстройки, своеобразное «растворение» базиса в надстройке посредством материализации идеологии в идеологических аппаратах государства вызывает к жизни такие понятия как «детерминация», «доминантность», общество как «сверхструктура», зависимое от надстроечных относительно

¹⁰ Альтюссер Л. Преобразование философии // Неприкосновенный запас. № 85. (5/2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2799> (дата обращения: 08.05.2018).

автономных факторов (экономика, политика, идеология). Следуя марксистской установке о приоритете базиса в структуре общественных отношений, Альтюссер подчёркивает, что в разных общественно-экономических формациях преобладает своя специфическая детерминация. Идеологию подпитывают социальные противоречия, которые она стремится замаскировать и которые при этом являются принципиально не снимаемыми, поэтому идеология обречена на вечное существование в качестве ингредиента культуры.

Структурный анализ социальной реальности и «Капитала» К. Маркса предполагает рассмотрение человека как функции поддержания целостности социальной системы, в которой индивид является агентом структур капиталистических отношений, превращаясь в человека-функцию, носителя рабочей силы, представителем капитала.

Мишель Фуко : идеология как микрофизика власти

Мишель Фуко затронул множество ключевых тем, касающихся форм проявления микрофизики власти в социальном мире, дискурсивную природу идеологии как одного из способов проявления власти, природу знания и режим истины как экстраполяцию властного присутствия и, наконец, представление о субъекте как продукте целенаправленного идеологического воздействия.

Французский философ высказал идею о том, что социальная реальность идеологически-дискурсивно конструируется с помощью определённых языковых и понятийных средств, которые определяют порядок функционирования обозначаемых ими социальных объектов. Процесс образования понятий, конституирующих и конструирующих реальность, происходит по определённым правилам, которые обусловлены социально-историческим контекстом.

При этом французский философ подчёркивает, что он трактует дискурс в качестве фактора, конструирующего социальную реальность, как систему смыслов, порождающих социально значимые объекты, как «практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»¹¹. Социальные объекты вызываются к жизни и приобретают свою значимость в сфере общественного и индивидуального сознания, наделяются смыслом только и исключительно внутри господствующего

¹¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 49

дискурса, понимаемого как властная способность порождать значения, производя тем самым социальную реальность.

Пьер Бурдьё : идеология как символическая власть

Пьер Бурдьё серьёзно обогащает идею тотальности идеологии интерпретацией понятия «символическая власть», при которой «отношения силы выражаются и проявляются ... в преобразованном и неузнаваемом виде отношений смысла...»¹². Символическая власть приписывает вещам объективно отсутствующие у них коннотативные характеристики, что порождает «монополию легитимного символического насилия»¹³. Механизмом реализации символической власти является дискурс, так как «...любое использование силы сопровождается дискурсом, нацеленным на легитимацию силы того, кто ее применяет»¹⁴.

При этом Бурдьё делает принципиально важное замечание, касающееся этатистской природы символической власти. Созданием и интерпретацией операциональных понятий о социальном мире, в конечном счёте, занимается государство. Символическая власть последних четырёх столетий в Европе есть производная от власти государственной : «Государство – главный производитель инструментов построения социальной реальности»¹⁵.

В обществе постоянно наличествует господствующий дискурс, являющийся способом объяснения реальности и служащий обоснованием действий граждан на уровне скрытой, не явленной причины их поступков. Государственно детерминированный дискурс ориентирует человека в мире, задаёт некую матричную систему координат, в рамках которой следует понимать реальность : «Насаждая – главным образом через систему образования – общие когнитивные структуры, неявно оценочные (нельзя говорить о черном и белом, не подразумевая при этом, что белое лучше черного)»¹⁶.

¹² Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 95.

¹³ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 204, 200.

¹⁴ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 194.

¹⁵ Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М., 2016. С. 326.

¹⁶ Там же.

Ролан Барт : идеология как коннотация

Ролан Барт рассматривает идеологию с позиций семиотического анализа. Он привнес в идею тотальности идеологии представление о том, что язык является материализованным проявлением идеологии, которая навязывается субъектам через коннотативное значение понятий. Коннотация представляет собой идеологизированные вторичные значения, продуцируемые властью и навязываемые субъекту помимо его воли и сознания. Власть осуществляется через систему коннотативных значений, существующую не только дискурсивно (в языке и в знаках), но и в вещах и явлениях, которые фетишизируются и наделяются смыслом (товарный фетишизм).

Коннотативную работу идеологии Барт поясняет на примере мифологизированного функционирования смыслов при анализе статьи в газете Франс-Суар «Понижение цен: первые признаки. Овощи: наметилось понижение»: «...Правительство представляется в большой прессе как Квинтэссенция эффективности. Отсюда со всей ясностью вытекает значение мифа: цены на фрукты и овощи понижаются, *потому что* так постановило правительство»¹⁷.

Однако далее, газета, «чтобы обезопасить себя или сохранить приличия, двумя строками ниже разрушила миф, который только что породила; она добавляет (правда, более мелким шрифтом): «Понижению цен способствует сезонное насыщение рынка»¹⁸. На этом примере Барт делает вывод о существовании двух уровней причинности – один функционирует в сфере причинной взаимосвязи объектов (денотат), это есть первичная (денотативная, семиологическая) система : «В первичной системе (сугубо языковой) причинность имеет в буквальном смысле слова естественный характер; цены на овощи и фрукты падают, потому что наступил сезон»¹⁹.

Второй уровень причинности функционирует в плоскости субъективно трактуемых смыслов предметов, это есть вторичная (коннотативная, индуктивная) система: «Во вторичной системе (мифологической) причинность искусственна, фальшива, но каким-то

¹⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 97.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 98.

образом ей удается проскользнуть в торговые ряды Природы»²⁰. Вторичная система построена на отношениях эквивалентности, когда «означающее и означаемое представляются ... связанными естественным образом». Именно на принципе каузальности производных от предметов смыслов основывается работа идеологии, когда «потребитель мифа принимает значение за систему фактов»²¹.

Жан Бодрийяр : симулятивность идеологии

Жан Бодрийяр сфокусировал своё внимание на том, что субъективно приписываемый предметам смысл не всегда способен отражать характеристики материального мира. Идеология в состоянии постулировать идеи, за которыми объективно может и не стоять никакого материального референта. Бодрийяр подхватил традицию определения знака, не несущего в себе своего действительного (то есть материально реального) прототипа (референта), понятием симулякр.

Симулякр в постмодернистской философии обозначает : несоответствие между образцом и подобием копии (Ж. Делёз) ; копия, оригинал которой никогда не существовал (Ф. Джеймисон) ; понятие, в принципе не соотносимое с реальностью (Ж. Батай) ; описание бытия, которое избегает существования (П. Клоссовски) ; победа спекулятивного образа реальности над реальностью как таковой, когда дискурс замыкается в себе, чтобы удержать себя в истине (А. Кожев) ; логика поглощения значения, в ходе которого происходит стирание событий, истории и памяти (Ж. Бодрийяр).

Знак, по Бодрийяру, репрезентирует реальность в следующих формах : отражает реальность (порядок причастия, таинства), искажает реальность (порядок извращения), маскирует реальность (порядок волшебства, колдовства), обращается на самого себя, то есть, не означает ничего (порядок симуляции).

Современная социальная реальность являет собой своеобразную форму симулятивного «отрыва от реальности», «виртуализации действительности», когда стираются грани между политической мыслью и абстракцией, между репортажем и режиссурой, между политикой и спектаклем. Симуляция действительности выражается в потере смысла,

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

в утрате связи между обозначающим и обозначаемым. Жизнь в мире симулякров превращает человека в объект эксплуатации, приводит его бытие к «эксплуатируемому существованию», когда индивида на мировоззренческо-субъективном уровне насилует псевдо-язык, наполненный симулятивными абстракциями. На социально-экономическом уровне субъекта доминирует явная и скрытая реклама, создающая в человеке искусственные потребности и разжигающая в нем потребительские инстинкты.

Бодрийяром отстаивается мысль, что в современном мире знаковая реальность автономизируется от своего реально-предметного прототипа и начинает существовать в обособленном состоянии, претендуя на статус единственной реальности. Так как, по Бодрийяру, «разделение знака и мира – это *выдумка*», а референт как «субстанция реальности» «целиком и полностью» включён «в логику знака»²², то реальность растворяется в своей знаковой репрезентации.

Идеология как система знаков, несущая в себе определённые смыслы, существует, с точки зрения Бодрийяра, не изолированно от реальности, пассивно её отражая, но является фактором порождения самой реальности. Идеология есть процесс социального производства и воспроизводства знаков, продуктов, услуг, человека, социальных отношений, потребностей, а следовательно, и самой реальности: «...идеология ... является той единственной формой, которая проходит через все поля социального производства. Она является включением любого производства (материального или знакового) в один и тот же процесс абстрагирования, редукции, процесс всеобщей эквивалентности и эксплуатации»²³.

Усталость от переизбытка потребления и производства вещей-объектов вызывает к жизни процесс насыщения вещами-знаками, где нет пределов потребления. Культура подменяется идеей культуры, симулякром, знаковой прорвой, гиперреальностью. Триумф идеологической иллюзии рассматривается Бодрийяром как процесс энтропии культуры.

²² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 186.

²³ Там же. С. 178.

Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф :
идеология как дискурсивная гегемония

Опосредованность социального опыта господствующим «дискурсивным полем» чрезвычайно точно и наглядно выразили социальные философы марксистской ориентации Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф в рамках дискурсивной теории гегемонии. Философы являются продолжателями дискурсивного подхода к анализу социальных отношений : «Землетрясение или падение кирпича, – с их точки зрения, – это события, которые реально существуют, в том смысле, что они случаются здесь и сейчас независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определенные в терминах «природного явления» или «выражения гнева Господнего», зависит от организации дискурсивного поля»²⁴.

На базе основанной ими Эссекской школы дискурс-анализа развивались идеи грамшизма в связке со структуралистским психоанализом и философией постмодернизма, в связи с чем обосновываются принципы дискурсивной, так называемой гегемонной, а не классовой борьбы. В противоположность марксизму с его идеей адекватного осознания пролетариатом своих интересов, Лаклау и Муфф дискурсивное измерение превращают в причину формулирования социальными субъектами своих интересов, то есть, дискурс ретроактивно порождает репрезентацию интересов.

Нестабильность дискурсивного поля как пространства реализации власти вызвана диалектическим противоречием между партикулярностью (логикой различия) и универсальностью (логикой эквивалентности). Нестабильность состояния гегемонии нивелирует попытки идеологически рационализировать и систематизировать сферу политического, превращая политику в перманентное столкновение неснимаемых противоречий и антагонизмов. Социальные противоречия в обществе неразрешимы, диалектический синтез невозможен. Человек не имеет в своём распоряжении релевантных идеологических механизмов идентификации, позволяющих относить себя к определённой социальной группе (классу, нации, олигархии) и адекватно артикулировать свои интересы.

²⁴ *Laclau E. and Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London, 1985. P. 108.*

Привлекая идеи Ж. Лакана о катастрофичной незавершённости субъекта и безуспешности его попыток сшивания травмирующей человека реальности, проводится обоснование постоянного диссенсуса и политического антагонизма как имманентных атрибутов любых политических процессов. Дискурсивное выражение политических интересов всегда будет зыбким, ненадёжным, преходящим и нестабильным. Инструментом временного сшивания травмирующей субъекта реальности является миф как точка схватывания означаемого и означающего. Точка схватывания («точка пристёжки» у Лакана) позволяет субъекту понять, о чём идёт речь, ненадолго совместить понятие и его референта в процессе хаотичной дискурсивной динамики. Цепи означаемых в моменте порождают иллюзию смысла, а затем вновь трансформируются и переформируются в новые комбинации фантомных смыслов.

Идеология Лаклау и Муфф понимается как социальное воображаемое, развивающееся под спудом не разума, но страсти, в пространстве так называемого аффективного измерения. Коммунизм, как и столетие назад, утратил размерность страсти, поэтому он проигрывает в сфере политической (то есть, дискурсивной) борьбы правым идеологиям. В частности, правые силы используют идеологические мифы о тождестве в нации народного и национального суверенитетов, что позволяет им сконструировать национальную идентичность. Левым силам в этой связи необходимо апеллировать к мифу народа как некоей инклюзивной общности, противостоящей классово чуждой олигархии. Левый миф должен вытеснить миф правый (столкновение партикулярностей) в процессе борьбы за дискурсивную гегемонию (универсальность).

Славой Жижек : фантазм идеологии

Славой Жижек является на сегодня, пожалуй, самым ярким и эпатажным популяризатором идеи субъективно-психологического присутствия идеологии в современном социуме на уровне структур бессознательного. Идеология, по С. Жижеку, есть дискурс, выражающий волю общества к фантазиям, самообманам. Идеология имплицитно ориентирована на поиски врага с целью компенсации идентификационной недостаточности её носителей, которая вызвана

изначальной расколотостью, «расщеплённостью» субъекта. Субъект принципиально не способен удовлетвориться посредством материальной реализации своих желаний. Идеализированная природа субъекта, его тяга к абстракциям и идеализациям постоянно вызывает к жизни компенсаторные механизмы идеологического фантазма, призванные примирить субъекта с его вечной неудовлетворённостью своим существованием.

Структуралистский психоанализ не ставит целью выявление «того, что есть», он работает с «тем, что кажется, что есть». «Классическая интерпретация фантазма как «завесы», скрывающей за собой «нагую», «неизменную» и «суверенную» истину, в поле неклассики подвергается инверсии – «завеса» скрывает вовсе не истину, а работу фантазма: «...за завесой феноменов ничего нет, кроме того, что поместил туда смотрящий»²⁵.

Неклассическая мысль обнаруживает не то, «какими вещи являются на самом деле, а то, какими вещи нам на самом деле кажутся»²⁶. В этой связи психоаналитика не интересует, выдумал пациент свой сон, или он приснился ему на самом деле, что можно пояснить призывом Жижека воспринимать не реальность позади иллюзии, но реальность в самой иллюзии.

Генеалогию принципа тождественности действительности с представлением о ней Жижек выводит из «эпистемологической антиномии» эмпиризма и рационализма, которая приводит к тому, что представление о реальности онтологически определяет саму реальность, наше представление о реальности является частью реальности. Более того, Жижек утверждает, что вне-символическая реальность, которую невозможно описать (некоторый «X», или «вещь в себе») есть несуществующий фантом. Поэтому на вопрос о том, обладает ли «Реальное» «собственным существованием, если оно неотделимо от Символического» можно дать ответ с позиций «методологического идеализма»: «пределы нашего языка составляют пределы нашего мира»,

²⁵ Тимофеева О. Славой Жижек: «Не волнуйтесь, катастрофа обязательно произойдёт» // <https://archives.colta.ru/docs/5216> (Дата обращения: 28.05.2024).

²⁶ Кондратьев К.В. Фантазм как способ конституирования социального субъекта в современную эпоху // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 1. С. 70.

поэтому «находящееся по ту сторону Символического абсолютно немислимо»²⁷.

С точки зрения Жижека, только в процессе познания, через создание мира символов, реальности придаётся онтологический статус. Отсюда следует утверждение, что реальность не существует в виде некоей неизменной субстанциальной основы. Статус «Реального является чисто параллаксным и, в сущности, несубстанциальным : он не обладает никакой субстанциальной плотностью сам по себе, а представляет собой всего лишь разрыв между двумя точками перспективы, заметный лишь при переходе от одной точки к другой»²⁸.

Социальная реальность, по Жижеку, есть результат столкновения и конкуренции альтернативных систем идеологического мышления в плоскости общественного сознания, то есть, в пространстве абстракции, в сфере Всеобщего : «... всякое Всеобщее – это поле борьбы, на котором множество особенных содержаний ведёт борьбу за гегемонию»²⁹.

Вячеслав Вячеславович Корнев :

мемность и молекулярность идеологии

В.В. Корнев предлагает интеллектуально крайне увлекательное видение сущности идеологии на базе идей мемов (Р. Докинз), молекулярной революции как противовеса культурной гегемонии капитализма (А. Грамши) и функционирования идеологического фантазма в поле социального бессознательного (С. Жижек).

Ричард Докинз экстраполировал разработанное им представление об эгоистичности генов из сферы биологии в плоскость культуры, породив идею эгоистичности мемов. Мемы уподобляются генам в качестве мельчайших структурных единиц теперь уже не биологических, но культурных и социальных процессов. Мемы, подобно генам, участвуют в естественном отборе за право утвердиться в структурах общественного сознания и в плоскости социальной психологии. Мем-победители способствуют утверждению той или иной идеологии, содействуют адаптации этой идеологии к общественным представлениям

²⁷ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008. С. 470.

²⁸ Там же. С. 37, 38.

²⁹ Жижек С. Щекотливый субъект : отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014. С. 150.

различных социальных групп относительно содержания и природы своих интересов.

Антонио Грамши предложил идею молекулярной революции, справедливо полагая, что ниспровергнуть капитализм можно не посредством столкновения крупных социально-классовых образований, но «молекулярно» – посредством сложно уловимых изменений в общественной психологии – через трансформацию мнений и социальных настроений, которые проявляют себя в банальной повседневности (знаменитые «кухонные разговоры» в СССР).

В.В. Корнев, синтезировав идеи мемности и молекулярности идеологии, крайне интересно анализирует представленность идеологии в повседневности ³⁰ и трактует проблему освобождения от власти господствующей идеологии как «проблему создания какой-то гуманитарной нанотехнологии, выявляющей молекулярные частицы общественного сознания. Идеологические молекулы или целые геномные образования программируют свойства любых речевых конструкций, собранных на их основе. Ген идеологии эгоистичен – он функционирует только для пользы всей идеологической системы, и неважно, в каком именно типе дискурса – научном, философском повседневном, религиозном и т.п. – устроилась такая элементарная частица» ³¹.

2.3. Сущность идеологии

Феномен общества как окачествлённого целого является результатом идеологически предопределённой конвенции субъектов относительно не только целей, но и содержания своего существования. Строительным материалом идеологически сконструированной реальности выступают процедуры абстрагирования, идеализации и социальной суггестии.

Абстрагирование

Фундаментальной особенностью человека является его способность договорного образования абстрактных понятий. Идеальное порождение абстракций является необходимым условием возникновения

³⁰ Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

³¹ Корнев В.В. Эгоистичный ген идеологии // Идеи и идеалы. № 3 (25). Т. 2. 2015. С. 144.

общества, которое становится возможным только как результат взаимодействия индивидов в пространстве социально обусловленных конвенциональных смыслов.

Абстрагирование представляет собой процесс мыслительного выделения отдельных, существенных в данном отношении сторон, свойств, качеств или отношений вещи, явления или процесса с одновременным отвлечением от других их характеристик, которые выходят за рамки его познавательного интереса. Происходит абсолютизация одних характеристик предмета с одновременным игнорированием других его характеристик, благодаря чему возникает фактически новый, материально не существующий объект.

Абстрагирование позволяет мысленно конструировать знаково опосредствованные модели реальности. Мир сконструированных абстракций представляет собой альтернативную реальность, наполненную комфортными для человека смыслами своей жизнедеятельности. Фактически происходит амортизация жёсткого процесса столкновения человека с угрожающей социальной реальностью, наблюдается примирение субъекта с некомфортным миром, что адаптирует человека к тяготам и невзгодам его социального существования.

Возможно, именно факт выявления в вещах их понятийно-идеалистического содержания привёл Гегеля к мысли о способности мышления образовывать совершенные общие понятия, дистанцированные от несовершенных налично-материальных конкретностей: «Органическое целое имеет совершенное нутро, которое образуется в своей абстракции»³². Представляется, что немецкий мыслитель постулирует важность выявления в вещах компонентов идеального Всеобщего, что в современной структуралистской философии получает столь популярное наименование борьбы за «господствующее означающее» с позиций интересов «хозяина дискурса».

Формирование абстракций лежит в основе идеологического производства. Встраивание природного (единичного) и социального (всеобщее) в субъективное сознание (особенное) обеспечивается за счёт

³² Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М., «Мысль». 1970. С. 364.

механизма образования абстракций. Способность к абстрактному мышлению является отличительной чертой человека, который обладает способностью наделять абстракции реальным существованием, постоянно ожидая трансформации абстрактного «должного» в конкретное «сущее» :

- коммунизма – в проект справедливого общественного строя, основанного на отсутствии эксплуатации человека человеком ;

- либеральной демократии – в реализацию рыночных инстинктов человека и веру в общенародное формирование органов власти ;

- национализма – в построение национально гомогенного политического образования ;

- западного глобализма – в установление на всей планете унифицированного либерального порядка ;

- исторического мессианизма того или иного народа – в возможность осуществления некоего высшего смысла существования социальных общностей.

Конкурентная борьба между различными политическими субъектами за привилегию доминирования при интерпретации и конструировании социальных абстракций и исторических событий имеет смысл проиллюстрировать на примере отрывка из работы Г.В.Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» (1807) : «– Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! – говорит покупательница торговке. – Что? – кричит та. – Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь целую простыню на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким – самое место в каталажке! Дырки им на чулках заштопала! – Короче говоря, она и крупички доброго в обидчице не замечает. Она мыслит абстрактно и все – от шляпки до чулок, с головы до пят, вкуче с папашей и остальной родней – подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове и цвет этих яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, – если они, конечно, и впрямь имеют сюда какое-нибудь

отношение, что весьма сомнительно, — наверняка заметили в этой женщине совсем иные детали»³³.

Таким образом, склонность к образованию абстракций не является специфическим признаком теоретического мышления (наука), а напротив, абстрагирование характерно также и для обыденного и крайне стереотипного мыслительного процесса (идеология). Г.В.Ф. Гегель крайне ярко сформулировал представление о способности «мыслить абстрактно» на примере способности видеть в убийце только одно абстрактное — что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо». Стремление мыслить исключительно абстрактно Гегель описывает с нескрываемой иронией и призывает в процессе познания преодолеть абстрактное восприятие реальности с целью продвижения к конкретике (метод восхождения от абстрактного к конкретному).

Тяготение «восходить» от абстрактного к конкретному свойственно также и научному способу миропонимания. Учёный мнит себя надеждой, что его способ и путь познания истины уникален, эксклюзивен и напрочь лишён психологических (тенденциозных) компонентов. Однако эксклюзивность научного пути познания мира ограничена рамками научного сообщества (научной школы, учения, направления). Амбиции на истинность любой научной теории начинают удовлетворяться в том случае, если теория соединяется с властными механизмами. Власть вооружает теорию ресурсами истинности, что достигается за счёт включения механизмов социальной суггестии.

Идеализация

Идеализация предполагает умозрительное конструирование некоторого абстрактного объекта, принципиально не существующего в объективной реальности. Выявленные в процессе абстракции компоненты приписываются вымышленным объектам, существующим только и исключительно в пространстве социальной реальности — идеализированным объектам (господствующим означающим). Идеализированные объекты на сенсорно-материальном уровне не существуют и не обладают временным и пространственным

³³ Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно ? // Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М., 1970. С. 393.

онтологическими статусами. Бытие идеализированных объектов носит только и исключительно характер социально обусловленных суггестированных конвенций.

Социальное существование идеализированных объектов, тем не менее, нельзя считать нереальным. Мы не отказываем упомянутым идеализациям в онтологичности. Просто их реальность имеет специфическую, а именно – социальную природу. Существование идеализаций носит социально-договорной характер. Наделение идеализаций реальностью становится возможной только в ходе социальных взаимодействий в процессе социальной суггестии. Выступая в статусе господствующих означающих, идеализированные объекты выполняют функцию понятийно-категориальных объяснительных каркасов для познания реальности и ориентации в ней, то есть, для идеологических конструкций.

Рассуждения о единстве социальных противоположностей и убеждёность в гармонизации общественных противоречий строятся на фундаменте идеалистических абстракций, которые создают иллюзорный мир идеалистических сущностей. Различные идеологии предлагают собственные идеализации (господствующие означающие): атомарный индивид (либерализм), Бог (консерватизм), класс (коммунизм), нация (национализм). Существуют также «сквозные» идеализации, присущие сразу нескольким идеологиям – свобода, счастье, народ, власть, элита, демократия, порядок, государство, Родина и пр.

Либерализм	Консерватизм	Коммунизм	Национализм
Индивид	Бог	Класс	Нация
«Сквозные» идеализации			
Свобода, счастье, народ, власть, элита, демократия, порядок, государство, Родина, любовь, честь, долг и пр.			

Образованные на основе абстрагирования социальные идеализации обретают онтологический статус и начинают жить своей обособленной жизнью в сфере общественного сознания благодаря процедурам социальной суггестии.

Социальная суггестия

Социальная суггестия представляет собой процесс взаимного внушающего воздействия индивидов друг на друга, в ходе которого различные субъекты социальных отношений взаимно подкрепляют себя в вере относительно реального существования неких социальных сущностей. Социальная суггестия порождает объекты, существование которых отвечает потребностям и интересам различных общественных субъектов (групп, слоёв, институтов, классов, государств). Мир суггестированных идеализаций существует исключительно в социально обусловленной дискурсивно-знаковой среде. Благодаря коллективному самовнушению социальные идеализации наделяются реальностью, что приводит людей к социальной интеграции и придаёт социуму черты эффективно функционирующей структуры.

Человек идеально производит особую социальную реальность, которая отражает материальную действительность в превращённой форме. На уровне социальных конвенций появляется мир символического, на уровне индивидуального сознания в процессе социализации индивида синтезируется мир его субъективных концептов. Суггестированная реальность неких вечных, непреложных истин встраивается в индивида в процессе его социализации и мировоззренческого становления. Здесь включаются механизмы символического имплантирования в сознание субъекта смыслов и значений, которые начинают существовать в статусе истинностных на уровне воображаемого. Субъект воображает себе истину, бредит истиной, удваивает тем самым реальность на социально предопределённую сущность и субъективно схватываемое явление.

Характер функционирования социальных идеализаций в контексте индивидуального сознания может пояснить упоминание теоремы Курта Гёделя о неполноте. Теорема формулируется следующим образом: всякая непротиворечивая аксиоматическая теория содержит утверждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть средствами самой этой теории полностью себя оправдывает в ситуации анализа человеческой личности. Человек не в состоянии подвергнуть критическому переосмыслению свою приверженность определённым идеям, находясь в контексте этих идей. Критика социальной матрицы становится возможной на платформе и с позиций другой матрицы.

Суггестивные чары и очарование идеологией не могут подвергаться сомнению изнутри этой идеологии.

Аномальные для господствующей теории факты, проникающие из мира, данного в ощущении, не способны подорвать ставшую необходимой составной частью субъекта его мировоззренческую матрицу. Теория опровергается исключительно с позиций и в контексте другой теории, объясняющей природу данных аномальных фактов. Поэтому критика одной идеологии производится в оптике иных идеологий.

Более того, аномальность фактов появляется только и исключительно в определённой оптике восприятия мира. Оптика эта задаётся социокультурными условиями, в которых формируется субъект и идеологически направляется властно детерминированным, так называемым «истинностным» образом реальности. Социокультурные условия, в контексте которых могут появляться аномальные факты как признаки хаоса и неустойчивости определяют и предопределяют рамки и правила существования как объяснимых (системных), так и идеологически внесистемных (аномальных) фактов. Поэтому то, что способно успешно атаковать господствующую идеологическую систему в одной ситуации, не работает в других социокультурных условиях.

Денотат, концепт, коннотация

Реальность, понимаемая как предельное выражение состояний объективно существующего бытия, не даётся человеку непосредственно. Реальность опосредована различными превращёнными, отчуждёнными, репродуктивными, репрезентативными, символическими, культурными, бессознательными формами. У человека отсутствует непосредственный доступ к реальности. Опосредованность социума порождает отрыв от реальности и, затем, конструирование того продукта, который в контексте суггестивно-конвенциональных форм социальности станет квалифицироваться в качестве некоей «реальности», имеющей в своей основе не объективно-материальную действительность, но социально-конвенциональные основания.

Представляется крайне актуальной проблема статуса и значения дискурсивно-знаковой среды, порождающей смысловую матрицу,

внутри которой осуществляется процесс надления смыслом социальной коммуникации и процедур социального познания.

Значение как способ усмотрения сущности предмета выражает себя в виде знака. Знак выступает посредником между предметом как таковым и нашим восприятием этого предмета. Значение, приписываемое знаку, выступает в триединой форме: объективного денотата (объект внеязыковой действительности), интерсубъективной коннотации (стереотипы трактовки смысла понятий), субъективного концепта (индивидуального для каждого человека смысла понятия).

Значение формируется при сочетании следующих составляющих :

1. на уровне материальной действительности существует реальная (денотативная) социально-экономическая ситуация, определенным образом влияющая на процесс формирования и развития общественного мнения ;

2. на уровне социальной реальности наличествует социокультурный (коннотативно-дискурсивный) контекст, который задает рамки и влияет на формирование субъективных концептов тем или иным мыслителем ;

3. на уровне субъективного восприятия функционируют концепты, которые, диалектическим образом, с одной стороны, возникают как результат воздействия на субъекта социально-дискурсивной среды, что выражается в процессе социализации индивида, с другой стороны, субъективные концепты влияют на формирование господствующего дискурса как императивного навязывания смыслодержущих коннотаций.

Приходится констатировать невозможность проведения четкой границы между концептом, коннотацией и денотатом. Причиной этому выступает знаковая система, которая, как единственно возможное условие познания мира, сама в себе изначально несет искажение, аберрацию. Означаемый компонент знака человек стремится наделять таким смыслом, который представляет субъективный концепт, появившийся под влиянием интерсубъективной коннотации, в качестве объективного денотата.

Предмет дается человеку в виде знака, а процесс того, как следует понимать этот знак, происходит в контексте некоей дискурсивной среды, своеобразной системы предзаданных трактовки смысла знаков.

Понимание смысла знаков является следствием сложившихся в обществе социокультурных форм мироощущения, мировосприятия и миропредставления. Превалирующий политико-социальный сегмент этих форм является идеологией. Идеология, таким образом, есть своеобразная дискурсивная матрица смыслов, которыми наделяется социальная реальность.

Мифологизация социальной реальности

Основная причина мифологизации социальной реальности напрямую не связана с целенаправленной деятельностью политической власти, семантически тотализирующей символы и знаки. Процедура мифологизации является наиболее эффективным и естественным для субъекта инструментом, с помощью которого социально приемлемая идея замещает собой природно неприемлемые формы материальной действительности.

В этой связи более чем закономерным в ряде современных социально-философских исследований выглядит попытка реабилитировать миф, переосмыслив его роль и значение. Миф начинает рассматриваться уже не столько как неадекватный действительности способ ее отражения, но как необходимый «ингредиент» социальной реальности, который придаёт идеологиям привлекательность и проистекает из психологических запросов субъекта. В этом смысле миф воспринимается как феномен, обладающий практической социальной значимостью.

Мифологическое восприятие реальности совершенно справедливо рассматривается не в гносеологической проекции (как миф соотносится с истиной), а инструменталистски – в спектре того, какой степенью истинности обладает миф в глазах социума и насколько мифологизация реальности способствует политическому результату³⁴. Политическая мифология обосновано наделяется социально-интегративными функциями, скрепляющими людей в единое государственное целое³⁵.

Ролан Барт заостряет своё внимание на механизме появления политических мифов как неотъемлемого ингредиента идеологии.

³⁴ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 43.

³⁵ Кольев А.Н. Политическая мифология : реализация социального опыта. М., 2003 ; Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. М., 1999.

Дискурс, по Барту, мифологичен, социален и «бесконечно суггестивен», а миф представляет собой конструкт всех культурных и социополитических феноменов, признак всех социумов³⁶. Мифология как система коннотативных означаемых, подспудно присутствующих в качестве идеологического уровня дискурса, принудительно навязывается властью. Барт совершенно справедливо призывает при этом критически относиться к процедурам мифологизации реальности, признав безуспешность попыток очищения языка от мифологизированных, коннотативных означаемых.

Мифологизацией реальности пользуется любая идеология. Миф становится строительным материалом, который крайне эффективно позволяет сконструировать в сознании индивидов желаемый образ реальности. Эффективность мифа связана с тем, что он апеллирует не только к рациональной стороне человеческого существа, но и к психологическим характеристикам человека. Миф напрямую связан с верой, поэтому демифологизация общественного сознания от тех или иных идеологических постулатов с помощью рациональных доводов контрпродуктивна.

Стоит отметить, что идеологический миф может быть уничтожен лишь иным мифом. Идеология может быть дискредитирована и вытеснена лишь иной идеологией, которая для получения социальной поддержки может апеллировать как к научному знанию (либерализм, марксизм), так и опираться на религиозную веру (консерватизм).

Идеология как символизация страха смерти

Необходимым условием жизненности и эффективности идеологий в современном мире выступает фактор сознания, понимаемого как целенаправленный результат эволюционно-биологического развития по приспособлению организмов к среде обитания. Идеология возникает как продукт развития внутренней психологической травмы субъекта, которая вызвана противоречием между трансцендентным порывом к бесконечной самореализации и осознанием конечности собственного бытия. Идеология, как и иные формы отражения реальности – наука, религия, искусство, философия выступают идеальной формой компенсации субъектом психологической раны осознания своей

³⁶ Барт Р. Мифологии. М., 2008.

неизбежной конечности. Страх смерти является строительным материалом для продуцирования веры в реальность абстракций.

Побуждающей причиной формирования мира идеальных сущностей является, невротический по своей природе, страх смерти. Страх смерти двигает вперёд человеческую цивилизацию, придаёт человечеству стимул к развитию и росту. Глобальный социальный невроз связан со страхом от осознания факта собственной физической смерти. Естественная невозможность противостояния смерти в сфере материальных, природных отношений порождает сферу идеального, культурного, социально обусловленного бытия.

Покинув бессознательную естественность природы, социум формирует искусственное, сознательное, культурное состояние фантазма смыслов. Бесмысленности и пронизанной смертью природе начинает противостоять смыслодержащая и жизнеутверждающая культура. Культура в лице мифологии, религии, философии, идеологии, искусства и науки борется со смертью, пытаясь заслониться от пугающего и неизбежного факта исчезновения всего сущего посредством создания абстрактных конструкций, обосновывающих сконструированную сознанием фантомную необходимость, иллюзорную целесообразность и абстрактный смысл бытия человека и мира.

Культура в самом обобщённом виде есть трансформация, сублимация страха смерти в социально обусловленные символические формы. Культура представляет собой конвенционально существующий Символический Порядок, который, функционирует и паразитирует вокруг травматического для субъекта осознания своей реальной конечности и подсознательно беспокоящего чувства бессмысленности своего существования. В этой связи крайне симптоматичным выглядят искусствоведческие зарисовки представителей структуралистского психоанализа. В частности, на примере анализа фильмов А.Тарковского иллюстрируется мысль о сущности культуры как одной большой попытке вытеснения истины о смерти³⁷.

Вокруг страха смерти выстраиваются технологии различных разновидностей власти. Власть предлагает механизмы встраивания непосредственным образом природно существующего индивида в

³⁷ Жижек С. Вещь из внутреннего пространства // Художественный журнал. 2000. № 32.

социально опосредованный Символический Порядок. Индивид посредством процессов социализации обретает иллюзию смысла, протекающую из мира культуры. За эту иллюзию субъект жадно хватается и воспроизводит себя и свои действия в структуре социальных ролей, статусов и ценностей, обретая тем самым иллюзорность свободы, осмысленности, счастья, целостности и социальной востребованности. Именно психологическое стремление человека заслониться от смерти подпитывает собой формирование системы конвенциональных идеологических самообманов.

В частности, современная государственная власть в России пропагандирует гражданам собственную безальтернативность. Представители власти указывают на то, что при всех несовершенствах власти (поддержание чудовищного имущественного неравенства, факты коррупции, повышение пенсионного возраста, рост цен и налогов), субъекту следует принять её, так как в противном случае он будет иметь дело со смертельной угрозой напрямую (подрыв традиционных ценностей, разрушение семьи, военно-политическая угроза Запада, экономические санкции и высокая степень гибели субъекта в одностороннем термоядерном нападении).

Эмоционально-символический путь бегства от смерти предлагает искусство как способ эмоционального возбуждения на базе социально сконструированных, конвенциональных образов. Иной, теперь уже рационально-когнитивный путь подавления страха смерти связан с научными поисками истины. Религиозный путь ухода от смерти коррелирует с психологическими процедурами, предполагающими мнимое обретение бессмертия.

Идеология как иллюзия смысла

Поиск человеком некоей константной социальной реальности возникает как естественная необходимость общественного сознания приобрести мировоззренческое равновесие. Тяга к обретению мировоззренческой устойчивости заставляет людей верить в реальность идеологических концептов в качестве адекватного отражения объективного мира. Люди относятся к идеологически навязываемым смыслам относительно предметов так, как будто бы эти предметы в действительности обладают приписываемым им характеристикам.

Потребность в доступе к объективно существующей реальности посредством идеологических установок является условием нахождения каждым человеком смысла своей жизни. Желание найти в жизни смысл способствует уничтожению у людей сомнений относительно адекватности и степени компетентности идеологически задаваемой системы ценностей.

Притягательная сила идеологии выражается в том, что человеческое сознание в случае, если идеи адекватно не смогли реализоваться на практике, винит в этом не идеи, а способ, характер и условия их реализации. Идеи, вынашиваемые человеком в поле его субъективного восприятия, «плохими», нереализуемыми и неадекватными не бывают. Связано это с тем, что бытие идей коренится в чувстве веры, в желаниях, в надеждах на счастливое будущее, в самообмане.

Однако не следует пренебрегать этим самообманом как исторически преходящей формой общественного сознания. Обездоленные классы по ходу человеческой истории постоянно живут надеждой на лучшее, которую нещадно эксплуатируют различные социальные институты властвования – от церкви и семьи до государственных структур. Состоятельные классы, в свою очередь, подпитываются самообманом собственной исключительности и нежеланием увидеть свою хищную природу, прикрываясь при этом тезисами о своих особых достижениях, талантах – лишь бы не вскрылась для них самих их античеловечная эксплуататорская сущность.

Подспудная вина за своё паразитическое существование не только залегает в пластах индивидуального и социального бессознательного, но и институционально легитимизируется на уровне рационализированных форм общественно поддерживаемого поведения. Легитимация несправедливости покоится на изначальном неравенстве происхождения (консерватизм), национальной и/или расовой сегрегации (национализм), неравномерном распределении индивидуальных талантов и возможностей (либерализм), на классовой принадлежности к процессам непосредственного производства (коммунизм).

Субъекты верят в истинность господствующей картины мира во имя сохранения собственной целостности. Господствующая картина мира приватизирует истину и опирается : в Премодерне – на процедуры

авторитета («Ибо сказал Господь!»), в Модерне – на механизмы знания («Учение Маркса всеильно, потому, что оно верно»), в Постмодерне истина элиминируется, воспринимается как избыточный фактор, усложняющий реализацию желаний индивида («Не тормози, сникерсни!»).

Однако желание обрести объективную истину не может быть реализовано по двум причинам. Во-первых, потому, что истина для субъекта травматична, он не хочет знать истину и бежит от неё, прикрываясь наукой, искусством, идеологией, религией. Во-вторых, в силу того, что связь с реальностью осуществляется исключительно посредством информационной циркуляции идеологических смыслов и значений. Информация же вызревает в структурах Символического Порядка, интерпретирующего мир в интересах определённых социальных сил.

Идеология

как суггестированная реальность идеализаций

Представляется, что по форме идеология выступает универсальной формой общественного сознания, коренящейся в социальных, интеллектуальных и бессознательных процессах. Содержательно идеология по ходу исторического развития получает конкретное социальное наполнение, отражающее специфику развития социально-экономических и политических отношений людей в ту или иную историческую эпоху.

По содержанию идеологические компоненты являются абстракциями реально воспринимаемых объектов, по механизмам социального распространения и межпоколенческой трансляции – суггестиями, по форме – идеализациями (господствующими означающими). По природе своего происхождения идеологические компоненты имеют психологические корни, так как локализованы они в пластах человеческой психики, стремящейся компенсировать бессознательный ужас перед конечностью бытия рационально-абстрактными смыслодержательными конструкциями.

Природа социальных идей	
Происхождение	Рационально
Содержание	Абстрактно
Форма	Идеализация (господствующее означающее)
Трансляция и утверждение	Суггестивно
Принятие в статусе истинности	Конвенционально
Результат	Прагматичен

Теоретически допустимая возможность выпадения субъекта из структур Символического Порядка, его сомнения в истинности и ценности конвенциональных абстракций и идеализаций неизбежно вызовет вслед за этим распад социума. Данная ситуация художественно описана в хрестоматийной сказке Ганса-Христиана Андерсена «Новое платье короля»: «И вот король шествовал в процессии под роскошный балдахин, а все люди, стоявшие на улице и смотревшие из окон, говорили:

— Боже, как оно красиво, это новое платье короля! Как оно хорошо сидит! Какой чудесный шлейф у мантии!

Ни один человек не хотел признаться, что он ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп. Ни одно из платьев короля не имело такого успеха.

— Но ведь он голый! — воскликнул вдруг один ребенок.

— Послушайте-ка, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец; и все стали шёпотом передавать друг другу слова ребёнка.

— А король-то голый! Ребёнок говорит, что на нём ничего нет!

— На нём ничего нет! — закричал, наконец, весь народ.

Король содрогнулся – ему показалось, что люди правы, однако он всё же решил довести церемонию до конца. И он принял ещё более гордый вид, а камергеры шли за ним следом, притворяясь, будто несут шлейф, хотя на самом деле никакого шлейфа не было»³⁸.

³⁸ Андерсен Г.Х. Новое платье короля. М.: Детский мир, 1963. С. 42-47.

В данном случае следует оговориться, что утверждение об «отсутствии шлейфа» справедливо применительно к уровню природной, *денотативной* действительности. Однако на уровне *коннотативной*, социальной реальности как мира суггестированных абстракций и идеализаций – шлейф не только существует, но и играет роль ключевого фактора социальной интеграции. Проблема эффективного функционирования социума сводится к следующему – как превратить индивида (ребёнка) в субъекта (гражданина), то есть, *концептуально* убедить его в том, что король не голый и шлейф действительно существует.

Таким образом, приверженность субъекта господствующей картине социального мира носит конвенционально-психологический характер. Конвенциональность истины поддерживается интересами сохранения социального целого, которым следует власть, формируя субъектов внутри структур Символического Порядка.

2.4. Социальная ангажированность идеологий

Идеология и власть

В социальной реальности интеллектуальные традиции не существуют в особом стерильном мире чистых, идеальных сущностей, но пронизаны интересами властвующих субъектов. Наивным и далёким от действительности выглядит желание представить тех или иных представителей той или иной социально-философской традиции в незамутнённом, чистом свете, помещая их в контекст идеально-благостных интеллектуальных течений, далёких от реальной политики и насильственных механизмов реализации власти.

С этой точки зрения, Фридрих Ницше может рисоваться оригинально мыслящим филологом, Мартин Хайдеггер – исключительно онтологическим экзистенциалистом, Карл Шмитт – аполитичным правоведом, а Освальд Шпенглер – политически нейтральным морфологом культур. В то же время – интеллектуальные фигуры менее значимые и масштабные с лёгкостью вписываются во властно ангажированные интеллектуальные традиции, которые носят отнюдь не всегда коннотативно привлекательный и политически легализованный характер.

Более того, альтернативные, но властно не реализованные варианты развития политической ситуации и интеллектуальные силы, их подпитывающие, странным образом идеализируются, рисуются в однозначно позитивном ключе. Создаётся искусственное ощущение, что проигрыш этих политических сил, либо их интеллектуальная не востребованность в конкретных условиях политической борьбы автоматически возводят их на пьедестал нереализованных, но столь благих и позитивных возможностей.

Представляется, что анализ возникновения, развития и реализации философско-теоретических моделей должен проводиться не с точки зрения описания отдельных интеллектуальных явлений, которые, якобы, сами по себе задают тон и содержание исторического материала. Аналитика должна строиться на базе реальных социальных, политических и экономических тенденций развития различных общественных групп, слоёв, классов, государств. На этой основе проявит себя логика социально-политического развития, в которой интеллектуальная история и реальная политика станут дополнять друг друга и синтезироваться в конкретных формах общественной практики.

Интеллектуальное творчество является выражением реальных политико-экономических взаимодействий в социуме и, как правило, имеет перспективу своей властной реализации. Мыслитель создаёт интеллектуальную среду, в которой проходят процедуру социализации и идейно формируются его соотечественники, в том числе и политики, а значит, всегда и при любых обстоятельствах несёт ответственность за свои интеллектуальные прозрения перед Богом, своим народом и историей.

Социализация как идеология

Идеология, будучи формой выражения потребностей и надежд социальных групп, слоёв, классов и государств, является естественным продуктом социализации человека. Идеология выполняет наиважнейшую функцию общественной консолидации, она придаёт противоречиям социального мира легитимность в глазах человека, пусть и в идеальных формах. Идеология примиряет человека не только со смертью, но и с несправедливостями общественного устройства.

Идеология при этом не воздействует на некоего автономного и суверенного индивида. Она изначально конструирует его таким, чтобы он сам продуцировал нужную реальность и вёл себя соответствующим власти образом, представляя вчерашние целенаправленные внешние стимулы за сегодняшние автономные внутренние мотивы. Идеология заставляет подчиняться власти и, в конечном счёте, производит самого субъекта в качестве носителя определённых социальных опций, которые он затем начинает иллюзорно интерпретировать в качестве личностно автономных и суверенных по отношению к внешнему социальному миру.

Адекватность и истинность принимаемой человеком на веру картины социальной реальности достигается отнюдь не за счёт критического отношения к исповедуемым идеологическим принципам. На этапе утверждения той или иной идеологии корректирующей критике подвергаются не идеологические установки на предмет их соответствия некоей константной и неизменной «реальности». Под готовую идеологическую матрицу смыслов подгоняется представление о том, что такое реальность, каковы критерии её истинности и какими характеристиками она обладает. Конфликт идеологий выражается в форме противостояния различных интерпретаций того, что следует считать социальной реальностью. Идеологии ведут между собой своеобразную «борьбу за реальность» – борьбу за то, чей образ будет признан более реальным, чьи идеи в сознании граждан получают более весомые амбиции на онтологический статус.

Феномен идеологии распространяется на такие аспекты социального бытия как дискурсивное знание (М. Фуко), государственно детерминированная символическая система описания мира (П. Бурдьё), коннотация (Р. Барт), симулякр (Ж. Бодрийяр), либо желание субъекта (С. Жижек). Методологическая вооружённость концепциями вышеперечисленных мыслителей позволяет чрезвычайно продуктивно и философски доказательно проанализировать феномен идеологии как форму выражения интересов социальных субъектов. В этой связи в идеологиях содержится социальная ангажированность её носителей.

Идеология не скрывает истинностное положение дел, она не искажает реальность, придавая представлению о ней аберративный характер. Идеология не искажает вещи, описывая их не такими, какими

они существуют «на самом деле», она встраивается в социальную реальность, формирует её и дискурсивно порождает.

Идеология при этом концентрирует в себе глубинные, экзистенциальные надежды и желания субъекта. Человек цепляется за идеологическую иллюзию, так как она связана с его представлением о собственных коренных интересах. Интерес представляет собой осознанную потребность. Потребность же носит материально выраженный характер, а механизм её осознания имеет иллюзорно-идеологическую природу.

Великая тайна социальности

Великая тайна социальности состоит в том, что за миром социальных видимостей, идеологий и фантазмов не скрывается никакой абсолютной неизменной сущности, могущей удовлетворить и примирить между собой разнонаправленные социальные силы. Реализация любой социальной концепции, известной как идеологии, неизбежно будет иметь свои издержки в виде недовольства иных общественных групп, социальных слоёв, классов и государств.

Свидетельства о принципиальной невозможности достижения всеобщего счастья вследствие всестороннего и окончательного разрешения социальных противоречий выражаются, в частности, в бытующих в народе тезисах о вынужденном примирении с несправедливой действительностью и в переносе возможного разрешения противоречий на будущее («а кому сейчас легко?», «не жили хорошо, и не надо», «наши дети будут жить при коммунизме», «необходимо затянуть пояса»).

Социальный интерес одной группы всегда утверждает себя в противодействии социальным интересам других субъектов социума. Объективно-беспристрастного арбитра, могущего разрешить социальные противоречия, принципиально не существует. Реализация интересов одного субъекта неминуемо повлечёт за собой ущемление интересов других субъектов как на внутреннем треке разнообразных внутригосударственных отношений, так и в плоскости внешней политики. Победивший субъект навязывает иным участникам социальных взаимодействий собственную интерпретацию социума в качестве объективной и абсолютной.

Противоречивая природа социальных взаимодействий и противоположно-классовое содержание общества сохраняют свою актуальность применительно к современной России. Реализация одной из социальных концепций неизбежным образом приведёт и приводит к социальным диспропорциям. В частности, ориентация на консервативно-государственнические интересы вынужденно спровоцирует ущемление ряда экономических и индивидуальных свобод тех или иных субъектов бизнеса. Либеральный уклон навстречу интересам бизнеса потребует перенесение всех экономических издержек на плечи трудящихся и повлечёт за собой спад уровня жизни большинства населения. Социалистическая политика вызовет недовольство субъектов рыночных отношений, что отразится на падении их доходов. Субсидирование государством тех или иных отраслей экономики вызывает естественное недовольство представителей иных сегментов экономики. Интересы национального промышленного сектора экономики принципиальным образом расходятся с интересами транснациональных спекулятивных экономических структур.

К тому же в обществе имплицитно сосуществуют разнонаправленные интересы различных экономических групп – военно-промышленный комплекс, сельское хозяйство, энергетика, транспорт, связь, банковский сектор, добывающая и перерабатывающая промышленность. В дополнение ко всему сказанному мы имеем ещё и внутриотраслевую конкуренцию на уровне предприятий, внутриэкономические противостояния между «естественными» монополиями, социальную конкуренцию между различными группами общества, борьбу за формирование доходных и расходных статей бюджета и прочее и прочее.

Следует также помнить о том, что идеология любой социальной общности несёт в себе не только социально мобилизующий, но и общественно дифференцирующий потенциал, выдавая интересы части общества за интересы всеобщие. В структуре любого общества разделённого труда (Россия здесь далеко не исключение, а, скорее, наипрочайшее подтверждение) существуют глубоко вшитые в социальную ткань антагонистические противоречия различных социальных групп, слоёв, классов. Государство в своей, как правило, гибкой политике опирается в большей степени на интересы одних групп

при игнорировании интересов других групп. При этом любые свои инициативы государственная власть монополистически проводит в жизнь с позиций некоего абстрактно постулируемого «всеобщего блага».

2.5. История как идеология

Политические отношения прошлого и современности неизбежным образом связаны с сохранением и периодическим нарастанием напряжённости по всему спектру существующих в мире противоречий. Наряду с политическими, экономическими, финансовыми, геополитическими, энергетическими, культурными, информационными и когнитивными войнами разворачиваются войны за интерпретацию истории. Борьба, в том числе, ведётся за интерпретацию отечественной истории, истории нашего государства и народа. Полем битвы становится описание исторических событий с позиций интересов тех или иных политических субъектов.

Противодействие фальсификации истории как тоска по идеологии

В современной Российской Федерации всё более явственно звучат установки на недопущение фальсификации отечественной истории. Попытки поиска научных, образовательных и воспитательных технологий противодействия попыткам фальсификации истории есть форма современного стремления России отстоять свой идеологический суверенитет. В силу формального сохранения комичного либерально-антигосударственнического конституционного запрета на следование государством единственной доминирующей идеологии, российские правящие элиты пытаются найти обходные пути для формулирования идеологии. В частности, объявляют установку на противодействие фальсификациям истории.

Статусом особого охранения от фальсификаций объявляются причины, ход и результаты Великой Отечественной войны советского народа против германского национал-социализма (1941-1945). Победа в Великой Отечественной войне имеет ключевое значение для советского государства – она сформировала новую историческую общность – советский народ, подведя тем самым черту под гражданским расколом,

вызванным Октябрьской революцией и последовавшей за ней Гражданской войной. Победа Советского Союза становится в современной Российской Федерации своеобразной идеологической «точкой сборки» для формирования политической идентичности граждан современной России.

Президент России Владимир Владимирович Путин своим указом утвердил Основы государственной политики РФ в области исторического просвещения. Документ, подписанный 8 мая 2024 года говорит о «сохранении традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, повышении способности российского общества противостоять деструктивному идеологическому воздействию на него». Противодействие «деструктивным идеологическим воздействиям» планируется осуществить посредством «государственной политики в области исторического просвещения», которая понимается как «совокупность действий, реализуемых субъектами исторического просвещения» «по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти», «поддержку и развитие системы научного исторического знания, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине»³⁹.

В указе постулируется необходимость государственных усилий по популяризации достоверных и научно обоснованных исторических знаний. Тем самым признаётся недостаточность возможностей самой науки, которая не способна автоматически утверждаться в обществе в качестве единственно адекватного способа описания истории. Историческая наука функционирует в идеологическом поле, в котором любая концепция научного знания должна иметь властно-политический ресурс для своего утверждения. Именно поэтому провозглашается необходимость государственной политики по противостоянию «деструктивному идеологическому воздействию». При этом фигурой

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 30.05.2024).

умолчания, в строгом соответствии с законами функционирования идеологий, является идеологичность государственных усилий по отстаиванию нужного государству образа прошлого своей страны. Альтернативные идеологические концепции не менее эффективно способны апеллировать к «объективности» и «научности» выгодных им исторических интерпретаций.

В данном случае в тексте указа косвенно подтверждается, что идеологически альтернативному для нас образу прошлого будет противостоять образ прошлого, соответствующий нашим государственным интересам и идеологически детерминированный нашими ценностями, «основанными на любви к Родине» в соответствии с законами политического жанра, названными в указе «государственной политикой». Руководствоваться чувством любви возможно исключительно в силу идеологических соображений. Пристрастное чувство любви к Родине диктует соответствующую интерпретацию исторических знаний, которые всегда несут в себе элемент идеологической ангажированности.

История как наука и учебная дисциплина

С целью противостояния попыткам фальсификации истории и отстаиванию своих национальных интересов в мире, нашему государству жизненно необходимо выработать иное отношение к пониманию специфики исторического познания и сформулировать государственный подход к преподаванию истории. Современная Россия остро нуждается в переосмыслении понимания социальной миссии исторического познания и роли исторических знаний в процессе формирования личности. В этой связи представляется крайне актуальным разделение истории как науки и истории как учебной дисциплины.

История как наука относится к гуманитарным наукам, которая имеет свою специфику, обращаясь к уникальным событиям прошлого, не существующим в текущей реальности, но оставившим свой след в исторических источниках. Работа профессиональных историков связана с использованием принципа единства исторического и логического, при котором хаотичный набор различных исторических событий «спрямляется» логикой исторического изложения. Это приводит к

созданию исторических фактов, которые неизбежным образом несут в себе интерпретацию, соответствуя изначальной, взятой на вооружение концепции.

История тем самым представляет собой не просто изложение событий прошлого, но концептуальное осмысление событий, преподносимое в виде исторических фактов. Концептуализация исторических событий, в конечном счёте, подчинена интересам того или иного государства. История не может не нести в себе идеологический компонент, будучи встроеной в систему представлений народа о себе, о мире, о направленности и целях мировых исторических событий, о собственной исторической миссии и собственном идеологическом проекте.

История как учебная дисциплина встроена в процесс воспитания индивида, она подчинена целям превращения индивида в субъекта и гражданина. Усвоение исторических знаний участвует в процессе социализации индивида, формирует ценности, принципы и мировоззренческие установки, благодаря которым человек на примере героических свершений своего народа становится личностью, патриотом и гражданином. Именно поэтому так важна роль учителя, который является идейным механизмом в процессе становления новой личности.

Иллюзия неизменности объективных исторических фактов

Представляется крайне наивным полагать, будто исторические знания формируются на базе кумулятивного сбора неким социально стерильным учёным-историком объективно представленных исторических фактов и их логично-детерминистским обобщением в те или иные теории. Данное утверждение игнорирует два объективно существующих фактора: в реальности отсутствует неизменно-объективная представленность так называемых «исторических фактов»; теория никогда не возникает исключительно на основе анализа фактов, пусть даже и систематизированных.

Принципиально непрофессиональными выглядят также обывательские рассуждения о том, что историк должен представить прошлое «как оно есть», дискурсивно воспроизвести то, что было «на самом деле». При этом остаётся крайне тёмным и непрояснённым вопрос

о том, где находится это «самое дело» и как к нему получить познавательный доступ, тем более, если речь идёт о неотменяемой субъективности (как индивидуальных, так и коллективных) носителей исторического знания.

История есть постоянно развивающийся процесс концептуального осознания событий прошлого, представленных в виде тенденциозно отобранных и субъективно проинтерпретированных фактов. При этом необходимо учесть, что так называемый «факт», особенно, если это «факт исторический» отнюдь не является «упрямой вещью». Исторический факт является результатом проинтерпретированного события, которое в тенденциозно-превращённой форме присутствует в так называемых исторических источниках. Исторический факт есть восприятие события, которое уже побывало в чьей-то голове, получило интерпретацию и с неизбежной закономерностью несёт в себе интересы его носителя и выразителя. Более того, один и тот же исторический факт крайне продуктивно может обслуживать разные, порой антагонистические и взаимоисключающие друг друга концепции, являясь точкой некоей «верификационной опоры» для каждой из них.

Исторические события не даны непосредственно, они не поддаются под процедуры однозначной и единственно возможной верификации. В историческом познании наблюдаются попытки понять смысл и выстроить систему знаний относительно существовавших ранее событий, которых нет в наличной действительности. История представляет собой гуманитарную науку, которая моделирует знания об актуально не существующей реальности. В этой связи крайне интересными представляются рассуждения Хейдена Уайта относительно литературной составляющей творчества учёного-историка, который художественно домысливает, достраивает и конструирует знания о прошлом, превращая их в системно завершённые концепции ⁴⁰.

Чрезвычайно актуальным выглядит поиск методологии объяснения как природы исторического познания (история как наука), так и технологий встраивания исторического знания в структуру личности (история как учебная дисциплина). Раскрыть технологию конструирования исторических знаний в процессе формирования

⁴⁰ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 57.

субъекта способна, на наш взгляд, методология радикального конструктивизма в сочетании с установками структуралистского психоанализа.

***Природа исторических знаний :
радикальный конструктивизм***

Конструктивизм – общее обозначение различных направлений в науке, искусстве и философии, которые ставят в центр понятие конструкции для обозначения производимого в этих областях продукта. В философии конструктивизмом называют теоретико-познавательную перспективу, которая трактует механизм познания как конструирование. Идея, что человек сам создаёт (конструирует) свои философские системы и модели мира встречается в системах мысли, подчёркивающих активную творческую роль субъекта познания в производстве знаний о мире (Д. Вико, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Э. Гуссерль).

Философская идея о когнитивной активности субъективного мировосприятия была развита социологами и психологами, которые отстаивают идею конструирования человеческим сознанием идеальных моделей, сквозь призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир (Ж. Пиаже, А. Шюц, Л.С. Выготский, Н. Луман, Дж. Келли). Принципы радикального конструктивизма нашли применение и получили развитие в таких областях научного знания как нейробиология (У. Матурана, Ф. Варела), кибернетика (Х. фон Фёрстер), антропология (Г. Бейтсон), психология (Э. фон Глазерсфельд, У. Найссер, Г. Руш), психотерапия (П. Вацлавик), политология (А. Вендт, Э. Адлер), археология (К. Холторф).

Конструкт, с точки зрения Джорджа Келли, есть субъективно созданная понятийная система, с помощью которой человек судит о мире и пытается оценить реальность – внешний мир, других людей и себя. Конструкты позволяют человеку создавать смысл в процессе его взаимодействия с миром. Смысл возникает и познаётся с использованием специальных инструментов – моделей, репрезентирующих материальную действительность. Вне использования конструктов мир в сознании человека представлял бы собой нечто недифференцированное

и гомогенное, что не позволило бы познать и осмыслить объективную действительность⁴¹.

Конструктивизм опирается также на эпистемологический подход в методологии научного познания, который рассматривает научный факт как социокультурно ситуативный. Научный факт трактуется как отвечающий практическим интересам конструктор, существующий исключительно в экспериментальном и дискурсивном контексте деятельности учёных (Б. Латур, С. Вулгар, Э. Пикеринг).

Радикальный конструктивизм считает, что процесс восприятия не отражает напрямую объективно существующую материальную действительность. Человек в ходе познавательной деятельности самостоятельно создаёт (конструирует) свою относительную и субъективную реальность. Знание не есть образ внешней реальности, а функция познавательного процесса, оно есть социально обусловленный и инструменталистски используемый конструктор в сознании познающего субъекта. Процесс познания рассматривается в радикальном конструктивизме как эпистемология без онтологии, как «знание без метафизики», где механизмом формирования конструкторов выступает, по Эрнсту фон Глазерсфельду, аккомодация – приведение когнитивных схем в соответствие с внутренними познавательными структурами⁴².

В процессе порождения научных знаний крайне значима творческая роль человеческого сознания, зависящая не от объективной реальности, а от социокультурного контекста и практических интересов познающего субъекта. Знание есть социально обусловленный и инструменталистски используемый конструктор в сознании субъекта. Научное познание ориентировано не на поиск истины, а на выполнение социально значимых функций, связанных с обеспечением функционирования социума. Конструктивизм, по мнению Эммануэля Адлера, – это взгляд, предполагающий, что то, «каким образом материальный мир формирует и сам формируется действиями людей и взаимодействиями, зависит от динамических нормативных и познавательных интерпретаций материального мира»⁴³.

⁴¹ Келли Дж. Психология личностных конструкторов. М., 2000.

⁴² Glaserfeld E. von Knowing without Metaphysics: Aspects of the Radical Constructivist Position // Research and Reflexivity. London, 1991. P. 12-29.

⁴³ Adler E. Communitarian International Relations: The Epistemic foundations of International Relations. London: Routledge. 2005.

Знание об объективной реальности не связано с ней напрямую, а потому имеет множество конкурирующих интерпретаций с претензией на некое «истинностное» описание реальности. Наличное существование и конкуренция различных, порой антагонистических, мировоззренческих интерпретаций становится возможной в силу того, что познание находит научное обоснование не в неизменном, неоспоримом и строго фундированном наборе фактов, но в подвижных, изменяемых конструктах, существующих в различных конвенциональных знаково-символических формах. На определённых этапах развития социума когнитивно господствует та или иная «конструкция» исторической реальности.

Представляется, что радикальный конструктивизм может вооружить исследователя инструментарием познания природы исторического факта и процесса конструирования исторических знаний как результата функционирования системно завершённой идеологической концепции. Вместо социально и политически нейтральной объективистской эпистемологии, свойственной позитивизму и ортодоксальному марксизму, конструктивизм предлагает восприятие исторической реальности в качестве многовариантных картин прошлого, описываемых различными субъектами. Субъективное восприятие прошедших событий носит характер относительно произвольной конструкции, которая отвечает общественным интересам и коррелирует с системой научных понятий на конкретном этапе развития социума.

Следует подчеркнуть, что при этом радикальный конструктивизм не отрицает наличия некоей объективной исторической реальности. Он лишь отрицает возможность её единственного, подлинного способа понимания, описания и познания с позиций проникновения в сущность некоей неизменной, объективно представленной реальности, которую якобы возможно адекватно репрезентировать в понятийных формах.

Радикальный конструктивизм взаимосвязан с появлением так называемого лингвистического поворота в историческом познании, акцентирующем внимание на языке как социально обусловленной системе знаков, порождающих историческую реальность. Отсюда история воспринимается как перманентный «конфликт интерпретаций», который выражается в сопряжении «семиотических систем и

семантических полей между источником, сочинением историка, мыслями и чувствами читателя»⁴⁴.

Конструктивистская идея социально обусловленной направленности исторического познания и тяготение к конвенционально-прагматическому представлению о природе истины подводит историческое знание, по мысли Гебхарда Руша, к зависимости не от прошлого, но от настоящего: «...целостное представление о прошлом является когнитивной и социальной конструкцией, которая не существует нигде, кроме как в соотношении с опытом людей, живущих сегодня»⁴⁵.

Историческое знание не детерминировано объективной реальностью, а конструктивистски предопределено и ограничено конструкцией, но тем не менее, оно несколько не проигрывает в части своей важности и значимости. Полученное представление о прошлом, как считает Корнелиус Холторф, вполне «может создать жизнеспособное знание о нашем сегодняшнем обществе»⁴⁶.

Особое внимание в конструктивизме уделяется смыслам, которыми наделяется социальная реальность. Категория смысла исторических событий, тенденций и процессов носит неуловимо-идеальный характер. В соответствии с принципом историзма постижение смысла истории возможно только с опорой на процедуры вживания, вчувствования в эпоху, в дух времени, в исторически ситуативную систему смыслов и значений, которыми наделялась социальная реальность. Погружение в смысловой и ценностный контекст исторического времени воспроизводит историю практически заново, ретроактивно конструирует смыслы прошлого сквозь призму современности, когда, как считает Александр Вендт, «люди действуют по отношению к объектам, включая других акторов на основе смыслов, которые для них имеют эти объекты»⁴⁷.

⁴⁴ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 245.

⁴⁵ *Rusch G.* Erkenntnis, Wissenschaft, Geschichte: von einem konstruktivistischen Standpunkt. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1987. С. 416419.

⁴⁶ *Холторф К.* Радикальный конструктивизм. Знание вне эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329 (декабрь). С. 79.

⁴⁷ *Алексеева Т.А.* Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика (Comparative Politics Russia). Т. 5. № 1 (14). 2014. С. 7.

Учёные-историки имеют дело с историческими фактами, понимаемыми не в качестве однозначных отражений объективных событий, но рассматриваемыми как интерпретации прошлого. Факты ретроактивно воспроизводятся и концептуально переформатируются в соответствии с предзаданными историческими концепциями. При этом историки задействуют операции переинтерпретации, идеализации, абсолютизации и даже игнорирования тех или иных фактов, представленных в исторических источниках, подчиняя свои научные изыскания интересам и логике изначальной концепции. Аналогично тому, как гипотетически сформулированная научная теория требует тенденциозно выверенного эмпирического подтверждения, так и предзаданные исторические концепции апеллируют только и исключительно к соответствующим «удобным» фактам, подкрепляющим данную теорию.

В этой связи в конструктивизме проводится принципиально важное разделение между «знанием о прошлом» и «реальностью прошлого», что принципиальным образом лишает нас возможности знать прошлое в статусе «как оно было на самом деле». В силу того, что доступ к предельной социальной реальности принципиально невозможен, мы никогда не сможем достичь исторической истины, так как «не можем преодолеть условия разума (и общества), детерминирующих наше (по)знание»⁴⁸.

Историческое событие	Исторический факт
Реальность прошлого	Знание о прошлом
Материальная действительность	Социальная реальность

Итак, история есть социальный конструкт, создающий модели прошлого посредством субъективно интерпретируемых исторических источников. История концептуально конструируется в соответствии с приемлемыми стандартами общих целей и по канонам признанного оптимальным опыта поколений.

Будучи одной из фундаментальных идеологических дисциплин, история нацелена на усвоение субъектом ценностей, связанных с

⁴⁸ Холторф К. Радикальный конструктивизм. Знание вне эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329 (декабрь). С. 7780.

патриотическим возвеличиванием событий из истории своей страны. Символическая интеграция субъектом принципов, закономерностей и фактов истории своей страны приводит к становлению Я, самосознания, формирует индивидуальную и коллективную идентичность.

III. КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА

3.1. Субъект : структуралистский анализ

Понятие субъекта является краеугольным камнем философии современного либерального западного общества. Исходя из характеристик автономного, суверенного и самодостаточного субъекта выстраивается нынешнее доминирующее представление об обществе. Более того, современное общество объявляется структурой, подчинённой интересам субъекта, где целое (общество) подчиняется части (субъекту).

Между тем, идея автономности субъекта и социальные преломления атомизированного индивида не существовали на ранних этапах развития человеческой цивилизации (Премодерн), были сформированы в индустриальном типе социальной организации (Модерн) и имеют все тенденции к исчезновению в грядущей разновидности социума (Постмодерн).

Мысль о том, что субъект является не причиной социальности, а выступает главной целью и результатом социально-исторического и дискурсивно-идеологического воздействия активно разрабатывается в структурализме, структуралистских версиях неомарксизма и структуралистском психоанализе. Представляется необходимым синтезировать структуралистские представления о субъекте с культурологической периодизацией социокультурных процессов как смены парадигм Премодерна – Модерна – Постмодерна.

Субъект: структурализм VS субстанциализм

В социальной философии просматривается противостояние двух парадигм в трактовке субъекта, которые весьма условно можно определить как субстанциализм и структурализм.

Субстанциализм объявляет общество производным образованием от сознательной деятельности субъектов. Концепции субстанциального субъекта строятся на разных основаниях в понимании природы субъекта : гносеологическая (Р. Декарт, И. Кант), социально-политическая (Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.Ж. Руссо), экономическая (А. Смит, Д. Рикардо, Л. фон Мизес), мотивационная (М. Вебер).

Воззрения на общество в доминирующей части научной и в обывательской среде продолжают базироваться на принципе социального атомизма. Социальный атомизм является рудиментом до конца пока не переваренного современной социогуманитарной наукой принципа физикалистского редукционизма применительно к анализу общественных процессов. В современных социогуманитарных науках продолжает господствовать представление о субъекте как суверенной, независимой и цельной субстанции социума.

Субъект, рассматриваемый в контексте социального атомизма как причина социальных отношений, на деле является следствием этих отношений. Строительство здания социальности на базе атомарного субъекта есть иллюзорный проект, спекулятивно выдающий результирующий продукт социальных процессов и отношений за их причину.

Структурализм заявляет об иллюзорности фактора индивидуальной свободы индивида в системе социального порядка. Субъект не является автономно-творческой и суверенной единицей социума, он есть продукт целенаправленных практик применения различных форм социального насилия – от дискурсивного до психологического. В индивида встроены незримые социальные конструкции, в которые он вписан и результатом актуализации которых он является. Сущность социальных структур выявляется как природно-витальная (Ф. Ницше), лингвистическая (Ф. де Соссюр), антропологическая (К. Леви-Стросс), политическая (М. Фуко), идеологическая (Л. Альтюссер), психоаналитическая (Ж. Лакан, С. Жижек).

Сущность структуралистской установки состоит в том, что субъект есть результат целеполагающей деятельности государства как формы выражения вооружённого властью социума. Деятельность государства по формированию субъекта выражается в функционировании систем воспитания и образования и детерминирована работой социальных институтов в плоскости семья – церковь (Премодерн), семья – школа (Модерн), семья – школа – медиа (Постмодерн).

Луи Альтюссер считает, что объектом воздействия идеологии всегда выступает именно субъект. Он подчеркивает, что, «идеологии не

существует вне субъекта и без субъекта. Именно идеология «конструирует» субъекта из индивида: «человек по своей природе идеологическое животное» и конструирует он свои представления, прежде всего, с помощью шкалы «свой-чужой»⁴⁹. Альтюссер в духе структуралистского марксизма интерпретирует встроенность субъекта в идеологический порядок социума, носящий классово-ангажированный характер, при котором «идеология обращается к индивидуумам как к субъектам»⁵⁰.

Процесс формирования субъекта, который курирует идеология, обозначается Альтюссером понятием интерпелляция, под которым подразумевается реакция индивида на навязываемые государством социальные роли. Индивид встраивается в Социальный Порядок посредством подчинения требованиям другого, в роли которого выступают различные носители власти – от отца и учителя до полицейского. Действия человека в соответствии с социальными ожиданиями позволяет ему социализироваться и превратиться из природно детерминированного индивида в социально полезного субъекта. Дисциплинарное воздействие власти, по Альтюссеру, периодически воспроизводит себя посредством процедуры своеобразного окрика, наподобие «Эй, ты!». Субъект тем самым вспоминает о себе как о социальной функции, продуцируемой из ожиданий социума.

Мишель Фуко отстаивает мысль о дискурсивно-политических механизмах производства субъекта, присутствующих во всех аспектах социального. Французский философ структуралистски микроскопировал проблему формирования субъекта, увидев источник его производства в любых социальных институтах, продуцирующих разнообразные формы власти – от семьи до институтов права и образования.

Властно нейтральных отношений субъектов, по Фуко, принципиальным образом не существует. Власть имплантирована в социум и служит необходимым фундаментом для отношений господства

⁴⁹ *Althusser L. Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology / edited by Slavoj Zizek. London, New York : Verso, 1994. – 341 p. P. 138.*

⁵⁰ *Альтюссер Л. Идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. № 3. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 15.06.2021).*

и многообразных процедур подчинения. В частности, власть дискурса над мышлением исключает процедуру «мыслить свободно», так как индивиды начинают контролировать себя сами, ориентируясь на установившийся в обществе характер мышления и поведения, который воспринимается как норма. В результате формируется лояльно настроенный к микро- и макро-власти субъект социальных отношений.

Пьер Бурдьё убеждён, что субъект является продуктом символического насилия, понимаемого как «власть творить вещи при помощи слов», что порождает «монополию легитимного символического насилия»⁵¹. Символическое насилие осуществляется посредством систематического применения механизмов становления индивида в процессе образования и воспитания, что приводит к формированию так называемого габитуса. Габитус есть апробированный и закреплённый способ статусной и поведенческой адаптации субъекта к структурам социальности. Именно габитус позволяет человеку встроиться в социум, адекватно ориентироваться в обществе и, сообразно своему статусу и функционалу, реагировать на события и ситуации.

Жак Лакан считает, что субъект формируется посредством репрессивных языковых структур. Лакановская мысль о том, что «Я – это Другой» имеет ключевое значение при анализе механизма возникновения субъективности и при ответе на вопрос о способах формирования у субъекта определённого мировоззрения как результата того, что «через меня говорит бессознательный Другой»⁵².

Обретаемый индивидом опыт освоения мира состоит в том, что субъект «видит себя в другом», имплантирует в себя сконструированные смыслы, которые его сознание приписывает вещам, явлениям и процессам окружающего мира: «... собственное Я создано последовательностью идентификаций субъекта с его любимыми объектами, позволившими ему обрести свою форму». В любимом объекте «субъект буквально утрачивает себя» и это «является основным

⁵¹ *Бурдьё П.* Начала. [Сборник : Пер. с фр.]. М. : SocioLogos : Фирма «Адапт», 1994. - 287 с. М., 1994. С. 204, 200.

⁵² *Жижек С.* Событие. Философское путешествие по концепту. Перевод с английского Д. Хамис. М.: Рипол-Классик, 2018. С. 97.

механизмом, вокруг которого разворачивается все, что относится к эго»⁵³.

Лакан видит в реальности проявление бессознательных стремлений субъекта к получению удовольствия. Природная реальность есть сгусток желания, а субъект является его продуктом. На базе желания формируется представление субъекта о том, что следует считать реальным. Ключевым ингредиентом реальности является, по Лакану, вечно недостижимое ядро желания («объект а»), которое толкает субъекта к нескончаемому мазохистскому развитию по постоянному переживанию опыта нехватки, раздробленности и неудовлетворённости.

Славой Жижек продолжает психоаналитическую традицию трактовки «Я» как сложного многоуровневого образования в лакановских регистрах реального, символического и воображаемого. Человек постоянно пребывает в состоянии внутренних антагонистических противоречий с самим собой. Субъект понимается словенским философом как неравный, нетождественный самому себе. Человек расколот, он ощущает в себе внутреннюю пустоту и отсутствие смысла, так как «понятие Я как свободного независимого субъекта – всего лишь субъективная иллюзия»⁵⁴.

Субъекту свойственна изначальная расщеплённость, связанная с травматическим опытом соприкосновения с миром, в котором сокрыта угроза его собственного исчезновения, а возможность реализации счастья и комплекса желаний носит иллюзорный характер. Субъект принципиально не способен удовлетворить свой инстинкт стремления к удовольствию (уровень реального) посредством материальной реализации своих желаний (уровень символического).

Критика субстанциалистской концепции субъекта находит выражение и в современных отечественных работах о феномене фантазма. В частности, К.В. Кондратьев утверждает, что «любая попытка поиска «субстанциального субъекта», будь то «Я» или даже субъект бессознательного, приводит к парадоксальному выводу, что «никого нет дома» – сама бессознательная основа субъекта выступает

⁵³ Лакан Ж. Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)). Пер. с фр. / М. Титовой и А. Черноглазова (Приложения). М.: Издательство «Логос», 2009. С. 225.

⁵⁴ Жижек С. Событие. Философское путешествие по концепту. М.: Рипол-Классик, 2018. С. 87.

первофантазмом: нет того, кто мог бы испытывать фрустрацию от несоответствия «Я» и «образа-Я», «Я» возникает только как собственный образ в поле Воображаемого или Символического»⁵⁵.

Итак, субъект – это не причина и не отправная точка социальных процессов, но результат применения насильственных социальных практик по его производству. В конструировании субъекта участвуют не только насильственные и опосредовано насильственные (манипулятивные) технологии, но и психологические факторы формирования субъекта. Передаточным звеном, посредством которого происходит формирование субъекта объявляются идеологические аппараты государства (Л. Альтюссер), дискурсивные механизмы власти (М. Фуко), символическое насилие (П. Бурдьё), языковые структуры (Ж. Лакан, С. Жижек), фантазм (К.В. Кондратьев).

Вынужденный существовать, «будучи никем», субъект естественным образом проявляет тяготение к идеологическим иллюзиям и психологическим самообманам как защитно-компенсаторным механизмам, призванным нейтрализовать в человеке нутряной страх смерти и отвлечь его от интуитивного осознания трагизма и бессмысленности собственного существования.

На это, или примерно на это обстоятельство обратил внимание современный практикующий российский идеолог Владислав Юрьевич Сурков, называя «вымыслом», «дополненной реальностью» и «геополитическими галлюцинациями» то, что в структуралистском психоанализе обозначается фантазмом: «Человеческое мышление как таковое воспринимает реальность не в чистом виде, но всегда как реальность дополненную. Дополненную тем, что нереально. Вымысел работает как катализатор действия. И как проявитель правды. Без вымысла не бывает движения. И последующей встречи с реальностью. Иногда не радостной: «гладко было на бумаге...»⁵⁶

Таким образом, адекватный анализ социума с точки зрения процессов его возникновения и функционирования не представляется

⁵⁵ Кондратьев К.В. Фантазм как способ конституирования социального субъекта в современную эпоху // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 1. 2012. С. 75.

⁵⁶ Сурков В.Ю. Рождение Севера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actualcomment.ru/rozhdenie-severa-2309262036.html>

возможным реализовать в случае, если пределом членения социального целого будет выступать субъект как аналитически непроницаемая, атомарная единица. Субъект должен быть подвергнут аналитическому разделению на сегменты, необходимо произвести своеобразный спектральный анализ субъекта.

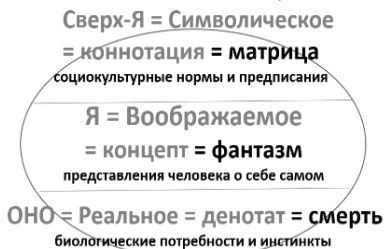
Спектральный анализ субъекта

Субъекта следует рассматривать как сложное многоуровневое образование, пребывающее в состоянии внутренних антагонистических противоречий с самим собой. Субъект есть расколотый, неравный, нетождественный самому себе продукт применения социальных технологий насилия. Субъект не представляет собой монолитное образование, он синтезирован на трёх уровнях или сегментах (регистрах, в терминологии Ж. Лакана).

Во-первых, субъект обладает объективно и досоциально существующей «природной начинкой» как сгустка его инстинктивно и физиологически обусловленных желаний и бессознательных устремлений (природное, «Оно», «Реальное», денотат, Единичное).

Во-вторых, в субъекта вплетены социальные аспекты его бытия в виде механизмов культурно обусловленного социального контроля и самодисциплины через идентификацию себя с обобщённой фигурой Значимого Другого (социальное, «Сверх-Я», «Символическое», коннотация, Всеобщее).

В-третьих, на стыке природных устремлений и практик социально-культурного насилия возникает представление субъекта о себе самом как дистанцированного от природы и автономного от общества рационально-психологического образования (индивидуальное, «Я», «Воображаемое», концепт, Особенное).

Синтез в процессе диалектически понимаемого развития на его новом витке превращается в антитезис, который противостоит природно воспроизводимому тезису. Основной двигатель социального развития – противоречие (не антагонистическое, а диалектически снимаемое, преодолеваемое) между индивидом и обществом, понимаемым как коллективная воля субъектов. Субъект есть продукт осуществления государством технологий социального насилия. Деятельность государства по формированию субъекта известна как процесс социализации.

Отсюда и идеология локализуется не только на уровне сознания субъекта в качестве своего следствия. Корни идеологии залегают на уровне бессознательного в виде фантазма, где «действительное положение вещей предстает в иллюзорном виде». Фантазм структурирует саму социальную действительность, а идеология, в свою очередь, служит только себе, поэтому она и есть наслаждение⁵⁷.

Отождествление субъектом своих интересов с интересами Значимого Другого порождает: на уровне социального – феномен идеологии как формы осознания своих коллективных интересов, во имя реализации которых необходимо подчиняться различным формам власти (*символическое*); на уровне индивидуального – феномен фантазма как формы коллективной суггестии относительно причастности субъектов к функционированию Символического Порядка (*воображаемое*); на уровне бессознательного – получение суггестированного социально-символического удовольствия от осознания себя частью целого, с которым субъект связан посредством Значимого Другого (*реальное*).

Привнесение в анализ феномена идеологии триединую схему функционирования субъекта позволяет диалектически усложнить сложившуюся в социальных науках дихотомию «объективного» (внешнего, социального) и «субъективного» (внутреннего, сознательного) в осмыслении феномена идеологии. Динамика развития идеологии обусловлена диалектическим сочетанием внешних объективных содержательных факторов природного характера (*реальное*), на которое воздействуют внешние объективные структурные факторы социального порядка (*символическое*), что порождает

⁵⁷ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 40, 89.

внутренние субъективные факторы самосознания участников социально-исторического процесса (*воображаемое*).

Перечисленные ингредиенты субъекта находятся в постоянной динамике, в режиме взаимообусловливания и взаимоформирования, но их функционирование подчинено целям компенсации утраченной природности через приобщение к социальности. Власть отторгает субъекта от природных удовольствий и компенсирует это социальным удовольствием отождествления себя с Символическим Порядком через экстраполяцию на себя качеств и свойств Значимого Другого.

Процесс трансформации природного наслаждения в наслаждение символическое получил в психоанализе наименование сублимации как перевода социально неприемлемых форм получения физиологического удовольствия в общественно легализованные способы получения символического наслаждения (социально значимые процессы потребления товаров и услуг, публичная демонстрация собственных знаний и умений, наслаждение индивидуальным статусом и авторитетом, демонстрация общественной доминантности).

Таким образом, диалектический подход к анализу субъекта предполагает взаимопроникновение внешней природной (тезис, реальное) и социальной реальности (антитезис, символическое) во внутреннюю жизнь субъектов исторического процесса (синтез, воображаемое).

Реальное	Символическое	Воображаемое
«Оно»	«Сверх-Я»	«Я»
Природное	Социальное	Индивидуальное
Денотат	Коннотация	Концепт
Единичное	Всеобщее	Особенное
Тезис	Антитезис	Синтез
Базис	Надстройка/Базис	Надстройка
Потребности	Интересы	Желание
Природное влечение	Социальные цели	Субъективное наслаждение
Смерть	Смысл	Фантазм

Реальное	Идеология	Идеал
Индивид	Значимый Другой	Я (субъект)

Власть как Значимый Другой

Субъект есть результат целенаправленного процесса формирования субъективных убеждений, механизмов социального контроля и самодисциплины. Функция (власть) рождает целое (трансцендентального субъекта, Значимого Другого) в виде либо Суверена (монарха), либо Народа как Суверена (субъективное «мы», наделённое единой волей).

Итогом является то, что коллектив начинает иметь единое мнение, политики получают возможность апеллировать к некоей единой воле, социальному разуму, коллективному решению. Субъект приобретает неопределённо-личное измерение, проявляемое во фразах «есть мнение», «как известно», «принято считать». Общество появляется как результат того, что человек смотрится в Значимого Другого как в зеркало, формируя тем самым свою социально детерминированную субъектность.

Процедура проекции является основой идентификации субъекта: один человек разделяет точку зрения другого, ассоциирует себя с этим человеком, переносит на него свои качества, а его качества приписывает себе. В психоанализе проекция понимается как отождествление себя со Значимым Другим, что проявляется, в частности, в принципе представительной демократии как проекции и делегирования политической воли одного лица другому.

В фигуре Значимого Другого субъект обретает свою разрушенную целостность (самость), самоорганизацию своей жизни и самостановление. Субъект отождествляет себя с трансцендентальным субъектом власти (авторитеты, семья, отец, Родина, родители, герой, депутат, государство, нация, религия).

Механизм конструирования субъекта осуществляется через различные формы проявления власти (дискурс, язык, норма, информация, собственность, социальная роль) и посредством формирования в сознании индивида представления о трансцендентальном субъекте как Значимом Другим (суверен, государство, коллективное «мы»). У каждой социальной общности наличествует свой социальный идеал, свой образец для подражания. В

частности, борьба за «значимую субъектность» в политике проявляется в возможности появления у современной российской элиты альтернативных субъектов («Лондон», «Мальдивы», «швейцарские банки», «Дубайск», недвижимость на Западе, а теперь и на Востоке).

Функционирование субъекта в социуме подчинено целям компенсации утраченной природности через приобщение к социальности. С момента рождения ребёнок попадает из сферы природности в сферу социальности, претерпевая воздействие Символического Порядка. Власть устанавливает символическую связь индивида с социумом – от режима кормления и наречения его определённым именем до социально-ролевых игр и мифологизма сказок, в которых моделируются правила интерпретации действительности и образцы социального поведения. Незримым режиссёром и автором сценария разыгрываемых социальных ролей выступает власть, присутствующая в структуре личности как Значимый Другой.

Дискурсивное порождение субъекта

Язык имеет конкретно-исторические корни возникновения, смысловое же содержание понятий, используемых в языке как их форме, инициируется в идеологическом контексте. Дискурсивно-идеологическая разработка системы смысловых координат предполагает наличие автора, некоего субъекта, «хозяина дискурса», которым устанавливаются правила языкового определения реальности. Дискурс детерминирует трактовку реальности с позиций интересов тех или иных социальных субъектов и соответствует интересам государства, властвующих элит и экономически господствующих групп. Экспликация дискурсивно предопределённых понятий и их обоснование могут носить религиозный, политический, правовой, экономический характер.

Дискурс есть социально и исторически детерминированный способ восприятия и описания мира, выражаемый в значении используемых понятий. Власть конструирует субъекта в процессе социализации и интериоризации. Насилие существует в обществе через систематическое применение механизмов становления индивида в процессе образования и воспитания. Власть есть «зеркало-призма», сквозь которую индивиды видят в себе субъектов и конституируют себя как субъектов.

Процесс символического порождения субъекта в пространстве языка диалектически сложен. С одной стороны, существует реальная (денотативная) действительность, определенным образом влияющая на процесс формирования и развития субъекта (реальное); с другой – социокультурный (коннотативно-дискурсивный) контекст, который задает значение знаков и (символическое); с третьей стороны, субъективные концепты влияют на формирование системы мифологизированных и фантазматичных смыслов для познания действительности и ориентации в ней (воображаемое).

Господствующий дискурс постоянно воспроизводится людьми, рециркулирует в культуре в качестве смыслов и значений, порождающих отношения истины и власти, высокого и низкого, значимого и второстепенного, господства и подчинения, раба и господина. Дискурс является идеологической матрицей, конструирующей, структурирующей и интерпретирующей человеческий опыт и создающей возможность транслировать этот опыт через знаково-символическую систему, в частности, посредством языка.

Однако данная позиция ни в коем случае не тяготеет к социальному солипсизму, утверждающему существование материально-предметного мира исключительно в контексте форм его описания. Постулируется лишь отсутствие когнитивных механизмов восприятия социальной реальности вне дискурсивной структуры. Было бы заблуждением считать, что доступ к материально-предметной практике может быть осуществлён вне и независимо от идеологических форм сознания, от господствующей дискурсивной среды. Осмысление результатов (как и самого факта) материально-предметной практики возможен исключительно посредством дискурса, внутри которого социальный опыт категоризируется, описывается, наделяется значением и смыслом.

Материальная практика служит всеобщим знаменателем, своеобразным критерием истинности той или иной концепции социальной реальности. Тем не менее, вписаться в господствующую разновидность идеологического мировосприятия предметная практика может лишь «в конечном итоге», после того, как её результаты будут идеологически осмыслены и станут частью доминирующей дискурсивной среды.

Символический Порядок, в своём предельном выражении представленный государством, имплантирует в себя человека, превращая его из индивида в субъекта посредством его встраивания в пространство социальной коммуникации, в том числе, в структуры языка. Поэтому предзаданный способ интерпретации человеком используемой знаковой системы есть ключ к постижению процесса возникновения субъекта.

Связь субъекта с реальностью, понимаемой как материальная действительность, происходит не непосредственно, но опосредованно – через дискурсивно-знаковую социальную среду, наполненную социально продиктованными абстрактными реальностями, к каковым относятся :

- весь спектр приписываемых субъектам социальных статусов (в иерархии начальник/подчинённый) ;

- наиндивидуальные социальные сущности (государство, нация, история, культура, истина) ;

- различные формы индивидуальной и коллективной идентичности (семейной, государственной, гендерной, возрастной, поколенческой, религиозной, расовой, национальной, глобальной) ;

- идеалы и принципы поведения субъекта (интересы, любовь, честь, здравый смысл, ценности, порядочность).

Итак, субъект есть продукт воздействия социума, воплощённого для субъекта на уровне воображаемого в фигуре Значимого Другого. Значимый Другой формирует субъекта, интегрируясь в него на правах сегмента его личности. Ингредиентно субъект есть социально детерминированный Значимый Другой – то есть, результат целенаправленных усилий государства по формированию функционально полезной единицы социума.

3.2. Премодерн – Модерн – Постмодерн : **формирование субъекта**

Сущностью феномена социального является процесс воспроизводства субъекта посредством использования определённых ингредиентов.

S1 – Господин (Сверх-Я, Символическое, Политическое, вера) ;

S2 – Знание (Я, Воображаемое, Рациональное, разум) ;
 \$ – Субъект (ОНО, Реальное, Экономическое, желание).

Вопрос сводится к тому, кто (или что) именно стоит во главе угла в качестве носителя *истины* и производит феномен власти за счёт манипуляции двумя другими ипостасями социального (объекта и средства воздействия). *Объект* рассматривается как ресурс для производства властного воздействия. *Средство* воздействия есть основной инструмент легализации власти. В этой связи предлагается следующая формальная схема формирования дискурса :

Истина = объект / средство.

Далее мы получаем следующую схему производства субъекта :

$S1 = \$ / S2$ – Премодерн : Истина (Господин) = объект (Субъект) / средство (Знание (вера)) ;

$S2 = S1 / \$$ – Модерн : Истина (Знание) = объект (Господин) / средство (Субъект) ;

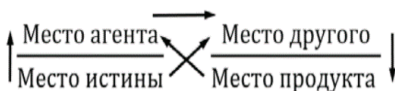
$\$ = S1 / S2$ – Постмодерн : Истина (Субъект) = объект (Господин) / средство (Знание).

Общество, будучи своеобразной фабрикой по производству субъекта задействует в процессе собственного воспроизводства доминантность Истины, носителем которой выступает : Господин (Премодерн), Знание (Модерн), Субъект (Постмодерн).

Истина производится как результат : воздействия на Субъекта веры (как формы знания) (Премодерн), рационально обоснованного вытеснения Господина интересами Субъекта (Модерн), критики Господина с помощью знания и осмеяния его посредством социальной иронии (Постмодерн).

Ключевым содержанием данной схемы является порождение субъекта посредством дискурса.

Лакановская схема порождения субъекта выглядит следующим образом :

Лакан придаёт дискурсу математическо-формульное выражение, в котором задействованы S1 – господское означающее, S2 – знание, \$ –

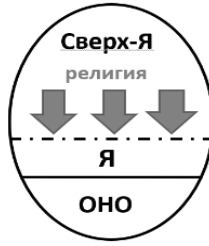
расщеплённый субъект, *a* – объект-причина желания, которые последовательно сменяют друг друга⁵⁸.

Премодерн : диктатура авторитета

Премодерн (традиционное общество) – предполагает доминирование в процессе становления субъекта религиозной составляющей. Речь идёт не столько о воспроизводстве индивида как части общества в современном смысле слова, сколько о социализации человека как составной части общины, полиса, семьи, рода, клана, касты, сословия. Общество традиционного типа построено на естественной (органической) совместной жизни группы людей, связанных происхождением, мировоззрением, общими жизненными установками, единой судьбой и надеждами на будущее. Субъект не только растворён в структурах социальности, но и не вычленяется из социума. Целое всемерно поглощало в себе его части и заменяло части целым.

$S1 = \$/ S2$ – дискурс Премодерна исходит из доминанции Господина. Порождающий субъекта дискурс присвоен Господином в качестве Истины для формирования Субъекта посредством веры (знания). Субъект возникает через навязывание априорно-религиозного знания о мире, проистекающего из веры.

⁵⁸ *Мати Д.* Психоанализ политического. Четыре дискурса (истерический, господский, университетский, психоаналитический) и ещё один (капиталистический) у Жака Лакана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://openleft.ru/?p=2068> (дата обращения: 17.01.2019); *Печенина О.В.* Функции реального, воображаемого и символического в коммуникативной модели структурного психоанализа Ж. Лакана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып. 4. С. 208214; *Узланер Д.* Многомерный субъект : верующий в «воображаемом», «символическом» и «реальном» регистрах // Логос. Том 26. № 6. 2016. С. 2156; *Цурина И.В.* Теория дискурса Лакана : субъект, структура и общество (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. Реферативный журнал. 1992. № 2. М., 1999. С. 3358.

В Премодерне как *диктатуре авторитета* доминирующей формой обоснования власти является ссылка на авторитет Господина. Дискурс власти строится на незыблемости высшего порядка, ключи от интерпретации которого находятся в руках церкви. Церковь фактически подавляет субъекта с точки зрения его социальных, политических, экономических и инстинктивных потенциалов. Осуществляется давление Сверх-Я (церковь и монархия) на растворённого в структурах социума субъекта.

$$\left| \begin{array}{c} \overrightarrow{S_1} \\ \overleftarrow{S} \end{array} \right| \times \left| \begin{array}{c} \overrightarrow{S_2} \\ \overleftarrow{a} \end{array} \right|$$

Дискурс Господина

Лакановская формула дискурса Господина указывает на Господина как носителя истины (власти), формирующего субъекта. Господин в его предельной форме есть Иисус Христос, заветы которого обладают силой абсолютного императива. Познание мира превращается в бесконечное герменевтическое путешествие по Священному Писанию и Священному Преданию (творениям Отцов Церкви). Истину искать не следует, она уже дана в священных текстах Господина как единственного интерпретатора реальности, «хозяина дискурса», распорядителя тела и модератора души.

В обществе Премодерна в роли «хозяина дискурса» выступала религиозная и военная организация общества. Отношения сословного господства-подчинения в традиционном обществе обосновываются как жизненно необходимая религиозная и военная функция социального организма.

Основной формой трансляции истины в социуме выступали механизмы религии. Предельным способом навязывания истины являлись технологии силы. Политические механизмы выступали главными регуляторами социальных отношений в силу отсутствия сплочённых хозяйствующих субъектов и развитых экономических взаимосвязей. Авторитетный Господин властвует через веру, которое навязывается индивидам в качестве единственного способа заполучить загробное спасение. В Премодерне наблюдается доминация личности (Бога, монарха, патриарха, отца) в качестве вертикализированной трансляции высших смыслов («Всякая власть от Бога»).

Условный садизм Господина, выражаемый в воле к власти, сочетается с преобладающим мазохизмом Субъекта, относящегося к жизни и материальному существованию как юдоли греха, порока, страданий и испытаний. В социуме господствовало представление о религиозной отмене смерти, что провоцировало героическое и жертвенное отношение к жизни («За веру, царя и Отечество !»)

Динамика ситуации Премодерна постепенно подводила к трансформации веры как трансцендентной сущности, доступной Господину, в Знание, доступ к которому может получить и Субъект. Постепенно диктатура авторитета Господина перерастает в диктатуру Знания, доступного Субъекту.

Модерн : диктатура знания

Модерн (индустриальное общество) – сложился под влиянием эпохи Возрождения и движения Реформации. Человеку предоставлялась свобода от разного рода сословных, культурных и религиозных запретов и ограничений. Граждане национальных государств идентифицировали себя с обществом как национально-государственным целым, объединённым общими этническими, социальными и культурными корнями. При этом целое (социальность) трактовалось в духе упрощённого механицизма и атомизма – как математическая сумма единичных личностей (субъективностей).

$S_2 = S_1 / \$$ – порождающий субъекта дискурс Модерна предполагает доминацию в качестве истины Знания, используемого в качестве критики Господина рационализированным Субъектом.

В Модерне обоснование существующего порядка функционирования власти вырастает из *диктатуры знания*, формами выражения которого является власть разума и закона. Пробуждённое и рационализированное Я пытается освободиться от пут религии (демократия) и стремится поставить под контроль деятельность своих бессознательных инстинктов (рациональность).

$$\begin{array}{c} \overrightarrow{S_1} \\ \left| \begin{array}{c} \overrightarrow{S_1} \\ \times \\ \overrightarrow{S_2} \end{array} \right. \begin{array}{c} \overrightarrow{a} \\ \overrightarrow{S} \end{array} \end{array}$$

Дискурс Университета

Лакановский *дискурс Университета* подвергает всё необходимости рационализации и научного объяснения. Модерн постулирует существование законоустановленного социального порядка, постижение природы которого возможно через обращение к рационально постижимому знанию через соответствующие институты трансляции знаний – университеты. Знание демократизируется, носителями истинного представления о мире объявляются учёные, специалисты, эксперты, которые ссылаются на безусловный императив объективного мира рационально и научно обоснованных положений.

Основным способом социальной консолидации начинает выступать идеология как рационализированная форма трансляции и реализации интересов различных социальных групп, наций, государств. Способом трансляции истины и поддержания социального правопорядка становятся технологии создания, трансформации и распространения знания.

В обществе Модерна «хозяином дискурса» становится государство. Место церкви как институционально-консолидирующей силы занимают государственные и социальные институты. Осуществление власти происходит посредством правового, политического и экономического принуждения, а также путём контроля за мировоззрением граждан. В Модерне социальные взаимодействия по линии экономического господства-подчинения приходится маскировать через их нормативно-рациональную легитимацию.

Власть получает свою легитимацию через апелляцию к закону. Закон обладает статусом универсальной социальной нормы, а подчинение граждан агентам закона – бюрократам – долг каждого члена социума. Соответственно, в обществе осуществляются правовые механизмы контроля за поведением граждан. Главными носителями порядка выступают юристы, обеспечивающие связь социума с миром рационально выведенных правовых норм.

Политическое преломление знания выражается в демократических процедурах, урезающих и контролирующих власть Господина и открывающих пространство для реализации интересов Субъекта. Господин в новых условиях властвует уже не «по умолчанию» – на основе традиций и сакральности, но должен легитимировать себя ссылками на закон как социальную квинтэссенцию разума («Соблюдение законности и правопорядка»). Властвующая элита вынуждена считаться с народом во имя получения поддержки на выборах и реализовывать свои властные полномочия, основываясь на принципе представительства интересов граждан («Управление от имени воли народа»).

Насилие перестаёт быть атрибутом отдельного привилегированного субъекта и осуществляется через функционирование разнообразных общественных институтов – государства, бизнеса, образования, средств массовой информации, семьи, внутри которых практикуются технологии производства субъекта. При этом механизмы социального насилия функционируют под эгидой и от имени некоей объективной и благодарственной социальной науки, претендующей на всеобщность и универсальность.

Проблему смерти в Модерне пытается поставить под рационализированный контроль философия. Призывы к смерти осуществляются уже не во имя религиозно-эгоистичного субъективного

спасения души, но в целях реализации высших социальных смыслов, продиктованных идеологией («За нашу советскую Родину!»)

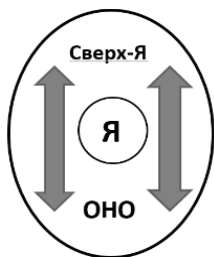
Развитие диктатуры знания приводит к диффамации ценности Знания, дискредитации его в глазах Субъекта и появление безграничной власти желания. Симптоматично, что разрушение советского Модерна – проекта под названием СССР – имманентно включало в себя преклонение перед материальной стороной потребительского Запада («вещизм»).

Эрозия Модерна на поздних стадиях существования Советского Союза выражалась в своеобразном бунте против рационально выстроенной картины мира. Наблюдалось своеобразное восстание против разума с реанимацией архаических, премодернистских форм мировосприятия – паранаучное и псевдонаучное знание, астрология, оккультизм, экстрасенсорика, нумерология, расцвет религиозных сект, уфология, вера в существование некоего «снежного человека». Параллельно разрушался архетип прежней власти и распад власти коммунистически-партийного авторитета – в предкапиталистическом СССР все по-викторцовски «ждали перемен» и выступали с требованием : «Не учите меня жить!».

Постмодерн : диктатура желания

Постмодерн (постиндустриальное общество) – появляется как результат глобализаторских тенденций по размыванию культурно-исторической и национально-государственной идентификации индивидов как членов качественно единого общества. В обществе постсовременного типа субъект вновь грозит исчезнуть, окончательно утратив свои субъективные идентичности.

$S = S1 / S2$ – такова формула конструирования дискурса Постмодерна. Порождающий субъекта дискурс произведен от физиологических интересов Субъекта. Субъект стремится легализовать своё желание через уничтожение Господина посредством Знания с целью ниспровержения ограничивающих его субъективные желания канонов и ограничений.

В Постмодерне технологии насилия носят дискурсивный характер *диктатуры желания* и функционируют на базе механизмов соблазнения. Соблазн есть результат союза Сверх-Я со структурами бессознательного, что делает процесс эксплуатации экономически эффективным, рекламно эффективным и физиологически приятным.

$$\left| \begin{array}{c} \overrightarrow{a} \\ \frac{a}{S_2} \times \frac{\$}{S_1} \\ \downarrow \end{array} \right|$$

$$\left| \begin{array}{c} \overrightarrow{a} \\ \frac{a}{S_2} \times \frac{\$}{S_1} \\ \downarrow \end{array} \right|$$

$$\left| \begin{array}{c} \overrightarrow{\$} \\ \frac{\$}{S_1} \times \frac{S_2}{a} \\ \downarrow \end{array} \right|$$

Дискурс Аналитика *Дискурс Истерика* *Дискурс Капитализма*

Вариациями постмодернистского дискурса диктатуры желания становятся лакановские дискурсы *Аналитика* (аналитическая и сатирическая аннигиляция высших смыслов и ценностей), *Истерика* (истерическое желание получить истинностное знание), *Капитализма* (фетишизация товаров).

Дискурс диктатуры желания призван воспроизводить капиталистические отношения посредством эксплуатации Субъекта. Субъект видит реализацию своей свободы не через постановку себя на место Господина, но через высвобождение, легализацию и последующую реализацию своих желаний. Субъект бессознательно и маниакально стремится к тому, чтобы его психологически соблазнили и экономически использовали в процессах эксплуатации. При этом задействуется подспудно присущая индивиду мазохистская жажда смерти, наслаждение реализацией желания Господина, стремление к демонстративному принесению себя в жертву Значимому Другому.

Представление о Субъекте как подданом царской власти (Премодерн) или гражданине как патриоте, готовым отдать жизнь во имя социальных интересов (Модерн) замещается трактовкой Субъекта

исключительно как потребителя. Циркуляцией потребительских желаний занимается реклама как один из способов социальной коммуникации. Доминирующими технологиями формирования желания становится соблазнение.

В обществе Постмодерна наблюдается процесс полифонического порождения смыслов как способа бытия «распылённой» власти. Подрыв идеи единственности научно трактуемой истины возрождает претензии на истинность всего спектра донаучных, квазинаучных, антинаучных и ненаучных способов описания социальной реальности, обслуживающих, в конечном счёте, интересы современного мирового финансового капитала.

Субъект как продукт манипуляции находит отдушину в том, что пытается разоблачить Господина посредством постоянно производимого и популяризируемого знания (узурпатор, коррупционер). Современные либеральные политические феномены являют собой типичнейшее выражение столь свойственного Постмодерну истерического дискурса, атакующего как дискурс Господина («Путин всех спасёт!»), так и дискурс Университета («Стремление к законности и правопорядку»). Наблюдается отсутствие некоего господствующего знания, овладевающего массами, существуют только рычаги спорадического пробуждения массового желания. Отсюда проистекает бессознательное стремление к абстрактной свободе против структур Символического Порядка («Я за тех, кто «не согласен» и «Против всех») и фантазматическая митинговая постановка себя на место Значимого Другого («Мы здесь власть!»).

При анализе массовых антиправительственных выступлений начала второго десятилетия XXI века в России наблюдается ситуация, когда оппозиционные правительству политики эпохи Модерна (коммунисты, националисты) относятся к власти со всей степенью серьёзности, вырабатывают рационально оформленные программы, апеллируют к социальному разуму. Постмодернистские же оппозиционеры воспринимают борьбу за власть как красочное флешмобное шоу. Они опираются при этом на чувства электората и имеют крайне размытое представление о результатах своего перформанса, из которого вдруг что-нибудь может получиться.

Своеобразный мазохизм Субъекта, бесконечно тоскующего по так до конца и не реализованному желанию потретьблять и властвовать порождает наслажденческую иллюзию бесконечности борьбы. В свою очередь, трактовка субъекта как сгустка желания порождает перманентную диктатуру потребления. Проблема смерти в Постмодерне игнорируется, смерть фактически перестаёт существовать, выступая формой проявления занудного мыслительного процесса («Не надо меня грузить !») и замещается бесконечным потребительским наслаждением («Не кисни – на радуге зависни!»)

Современная власть капитала органично вписала дисфункцию (свободу) в систему институционализированного насилия. Властная система сначала заставляет субъекта «захотеть», а затем, чтобы удовлетворить это желание, мягко, но безальтернативно принуждает его играть по правилам глобальной экономики, воспроизводящей на более изощрённом уровне систему эксплуатации.

3.3. Насилие бессознательного

Проблема социальных носителей и функционального проявления насилия в обществе относится к одной из актуальнейших проблем современной социальной философии. Анализ функционирования власти и различных практик социального насилия позволяют квалифицировать наличие «свободы человека» в социуме лишь на правах коллективной иллюзии ; субъект является не причиной социального насилия, но он есть результат применения властных технологий.

Предположение, что структура личности состоит из трёх пластов : «*Сверх-Я*» (Superego) – носитель моральных норм, выполняющий оценочные функции ; «*Я*» (Ego) – осуществляет контроль личности, учитывая особенности внешнего мира ; «*Оно*» (Id) – иррациональный и бессознательный компонент, носитель инстинктов, подчиняющийся принципу удовольствия (либидо), открывает широкие возможности для понимания механизмов социального насилия. Взгляд на индивида как на результат борьбы между стихийными бессознательными влечениями и ограничительными социально-репрессивными требованиями актуализирует проблему социального конструирования субъекта.

Социум как машина по производству желаний

В современном мире наблюдается союз власти и структур коллективного бессознательного – власть освоила технологии управления субъектом «изнутри», реализуя его желания. Власть в основном воздействует на две психологически удобные для репродукции желания категории населения – на молодёжь и женщин. В современном социуме ложные образы реальности в конечном итоге обслуживают власть – происходит фальсификация реальных нужд людей в целях поддержания рыночной системы производства и потребления, существующей в формах, по большей части, иррациональных и бесполезных поисков удовольствия.

Желание производит либо «ОНО», когда власть и удовольствие, а также власть удовольствия объявлялись природно имманентным субъекту явлением, результатом влияния «ОНО» (З. Фрейд), либо власть которая существует посредством процедуры реализации индивидом социально сконструированного желания, будучи продуктом воздействия Сверх-Я (процесс социализации инстинктов) (Ж. Лакан, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр).

Ж. Лакан в структуралистском ключе утверждает, что «язык со своей структурой возникает раньше, чем входит в него конкретный субъект. Субъект – раб языка, но в ещё большей мере он раб дискурса, предписывающего ему место с самого его рождения»⁵⁹. Информация, циркулирующая в обществе, всегда носит идеологический характер, то есть, несёт в себе интересы своих носителей.

ОНО	Сверх-Я
Природное	Социальное
Истина	Правда
Означаемое (референт)	Означающее (дискурс)
Тело	Язык
Бессознательное желание	Символический Порядок
События	Факты

⁵⁹ Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 195.

Наслаждение собственным желанием	Наслаждение наслаждением Значимого Другого
Природная реальность	Социальная матрица

Стремление субъекта встать на сторону власти в вопросе интерпретации социальной реальности в ходе так называемых информационных войн между различными акторами политики отражает установку человека на обретение собственной мировоззренческой целостности и смысловой завершенности. Субъект не в состоянии адекватно отразить мир таковым, каков он существует вне и независимо от субъекта. Неспособность разума примкнуть к определённой трактовке реальности по причине невозможности оценить её объективную адекватность замещается психологическим отождествлением себя с носителем информации. Когнитивная ущербность разума компенсируется психологической верой в гармонию и справедливость Символического Порядка, частью которого субъект себя ощущает.

Неудовлетворённость от осознания невозможности «докопаться до истины» власть компенсирует правдой как формой психологической приверженности субъекта существованию праведного, морального и гармоничного социального целого, а также себя как части этого целого. В частности, Славой Жижек, современный последователь и популяризатор идей Жака Лакана, упоминает в этом смысле слова Гилберта Кита Честертона о том, что «нравственность представляет собой самый тайный и смелый из заговоров»⁶⁰.

Продуцирование вины и контроль над телом

Власть вызывает у субъекта чувство вины и запрет за попытку следовать своим природным желаниям. Эскалация вины за стремление субъекта реализовать свою физиологическую потребность в удовольствиях является одним из механизмов порождения субъекта. Через эксплуатацию чувства вины создаётся субъект в качестве зрелой, социализированной личности : «Наше жертвование в пользу «Сверх-Я», наше потакание ему лишь усиливает нашу вину. Потому и неоплатен наш долг перед «Сверх-Я» : чем больше мы отдаём, тем больше должны. «Сверх-Я» подобно вымогателю – оно медленно высасывает из нас всю

⁶⁰ Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. С. 53.

кровь, и чем больше мы ему даем, тем крепче оно за нас держится»⁶¹. Смысл существованию субъекта придают интересы социального целого, которым следует власть, формируя субъектов внутри структур Символического Порядка.

Дискурсивное насилие осуществляется не только над сознанием, но и над телом человека⁶². Потребности, секс, поведение, болезни выступают орудиями власти. В обществе наблюдается фиксация всех состояний нашего телесного бытия по ходу жизни (рождение, брак, смерть, страховки, разрешения, справки, свидетельства, заявления, видеокамеры, банковские карточки, телефонные переговоры с их детальной тарификацией, потребление воды, электроэнергия). В частности, врач вторгается в интимно-телесную сферу нашей жизни. Государство искусственным образом создаёт комплекс вины, утверждая, что если не нравится власть – не надо было за неё голосовать, потому человек несёт ответственность за просчёты и неудачи власти.

Административная и физическая зависимость человеческого тела от социальных институтов, обеспечивающих поддержание здоровья, нарастает по мере социального прогресса (выписывание медицинских препаратов, интеграция в тело протезов, назначение инъекций, регулярные визиты к врачу (диспансеризация), реклама лекарственных средств в СМИ). Полагаю, что многим знакома процедура унижения в очередях в поликлинику : мы виновны уже потому, что заболели со всеми вытекающими последствиями (выписать больничный, закрыть его, лечь в больницу на операцию или обследование).

Брачный союз двух людей должен быть зарегистрирован в ЗАГСе в форме постановки в известность государства о своих социальных и интимно-телесных отношениях, придавая им тем самым легитимизацию в глазах Значимого Другого. Сексуальность является социальной конструкцией, а не природной данностью. Сексуальность перешагнула границы межполовых отношений, сексуальным стало всё. Происходит трансформация интимности в экстимность (программы «Жди меня», «За стеклом», «Они не знают, что их снимают», «Дом-2», «Каникулы в Мексике»).

⁶¹ Жижек С. Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности. М.: Издательство АСТ, 2016 ; С. 105.

⁶² Фуко М. Воля к истине : По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Премодерн	Модерн	Постмодерн
Религия	Идеология	Реклама
Дискурс господина	Университетский дискурс	Капиталистический дискурс
Авторитетный Господин	Знающий Господин	Соблазняющий Господин
Технологии силы	Технологии знания	Технологии желания
Господин (S1)	Знание (S2)	Субъект (\$)
«Путин всех спасёт!»	«Соблюдение законности и правопорядка»	«Мы здесь власть!»
Традиционная легитимность	Рационально-правовая легитимность	Харизматическая легитимность
$S1 = S2 / \$$	$S2 = S1 / \$$	$\$ = S1 / S2$
Господин властвует через знание, подчинённое интересам субъекта, заключённым в спасении (вера)	Знание (демократия) безлично властвует посредством урезания власти господина интересами субъекта (демократия)	Субъект как продукт манипуляции разоблачает господина посредством знания
Подчинение господину	Контроль за господином	Бесконечное разоблачение господина
Благо господина	Всеобщее благо как сумма благ субъектов	Благо субъекта в ущерб всеобщему благу
Доминанция личности (Бог, монарх)	Доминанция институтов (демократия)	Доминанция субъекта как сгустка желания (диктатура потребления)
Власть Господина	Власть знания	Власть желания
Садизм Господина («Управляю от имени Бога»)	Мазохизм господина («Управляю от имени воли народа»)	Мазохистский садизм господина («Оппозиция полезна»)
Силовой контроль	Правовой контроль	Самоконтроль
Смерть смерти	Контроль за смертью	Игнорирование смерти

Смерть во имя Бога (веры) («За веру, царя и Отечество!»)	Смерть во имя принципов (идеологии) («За нашу советскую Родину!»)	Бесконечное потребительское наслаждение вместо смерти («Не кисни – на радуге зависни!»)
Отсутствие интимности	Интимность	Экстимность
Давление Сверх-Я (церковь и монархия) на растворённого в структурах социума субъекта	Противостояние субъекта прессингу ОНО (рационализм) и контроль субъекта над Сверх-Я (демократия)	Союз власти (Сверх-Я) со структурами бессознательного желания (ОНО)
Российская империя	СССР	Российская Федерация

IV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

4.1. Насилие капитализма

В современном обществе процессы трансформации власти в социуме наблюдаются уже не по линии непосредственного владения человеком как вещью (рабовладение). Насилие осуществляется и не путём зависимости человека от человека через землю, в силу которого крестьянин не мог съехать с земли, принадлежавшей помещику, а значит, был вынужден отрабатывать барщину (феодализм). В современную эпоху главный фактор социального насилия состоит в несправедливом распределении собственности, следствием чего является присвоение собственником труда другого человека через механизм прибавочной стоимости (капитализм).

Английская классическая политэкономия (А. Смит, Д. Рикардо) предлагает трактовать экономическую власть в качестве определяющей формы навязывания воли одного лица другому. При этом человек стремится удовлетворить свой экономический интерес и с этой целью вынужден оказывать услуги другим людям. Возникший на этой базе процесс разделения труда автоматически приводит к социальному прогрессу, поэтому именно эгоистический экономический интерес является внутренним двигателем прогрессивного развития общества.

Австро-американская экономическая школа (Л. Фон Мизес, Ф. фон Хайек) провозгласила универсальным механизмом реализации власти принципы конкуренции и естественного рыночного отбора, в соответствии с которыми выживает сильнейший, наиболее приспособленный к буржуазным отношениям субъект экономических отношений. Совершенный механизм конкуренции позволяет добиваться социальной гармонии интересов и экономически сглаживает противоречия между производителями и потребителями, превращаясь в универсальное средство достижения общественного блага и прогресса.

Марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) выявляет существование объективного закона, раскрывающего тайну капиталистического производства – стремление капиталиста к умножению прибавочной стоимости. Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, следовательно, он становится все

более дешевым товаром, чем больше товаров создает. Рост стоимости мира вещей приводит к обесцениванию человеческого мира.

Частная собственность как ядро и основная причина эксплуатации человека человеком не является абсолютной данностью – она носит конкретно-исторический характер – её не было раньше и не будет впоследствии. Частная собственность является собой следствие экспроприированного труда, когда капиталист (эксплуататор) присваивает в собственность продукт труда других людей (эксплуатируемых). Механизмы капиталистической эксплуатации не позволяют человеку воспроизводить себя в своих высших, собственно человеческих качествах – он воспроизводит исключительно свою низшую, животную природу в качестве себя как элемента капиталистической системы эксплуатации. Капитализм рассматривает человека исключительно как носителя трудовых функций, игнорируя его собственно человеческую природу. В результате человек не принадлежит самому себе, он отчуждается от самого себя. В свою очередь, продукт труда отчуждается от производителя, становится от него независимым, чуждым ему механизмом эксплуатации.

В этом смысле ряд современных исследователей при анализе социальной природы насилия оправданно выявляют его *классовую* сущность. Насилие рассматривается как способ выражения и актуализации интересов (прежде всего экономических) различных социальных слоев.

Капитализм : где же его конец?

Ключевой вопрос современных социально-философских исследований состоит в рефлексии над процессом генезиса капитализма. Проблема выявления причин выживаемости капиталистической системы в условиях социокультурных трансформаций, общемировых войн и глобальных кризисов крайне неоднозначна и вызывает острые споры.

Согласно марксизму, капитализм обречён на исчезновение в силу самой логики социально-экономического развития, которая выводит на историческую арену новый, более прогрессивный по отношению к буржуазии класс – пролетариат. Пролетариат призван осознать процесс капиталистической эксплуатации и основную причину социальных противоречий – природу прибавочной стоимости. Капиталист

эксплуатирует рабочего, присваивая себе результаты его труда в превращённой форме – забирая себе постоянно возрастающую прибавочную стоимость как разницу между рыночной стоимостью товара и себестоимостью продукции. В силу нарастающего конфликта между производительными силами и производственными отношениями, пролетариат неминуемо уничтожит частную собственность как основу эксплуатации. Вслед за этим на всей планете установится единая федерация свободных производителей (коммунизм).

Однако локальные, пусть и стремительные, успехи в практической реализации марксистской доктрины натолкнулись на удивительную живучесть современного капитализма. Феномен выживаемости капитализма в современном мире перманентных кризисов и галолирующей неопределённости может быть объяснён его мимикрической способностью абсорбировать в себе социальные противоречия посредством культивирования постоянной нестабильности, хаоса, нагнетания обстановки психологической нервозности и педалирования духа перманентной социальной конкурентности. Причину эффективного функционирования современного капитализма можно объяснить по аналогии с рекомендациями по обману детектора лжи – если детектор реагирует на мельчайшие физиологические волнения в случае попытки испытуемого солгать, значит, следует постоянно волноваться для введения механических датчиков и сенсоров в заблуждение относительно того, какой именно ответ лживый.

Примирение с социальными противоречиями современного капитализма выявляется в контексте структуралистского психоанализа через введение понятия идеологического фантазма – идеального достраивания субъектами дисфункциональной социальной реальности до гармоничного и комфортного для субъекта образа социума за счёт приписывания предметам объективно отсутствующих у них признаков. Идеологические фантазмы гармонизируют насыщенную противоречиями капиталистическую реальность по канонам господствующих в обществе социально обусловленных вождельных представлений, соответствующих глубинным желаниям индивида.

Образ идеального социума либо способствует представлению о возможности сведения социальных противоречий до уровня их

относительно беспроблемного разрешения (идеология), либо переносит процедуру разрешения противоречий в потусторонний мир (религия).

Капитализм превратился в машину переработки своих внутренних противоречий посредством широкого задействования как идеальных структур пропаганды определённого образа жизни и стандартов потребления, так и через привлечение механизмов работы бессознательного по управлению человеческими желаниями. Современный капитализм не опирается на волю свободного, суверенного и автономного индивида, но конструирует субъекта в соответствии с интересами функционирования мировой финансово-экономической системы.

Структурами, поддерживающими капиталистический порядок объявляются: господствующий в социуме дискурс, постоянно воспроизводимая система дисциплинарной власти, отношения собственности, насильственные способы конструирования субъекта, укоренённый в структурах социального и индивидуального бессознательного мотив подчинения общественному и государственному порядку (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Л. Альтюссер).

Экономическая власть в сегодняшнем капиталистическом обществе реализует себя посредством механизмов так называемой символической власти, когда в сознание человека привносится система искусственных потребностей, которые тот удовлетворяет в интересах экономически господствующих сил. В результате в современном мире происходит массивная идеологическая экспансия экономически более развитых и военно-политически более мощных государств через навязывание гражданам других стран целей и смыслов, объективно не соответствующих их суверенным потребностям и интересам.

Капитализм : палитра аналитических подходов

В современных общественных науках отсутствует единая концепция описания капитализма. На сегодняшний день отсутствует когнитивно приемлемый и конвенционально работающий способ описания текущей социальной реальности с точки зрения языка и методологии описания «цифрового информационного мира» и «постиндустриального» общества. Палитру различных

методологических подходов анализа капитализма можно представить следующим образом.

Постмарксизм : капитализм платформ (Ник Срнчек, Михаил Делягин), сетевая формация (Александр Олескин), постфордистский капитализм постопераизма (Антонио Негри, Паоло Вирно, Маурицио Лаззарато, Франко Берарди), капитализм без частной собственности (Пол Мейсон), многоэтажное человечество (Сергей Кургинян, Георгий Малинецкий), общество аномии (Виталий Аверьянов).

Психоаналитический постмарксизм : структуралистский постмарксизм (Славой Жижек), коммуникативный капитализм (Джоди Дин).

Психоанализ : теория гендера (Джудит Батлер), шизофренический капитализм (Жиль Делёз, Феликс Гваттари).

Медиа-анализ : информационный капитализм (Герберт Шиллер), киберкоммунизм (Ричард Барбрук), сетевое информационное общество (Джон Нейсбитт), критическая теория интернета (Герт Ловинк), цифровой капитализм (Джуди Вайсман), надзирающий капитализм (Шошана Зубофф).

Патопсихологический анализ : патопсихология капитализма (Пол Верхаге), капиталистический реализм (Марк Фишер).

Либеральный анализ : сверхиндустриальная цивилизация (Дэниел Бэлл, Олвин Тоффлер), постиндустриализм (Френсис Фукуяма, Владислав Иноземцев), новый мировой порядок (Жак Аттали), общество знания (Питер Друкер), телекоммуникационная революция (Билл Гейтс), капитализм рыночной этики (Луиджи Зингалес), сознательный капитализм (Джон Макки, Раджендра С. Сисодиа), социальный капитализм (Джош Ланнон, Лиза Ланнон), свободный капитализм (Паскаль Сален), сетевые фирмы (Люк Болтански, Эв Кьяпелло), естественный капитализм (Поль Хокен, Эймори Ловинс, Хантер Ловинс), интеллектуальная индустрия (Лестер К. Туроу), инклюзивный капитализм (Клаус Шваб, Линн де Ротшильд, принц Чарльз Филипп Артур Джордж).

Техноанализ укладов : информационно-цифровая экономика (Сергей Глазьев), нейросоц (нейромир) креаномики (Максим Калашников, Игорь Бощенко), когнитивная эра (Сергей Переслегин), ноономика (Сергей Бодрунов), антропная фаза (Юрий Громыко).

Представляется, что аналитика капитализма при всём разнообразии существующих подходов должна строиться на безусловном признании следующих установок.

Во-первых, сущность капитализма необходимо трактовать как социально-экономическую систему, построенную на наёмном труде. Капитализм предполагает эксплуатацию человека человеком через присвоение собственником труда наёмного работника в силу существования неэквивалентных отношений собственности на средства производства.

Во-вторых, социальная реальность, в которой мы существуем – это капитализм в стадии цифровой мутации, а не идеологически нейтральное «информационное общество», под которое капитализм маскируется.

Мутации капитализма были связаны с его переходом в новую социокультурную стадию, называемую Постмодерном. Новые формы капитализма в принципиально новом социокультурном контексте Постмодернизма потребовали иной методологии описания и объяснения этой социальной системы. К ведущим стратегиям исследования критической рефлексии капитализма и современных форм социального насилия следует отнести неомарксизм, постмарксизм, структуралистский психоанализ, шизоанализ, теории символической власти и капитала, концепции микровласти, идеи симулятивной реальности.

Многообразие принципиально различных подходов к анализу современной версии капитализма недвусмысленно указывает на то обстоятельство, что время единственного социально-когнитивного метанарратива эпохи Модерна безвозвратно прошло и на его месте возникает постмодернистская разноголосица концепций, многообразие которых лишает антикапиталистические силы единой теоретической базы, столь необходимой для консолидированных практических действий.

Экономическая власть в сегодняшнем капиталистическом обществе реализует себя посредством механизмов так называемой символической власти, когда в сознание человека привносится система искусственных потребностей, которые тот удовлетворяет в интересах экономически господствующих сил. В результате в современном мире

происходит массивная идеологическая экспансия экономически более развитых и военно-политически более мощных государств через навязывание гражданам других стран целей и смыслов, объективно не соответствующих их потребностям и интересам. Наиболее спекулятивным идеологическим элементом, приватизированным современным капитализмом и позволяющим поддерживать систему эксплуатации является понятие свободы.

4.2. Деструктивность свободы

Вопрос о функционировании свободы в современном обществе сводится к проблеме трансформаций капитализма. Капиталистическая система доказала свою выживаемость в условиях постмодернистских вызовов за счёт наличия внутри общества (упорядоченной системы) элементов хаоса (иллюзорной свободы индивида). Жёсткие, упорядоченные и структурированные социальные системы (коммунизм и национал-социализм) сломались под давлением новых социальных процессов. Продуктивным же оказался рецепт социального управления, предложенный либерализмом – союз структуры (социального порядка) и хаоса (воображаемой свободы).

При этом капитализм канализировал социально разрушительную энергию свободы в двух направлениях. Во-первых, через социальную легализацию инстинктов человека (актуализация животного начала в человеке), во-вторых, через психологически удовлетворительное наслаждение от свободы как возможности нарушать социально предписываемые запреты (бессознательное получение удовольствия от перехода улицы на красный сигнал светофора).

Результатом стало появление нового социального качества западной цивилизации, замешанной на новых, более изощрённых формах социального контроля. Речь идёт об управляемой свободе индивида в новом типе общества символического потребления, симулятивного спектакля и тотальной либеральной диктатуры.

Социализация vs свобода

Свобода выступает чрезвычайно расплывчатым, спекулятивным и крайне противоречивым понятием. Обладая необычайно притягательной

силой, свобода на протяжении всей человеческой истории является политически коварной идеей. Радикальной и предельной формой выражения свободы является смерть. Только и исключительно мёртвый человек может быть максимально свободен от условий и условностей жизни. Неудивительным в этой связи является то, что в современном западном мире крайней формой выражения индивидуальной свободы выбора является суицид.

При сочетании свободы с молодёжью мы получаем взрывоопасную смесь, помещая свободу на почву безгранично амбициозной, но социально не вызревшей общественной субстанции. По сути дела, вся история человеческой цивилизации представляет собой противодействие молодёжным, социально деструктивным (свободным) формам человеческого поведения в пользу подчинения человека общественно необходимому функционалу.

Ограничение свободы, называемое процессом социализации, протекало в принципиально разных условиях на протяжении человеческой истории. В обществах Премодерна религиозный, общинный, сословный и цеховой порядок устройства социума исключал возможность появления у субъектов представлений о социально альтернативных сценариях выстраивания своей жизненной траектории. Социализация молодёжи протекала в органически жёстких социальных рамках дисциплинарного подчинения.

В обществах Модерна место религиозно детерминированного порядка стал занимать разум, гражданским преломлением которого выступало чувство долга, подчинение которому являлось обязательным в силу осознания внутренней необходимости императивного устройства социального мира. Появление субъекта в качестве автономной единицы социума детерминировалось призывами к внутреннему совершенствованию на путях развития своих творчески-рациональных способностей. Свободно-деструктивные проявления человеческой природы сдерживались системой светского воспитания и религиозной морали.

Переломным для восприятия проблемы совместимости молодёжи с субстанцией свободы следует считать середину XX столетия. Зарождавшееся общество Постмодерна, пережившее в первой половине века шок двух мировых войн, выходило из-под наркоза светской религии

гражданского долга, социальных обязательств и государственных обязанностей. Социум возжелал освободиться от оков не только архаической религии, но и модернистского разума. В авангарде этого социального протеста была молодёжь, кульминацией самовыражения которой стал 1968 год.

1968 : социальный эксперимент

События 1968 года, получившие название «молодёжной революции», квинтэссенцией которой стал лозунг «Запрещено запрещать», явились краш-тестом для западной общественно-политической системы капитализма. В этот период возникают мощные молодёжные контркультурные и субкультурные движения (движение хиппи). Появляется массовая молодёжная рок-культура, запускается так называемая «сексуальная революция», приобретает массовый характер культура потребления наркотиков, причём не только относительно безобидных (марихуана), но и синтетических (ЛСД).

1968 год был ознаменован беспорядками в Чикаго и в Колумбийском университете в США, убийством борца за гражданские права негров Мартина Лютера Кинга, введением войск стран Варшавского договора в Чехословакию, что положило конец так называемой «пражской весне». Произошли массовые студенческие волнения в Париже, вынудившие уйти в отставку президента Франции Шарля де Голля.

Молодёжный антикапиталистический контрсистемный протест 1960-х годов в Европе был трансформирован правящими кругами в протест против социального закрепощения инстинктов. Стремление к политической свободе было заменено возможностью обрести сексуальную свободу. Вместо политической антибуржуазной социальной революции европейская молодёжь получила сексуальную революцию. Вместо реализации лозунгов по демонтажу капиталистической системы был предложен и осуществлён лозунг : «Секс, наркотики и рок-н-ролл». Структуры символического порядка переориентировали молодёжный протест с попыток атаки эксплуататорских символических структур («Сверх-Я») на раскрепощение природных инстинктов и структур бессознательного

(«ОНО») (музыкальный фестиваль «Вудсток», битломания, пропаганда свободной любви и наркотиков).

Теоретическим основанием для анализа новой социальной реальности, замешанной на молодёжной свободе стали разработки представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер), неотрейдиизма (Э. Фромм, А. Адлер, К. Хорни, В. Райх) и (чуть позже) структурализма (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Лакан). Практическим преломлением новых способов социального управления стала спецслужбистски ангажированная деятельность различных институтов по управлению общественным сознанием и манипулированию человеческим поведением (Тавистокский институт).

С этим вызовом западное общество не только справилось, но и сумело адаптировать вновь появившиеся свойства социальной системы к новым формам дисциплины и контроля. Это стало возможно за счёт того, что новые социальные процессы не только рукотворно инициировались, но и контролировались, превращая весь молодёжный протест в один масштабный, но управляемый социальный эксперимент.

Зигмунд Фрейд: свобода как сублимация энергии либидо

Зигмунд Фрейд ниспроверг представление о человеке как рациональном существе, инстинкты которого сознательно сдерживаются разумом. Постмодернистский подход к человеку Фрейда предполагал второе, психологическое рождение человека, когда закладывается принципиально новая структура характера. В основе социальной деятельности человека лежит сублимация (переориентация на социальную приемлемость) бессознательного стремления человека к наслаждению (либидо).

Свобода принципиальным образом биологически ограничена, особенно для молодёжи. Молодёжь несёт в себе сочетание двух находящихся в непримиримом, антагонистическом столкновении элементов. С одной стороны – резкая, чрезмерная концентрация энергии либидо (сексуальной энергии), требующей выхода и разрядки. С другой стороны – невозможность получения этой разрядки из-за различных требований воздержания и запретов, налагаемых обществом. К обычным запретам добавляются и табу, сопряжённые с их возрастом : вступать в сексуальные отношения общество позволяет лишь взрослым.

Герберт Маркузе:

фантом свободы одномерного человека

В современном обществе господствуют более совершенные инструменты подавления индивидуальной свободы. Наблюдается фальсификация реальных нужд людей в целях поддержания рыночной системы производства и потребления, существующей в формах, по большей части, иррациональных и бесполезных поисков удовольствия (спорт).

Социальная неудовлетворенность, определяемая рабским характером труда, подогревается всё увеличивающимся уровнем безграничного потребления. Иллюзорная привычка к политической свободе на практике сводится к праву голоса на выборах неотличимых друг от друга политических представителей, занимающихся бесполезными дебатами. Современное общество препятствует свободному развитию человеческих нужд и способностей.

Результатом становится появление «одномерного человека» в качестве существа, функционально обслуживающего эффективность экономики, что исключает свободное развитие человеческих нужд и потребностей личность превращается в частицу огромного механизма современного производства, порождая действительность «счастливого рабства».

Эрих Фромм: обмен свободы на безопасность

Человек принципиально неспособен быть свободным в силу своей социальной природы. Социальность человека толкает его к отказу от свободы в пользу безопасности. Механизмами «бегства от свободы» выступают: садизм (стремление иметь неограниченную власть над другими), мазохизм (подчинение себя другим), деструктивизм (стремление разрушить мир, пока он не разрушил меня), автоматический конформизм (отрицание всего оригинального в пользу социальных норм).

Нацизм явился естественным стремлением человека избежать деструктивизма свободы. Выбор в пользу нацизма указывает на психологическую готовность людей отказаться от свободы с целью обеспечить свою безопасность, спастись от социально угрожающей

свободы путем автоматического подчинения лидеру или принятым нормам.

Свобода как иллюзия

Существует аксиоматическое убеждение в том, что человек в социуме если и не свободен на сто процентов, то уж, по крайней мере, обладает некоторой свободой. Но что такое свобода? Имеет смысл предположить, что онтологический статус свободы в социуме иллюзорен, так как власть во имя собственного воспроизводства производит в сознании индивидов фантомы свободы, конструируя тем самым комфортного для управления субъекта.

Если мы рассматриваем социальные процессы исключительно в плоскости свободных, рационально мыслящих индивидов, то мы рискуем впасть в самообман, в некий мыслительный анабиоз, полагая, что в основе социума лежит структурированный хаос атомарных, рыночно заряженных и политически свободно волеизъявляющихся индивидов.

Современное представление о свободе для молодёжи эксплуатирует страх молодых людей оказаться либо в положении социально зависимого наёмного работника на предприятии, либо пополнить ряды «офисного планктона», что воспринимается молодёжью как «офисное рабство».

Свобода в современном мире соблазняет молодых людей бизнес-перспективой «открыть своё дело», либо превратиться в относительно независимого от трудовой дисциплины и социальных обязательств «фрилансера» – работника, свободно продающего свои компетенции либеральной рыночной системе. При этом реализация новой модели социально-экономической «свободы» фрилансеров возможна только и исключительно по либеральным правилам общества потребления и нацелена, в конечном счёте, на обслуживание интересов собственников средств производства.

В первом случае («открыть своё дело») человек по умолчанию должен обладать начальным капиталом, аппетитом к риску в мире бизнеса и возможностью утратить капиталы, задействованные в бизнес-авантюрах.

Во втором случае («фрилансерство») речь идёт об «инвестициях в себя», которые, при наличии соответствующего финансового ресурса, создадут у работника иллюзию относительной автономности и свободы исключительно за счёт роста его квалификации и совершенствования профессиональных навыков. В любом случае современная молодёжь, очарованная свободой, обречена содействовать устойчивости современной капиталистической системы.

Государство, будучи системой институционализированного насилия, искусным образом конструирует субъекта путём психологического, дискурсивного, символического насилия. Субъект превращается в продукт властных технологий. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что расхожие представления о свободе индивидов внутри социальной системы носят иллюзорный характер.

4.3. Фантазматичность товара

Марксизм vs бихевиоризм

Современная мировая капиталистическая система описывается с разных теоретических позиций и с точки зрения разнообразных методологических стратегий. В контексте строгих рационалистических установок эпохи Модерна капитализму был нанесён весомый удар с позиций диалектически обоснованной экономической теории К. Маркса. Согласно марксизму капитализм обречён на исчезновение в силу самой логики социально-экономического развития, которая выводит на историческую арену новый, более прогрессивный по отношению к буржуазии класс – пролетариат.

Пролетариат, в силу нарастающего конфликта между производительными силами и производственными отношениями, неминуемо уничтожит частную собственность как основу эксплуатации. Вслед за этим пролетариат установит на всей планете единую федерацию свободных производителей (коммунизм). Однако локальные, но стремительные успехи в практической реализации марксистской доктрины натолкнулись на удивительную живучесть мутировавшего капитализма.

Антагонистом марксизма выступила американская версия бихевиоризма. Бихевиоризм выработал и успешно реализовал

применительно к человеческому поведению заимствованную из зоопсихологии детерминистскую схему взаимодействия по линии «стимул – реакция» (S → R). Бихевиоризм ориентируется на инстинктивно предопределённую реакцию человека на внешние стимулы, что особенно ярко видно на примере современного рекламного воздействия. Выявив базовые закономерности человеческой психики, сторонники бихевиоризма разработали модель влияния внешних рекламных стимулов на потребительское поведение человека, которая была успешно апробирована в пропагандистских кампаниях Первой мировой войны и привела к резкому развитию рынка рекламных технологий.

Рост производства и увеличение объёмов реализации продуктов общественного потребления на фоне превращения части пролетариата в мелких акционеров реабилитировал капиталистическую систему в глазах западных обществ. В свою очередь, возможность эксплуатации развитыми государствами стран третьего мира снижала социальную напряжённость в западном мире и способствовала стабилизации капиталистической системы.

Фантазм меновой стоимости

Раскрытие генезиса и внутренней динамики капитализма выстраивается через разграничение понятий потребительная и меновая стоимость. При этом для выявления постмодернистской специфики капитализма следует преломить марксистское понимание этих понятий сквозь призму структуралистского психоанализа Ж. Лакана.

Понятие *потребительная стоимость* фиксирует полезность продукта, она увязывается с реализацией той или иной общественно обусловленной потребности человека (бутилированная вода 0,5 л. удовлетворяет чувство жажды; 0,5 кг. мяса удовлетворяет чувство голода; велосипед реализует потребность в перемещении). Потребительная стоимость опирается на представление о стоимости как количестве овеществлённого общественно необходимого рабочего времени (количество рабочего времени), она фиксирует социально объективные процессы, связанные с количеством общественно-необходимого труда.

В контексте структуралистского психоанализа потребительную стоимость имеет смысл соотнести с регистром символического как культурно формализованного сегмента социального бытия, апеллирующего к «тому, что есть» в контексте социально-конвенциональной системы смыслов.

Меновая стоимость связывается уже не с объективно представленными потребностями человека, но с относительными характеристиками товара, когда стоимость одного товара представлена через стоимость другого в процессе рыночного обмена (50 кг. мяса равны 500 литрам бутилированной воды, что соответствует стоимости одного велосипеда). Меновая стоимость представляет труд в опредмеченной форме, как элемент внутри системы отношений товаров, ценность которых зависит от субъективно определяемой полезности вещи, готовностью потребителя купить тот или иной товар (товар стоит столько, сколько за него готовы заплатить).

В структуралистском психоанализе этому понятию соответствует регистр воображаемого, то есть, «то, что кажется» потребителю в рамках субъективно определяемой иерархии значимостей вещей, которая сопряжена с представлениями человека о себе самом.

Потребительная стоимость	Меновая стоимость
Эквивалентная форма стоимости	Относительная форма стоимости
Труд в качестве рабочей силы	Труд в опредмеченной форме
Объективная оценка общественно-необходимого труда	Субъективная оценка стоимости товара,
Количество живого человеческого труда	Стоимость товара, выраженная через другой товар
Форма товарного обращения	Форма обращения капитала
Символическое	Воображаемое
«То, что есть»	«То, что кажется»

Товар с точки зрения своих объективных, приписываемых ему обществом символически необходимых характеристик, самостоятельных свойств товара (количество труда), не способен сам по себе обмениваться на другие товары. Для этого он должен быть наделён

субъективно определяемой ценностью как выражение стоимости одного товара в другом товаре в процессе обращения (посредством денег как всеобщего эквивалента стоимости товаров). Зависит меновая стоимость, с одной стороны, от величины стоимости обоих обмениваемых товаров, с другой стороны, от спроса и предложения этого товара на рынке, где определяется степень необходимости товара обществу.

Необходимость товара определяется в зависимости от воображаемых обществом представлений относительно его ценности, что является результатом соответствия между представлением потребителя о себе самом и товаром. «Увидеть себя в товаре» человек может только посредством наделения товара субъективной ценностью, которая крайне условно и умозрительно связана с количеством общественно значимого труда, затраченного на производство этого товара (ювелирные украшения могут на субъективном, воображаемом, уровне цениться значительно выше, чем, предположим, продукты питания).

Постмодернистский капитализм демонстрирует всё более нарастающую дистанцированность меновой (воображаемой) стоимости от стоимости потребительной (символической): «...мнимый, фантазматический статус товара как меновой стоимости обеспечивает ему фактическое бытие в качестве товара, то есть вещи, произведённой для обмена, тогда как интерпретация товара в терминах его истинной, подлинной потребительной стоимости делает невозможным любой капиталистический обмен»⁶³.

Стоимость товара утрачивает связь с породившими его реальными усилиями участников общественного производства и формируется в качестве воображаемого фантома, симулятивного ингредиента реальных социальных взаимодействий.

Капитализм промышленный и финансовый

Необходимый обществу труд, с одной стороны, вознаграждается обратным движением производителю денег как всеобщего эквивалента труда, с другой стороны, труд производит товар, призванный

⁶³ Кондратьев К.В. Фантазм как способ конституирования социального субъекта в современную эпоху // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 1. 2012. С. 7076. С. 73.

удовлетворить какую-либо объективно сформулированную обществом и субъективно осознанную человеческую потребность. Марксистские понятия «количество общественно необходимого труда» и «абстрактный труд» недопустимо упрощают анализ процесса труда, сводя его исключительно к материальным процессам производства товаров и игнорируя идеальные аспекты труда (услуги, консультации), которые возможно (посредством денег) конвертировать в товары.

Минута работы признанного высокопрофессионального биржевого аналитика никак не может быть приравнена к минуте работы токаря посредством введения абстрактного понятия «количество труда». Единица рабочего времени и трудовые усилия биржевого аналитика могут вмещать в себя значительное количество материально реализованных в ту же самую единицу времени продуктов труда токаря. Труд, помимо количественных характеристик (стоимости рабочего времени) имеет, по меньшей мере, также и качественные характеристики (уровень квалификации и сфера деятельности работника).

Материализм К. Маркса (как и, возможно, соображения семейно-прагматического характера) не позволил ему увидеть в труде вторичные от материального производства идеальные компоненты, что привело немецкого экономиста к резкой критике промышленного капитализма и оставило вне сферы его внимания спекулятивное функционирование финансового капитализма. Данное обстоятельство прочно ограничило сферу применения классического марксизма рамками промышленного производства XIX века. Вместе с тем, с опорой на материализм марксистской методологии возможно проанализировать закономерности функционирования финансовой стадии капитализма XX и первой четверти XXI столетий.

Знаковая стоимость

Процедура фантазматического порождения меновой стоимости спровоцировала Жана Бодрийяра на введение понятия знаковая стоимость, которая продуцируется современной версией капитализма. В контексте предлагаемой Бодрийяром семиотической теории экономики, главным в товаре выступают не его потребительские свойства, но его удивительная способность репрезентировать социальный статус, власть, престиж, уважение. Современный капитализм производит главный

источник поддержания собственного существования – систему воспроизводства искусственных потребностей, которые постоянно требуют своего удовлетворения.

Товар становится ценным и желанным лишь в силу воображаемо приписываемых ему значений, когда он превращается в индикатор (знак) социальной успешности. Наступает эпоха симуляции и симулякров, когда «симуляция составляет господствующий тип нынешней фазы» капитализма, регулируемой кодом»⁶⁴.

Современный капитализм продуцирует знаковую стоимость в соответствии с механизмами функционирования симулятивного бытия знака. Реальность трактуется как совокупность субъективно определяемых, искусственных, воображаемых смыслов, которыми наделяются окружающие человека предметы внешнего мира. Воображаемые и постоянно продуцируемые смыслы воспроизводят вращения маховика либидинальной экономики потребления. Современная капиталистическая экономика потребления использует в качестве топлива постоянно порождаемые в сознании потребителей фантазмы ложных смыслов и ценностей, которыми наделяется социальная реальность.

Наслажденческий фантазм капитализма

Современный капитализм подчинил себе человека через использование тотальной стратегии наслаждения, при которой вся социальная реальность фантазматически превращается в объекты желания. В классическом психоанализе З. Фрейда источником желаний выступала инстинктивная бессознательная природная начинка человека.

Все вещи в современном социальном мире превращаются в товар, всё может стать предметом желания. Джинн желания выпущен из религиозно и морально закупоренной «бутылки» социальных запретов и норм наружу и требует постоянного удовлетворения. Если ранее желание находилось под религиозным запретом, затем должно было пройти сито рационализации и моральных норм, то в современном капитализме желание легализуется и ставится во главу угла, доминируя над верой и разумом.

⁶⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2011. С. 113.

Желание монетизируется и становится товаром в поле игры маркетинговых сил. Стремление «не желать» становится преступлением, а отказ от наслаждения интерпретируется как социальный грех, указывающий на низкую статусность и «лузерство» индивида. Человек современного капитализма не имеет права не наслаждаться, большинство светских разговоров, как правило, строго подпадает под тематику «конкуренции наслаждений».

Современный капитализм функционирует в плоскости воображаемого. Он эксплуатирует человека, паразитируя на человеческой склонности мыслить абстрактно, абсолютизируя одни характеристики предмета с одновременным игнорированием других его сторон, качеств, свойств. Образовавшийся когнитивный недостаток компенсируется воображением, достраивающим картину реальности по канонам господствующих в обществе социально обусловленных представлений, соответствующих желаниям индивида (флакон шампуня может фантазматично наделяться потребителем принципиально отсутствующими в самой жидкости социальными ценностями – красота, сексуальность, привлекательность, успешность).

Фантазматичность наделяет материальную действительность объективно отсутствующими у неё характеристиками. В частности, воображаемое проявляет себя в процессе потребления товаров и услуг через процедуру фантазма – приписывания товарам объективно отсутствующих свойств (красоты, счастья, любви, радости).

На это методологическое новшество указывает С. Жижек, рассматривая проблему выявления, с одной стороны, социально-сущностных, с другой стороны – мистифицированно-явленных оснований функционирования товара и денег : «вы можете думать, товар – это простое воплощение отношений между людьми, но, на самом деле, вам так не кажется. В вашей социальной реальности вы постоянно сталкиваетесь с жутким фактом того, что товар для вас действительно оказывается неким магическим, наделенным особыми силами, объектом»⁶⁵.

⁶⁵ Жижек С. Как читать Лакана. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://dreamwork.org.ua/славой-жижек-как-читать-лакана/> (дата обращения: 07.05.2018)

Товар ценен не в силу своих материальных характеристик, но по причине субъективно приписываемых ему воображаемых смыслов, свойств и качеств, что является основанием для появления конечной (рыночной) стоимости товара, несущей в себе добавленную стоимость как основу эксплуатации. Прибавочная стоимость выступает экономической основой эксплуатации, являясь дополнением к себестоимости товара. Распылённый фантазм участников рынка порождает новые формы их товарной зависимости, порождая товарный фетишизм. В этом смысле законы функционирования человеческой психики выступают главным двигателем капиталистической эксплуатации.

Славой Жижек описывает работу идеологического фантазма следующим образом: «На Западе ты приходишь в «Старбакс» и видишь огромный постер, гласящий: «Наш кофе немного дороже, но 1% от продаж идет на помощь голодающим детям Гватемалы». Или: «1% идет на сохранение тропических лесов». И если ты пьешь их кофе, то в комплекте с ним получаешь некоторую долю общественной солидарности и идеологического удовлетворения. Пьешь и думаешь: «Я что-то сделал для общества!» И это действительно работает»⁶⁶.

В этой связи критика социальных противоречий современного капитализма оборачивается критикой глубинных оснований сконструированной капитализмом человеческой психики, а противостояние системе капиталистической эксплуатации трансформируется в противостояние природе современного человека как продукта этой системы. Антикапиталистическим силам современного мира противостоят психолого-антропологические характеристики современного человека. Именно поэтому процесс противодействия капиталистическим отношениям носит столь проблематичный характер.

Мистическая сила рынка и легитимизация капитала

Власть капитала выражается в том, что непосредственное потребление человеком товаров и услуг утрачивает свою значимость,

⁶⁶ Баранов О. Славой Жижек о брендах, видеоиграх и изнанке коммунизма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (дата обращения : 11.05.2024).

уступая место законам функционирования рынка. Рынок является квинтэссенцией процессов спроса и предложения, сфокусированных в своём ядре – бирже. Современное общество тем самым ввергает себя в руки иррациональной мистической силы, называемой рынком. Понятия, характеризующие бытие этой загадочной социальной субстанции вызывают к субъективному основанию рыночных процессов («рынок отреагировал», «рынок не поверил», «рынок отыграл падение»).

Однако алгоритм поведения рынка неведом, этой субстанцией управляют психологические компоненты, которые не поддаются строгой формализации и математизации. Человек включается в игру рыночных сил на правах «слепого котёнка». Знания, таланты и способности индивида могут быть востребованы рынком, что превращает человека в элемент системы стоимостей с наделением его денежным эквивалентом в игре стоимостных взаимодействий.

Собственность и капитал в современном мире легализуют себя в двух ипостасях: в качестве институционального механизма (собственность как общественное учреждение) и в качестве признания капитала Значимым Другим (собственность как феномен общественных отношений). Вторичное признание Значимым Другим указывает на то, что человеку не достаточно быть богатым, он стремится к тому, чтобы это богатство было признано Другим не в качестве результата воровства, но как следствие использования им своего изначального ума и творческих способностей.

В данной ситуации на помощь экономическим отношениям собственности, которые выражаются в отношениях между людьми на предмет владения и использования средств производства, приходят идеологические механизмы либерально трактуемых экономических отношений. Либерализм же переносит тяжесть ответственности за фактически присутствующую эксплуатацию с собственника средств производства на самого эксплуатируемого, который не смог сформировать свои профессиональные компетенции и затем эффективно продать эти компетенции на рынке свободной рабочей силы.

Процесс легитимизации капитала затронет несколько поколений. Люди должны будут забыть о том, как произошёл процесс первоначального накопления капитала и начать фантазматически

приписывать богатому человеку некие талантливые качества его натуры, социальная экспликация которых породила личное благосостояние.

Отсюда появляются попытки «новых русских» в 1990е годы легализовать свои капиталы в двух ипостасях : «отмыть» их формально-юридически и получить легитимированное признание в глазах Значимого Другого (народа, общественного мнения) на право пользоваться этими материальными и социальными благами в силу собственных заслуг. По этой же причине в первой четверти XXI столетия появляется также несурзанный феномен детей статусных чиновников, которые удивительным образом становятся «талантливыми бизнесменами».

Пятьдесят оттенков эксплуатации

В современном капитализме социальный мир переживает экспансию соблазна и сексуальности товаров, а наслаждение превращается в единственный двигатель процессов производства и потребления. Товары на полках супермаркета и люди в социальных отношениях подчёркивают свою привлекательность и соблазнительность посредством кричащей упаковки, броского названия, завораживающей цены, модной одежды, броской косметики, вызывающего поведения. Р. Барт подчёркивает парадоксальность ситуации, так как «сексуальность существует повсюду, кроме самого секса»⁶⁷.

В классическом психоанализе З. Фрейда источником желаний выступала инстинктивная бессознательная природная начинка человека. В концепции шизоанализа Ж. Делёза и Ф. Гваттари генератором желания выступает внешняя субъекту социальная реальность, порождающая «машины желания» с её «зонами сверхэксплуатации», в которых человек отчуждается от своей высшей человеческой, духовной природы и следует инстинктам «низа». Система капиталистической эксплуатации тем самым погружает общество в нирвану смерти, а эксплуатация превращается в процесс контролируемого умирания.

Все вещи в современном социальном мире превращаются в товар, всё может стать предметом желания. Джинн желания выпущен из религиозно (Премодерн) и морально (Модерн) закупоренной «бутылки» социальных запретов и норм наружу и требует постоянного удовлетворения. Если желание Премодерна находилось под

⁶⁷ Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 134.

религиозным запретом, в Модерне желание должно было пройти сито рационализации и моральных норм, то в Постмодерне желание легализуется и ставится во главу угла, доминируя над верой и разумом. Желание монетизируется и становится товаром в поле игры маркетинговых сил.

Стремление «не желать» становится преступлением, а отказ от наслаждения интерпретируется как социальный грех, указывающий на низкую статусность и «лузерство» индивида. Человек современного капитализма не имеет права не наслаждаться, большинство светских разговоров посвящено «конкуренции наслаждений».

В своей предельной форме желание выражается в сексуальной сфере, поэтому в современном капиталистическом обществе наблюдается экспансия сексуальности – сексуальным становится всё, даже капиталистическая эксплуатация. Если «эксплуатация – это сексуально», то эксплуатирующий жертву Значимый Другой становится «любимым человеком», наслаждение которого страданиями субъекта превращается для этого субъекта в наслажденческий фантазм, в «пятьдесят оттенков серого».

В книге Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого» (2011) скромная студентка литературного факультета на северо-западе США Анастейша Стил берёт интервью у молодого красавца-миллиардера Кристиана Грея, с которым у неё завязываются добровольные, но крайне специфические сексуальные отношения, построенные на принципе садомазохистских взаимоотношений раба и господина. Успех книги, а затем и аналогичного фильма режиссёра Саманты Тейлор-Джонсон (2015) не только не удивителен, но и вполне закономерен. В плоскости массовой культуры нет ничего неважного, массовые предпочтения аудитории в конечном счёте, являют собой результат работы структур Символического Порядка.

Конструирование Значимого Другого в неокрепшем сознании юной Анастейши происходит по всем канонам творения господствующего дискурса, где присутствует эстетика силы, очарование страхом, мазохистский трепет и вера в естественное происхождение социального и статусного неравенства : «Похоже, я все напридумывала, а теперь переживаю. Допустим, он очень красивый, спокойный, властный, уверенный в себе. И в то же время – холодный, высокомерный

и деспотичный, несмотря на безупречные манеры. Однако можно посмотреть и с другой стороны. Невольный холодок бежит у меня по спине. Да, высокомерный, но у него для этого есть все основания – такой молодой, а уже очень многого добился»⁶⁸.

Гипнотически воздействующий капитализм призывает субъекта добровольно стать жертвой эксплуатации по модели взаимоотношений «раб – господин», предоставив ему при этом перверсивно-мазохистски структурированное прибавочное наслаждение от процесса экономического насилия, в котором он выступает жертвой. В классическом капитализме результатом эксплуатации рабочего капиталистом является прибавочная стоимость. Капиталист эксплуатирует рабочего, присваивая себе результаты его труда в превращённой форме – удерживая у себя прибавочную стоимость как разницу между рыночной стоимостью товара и себестоимостью продукции.

Жак Лакан обратил внимание на то, что в современном капитализме уместно использовать понятие прибавочное наслаждение как способность наслаждаться посредством Другого. При этом не только условный «господин» наслаждается посредством «раба», но, в соответствии с законами диалектического развития, «раб» также наслаждается посредством наслаждения «господина».

На страницах книги прописан диалог утверждения мазохистского желания стать объектом эксплуатации во имя обретения прибавочного наслаждения от осознания наслаждения Значимого Другого :

«– Ты садист?

– Я – Доминант. – Его взгляд прожигает меня насквозь.

– Что это значит? – спрашиваю я тихо.

– Это значит, что ты добровольно признаешь мою власть над собой. Во всем»⁶⁹.

Аналогия между системой капитализма и соблазном выводит механизмы эксплуатации на качественно более высокий уровень. Любой продукт на полках супермаркета ориентирован на соблазнение распалённого желанием субъекта. Яркая упаковка, обещание

⁶⁸ Джеймс Э.Л. Пятьдесят оттенков серого // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/e-l-dzheyms/pyatdesyat-ottenkov-serogo/chitat-onlayn/> (дата обращения: 24.12.2018).

⁶⁹ Там же.

дополнительных потребительских преимуществ и фантазматически приписываемые товарам свойства работают на удовлетворение желаний. Палитра экзотических желаний огромна, она превышает даже пятьдесят оттенков эксплуатации. Более того, именно психология человека способствует адаптации людей к социальным противоречиям современного капитализма, позволяя даже в эксплуатации увидеть социальную ценность.

Технологии манипуляции общественным сознанием достигли такого прогресса, что современная власть может себе позволить сделать вид, что её нет. Власть эпохи Постмодерна как бы говорит: «Меня нет, ты определяешь собственную жизнь сам на базе свободного индивидуального выбора». В этом тезисе коренится фундаментальная ложь современного капитализма и либеральной демократии. Субъект якобы самостоятельно выбирает себе работу и уровень оплаты труда, продаёт себя на рынке в соответствии со своим уровнем профессиональной подготовки. Затем якобы в свободном режиме реализует собственные желания, приобретая товары и услуги.

Эксплуатация исчезла? Нет. Она имплантирована в структуру субъективного желания и проявляет себя через соблазн и соращение. Механизмы капиталистической власти функционируют по принципу маскировки насилия под формами свободы. Субъект подпитывается иллюзией полной внутренней индивидуальной свободы, не осознавая, что мотивационно он является объектом подчинения постмодернистской диктатуре желания.

У. ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

Рассуждения о механизмах функционирования власти хотелось бы начать с иллюстративного отвлечения, уводящего в детские воспоминания. Однажды в школе на уроке, поясняя какую-то мысль, я привёл пример работы нашего сознания, которое обладает удивительной способностью видеть сквозь кобуру (тогда ещё милиционера, а не полицейского) пистолет. На что один из учеников, сказал, что на самом деле в кобуре лежит, как правило, бутерброд. Класс понимающе засмеялся. Однако то, что всем показалось шуткой, проиллюстрировало механизм функционирования дискурсивно-политического насилия, которое путём идеологического воздействия создаёт уверенность у субъектов в том, что в кобуре находится пистолет, а возможность пребывания в ней бутерброда – это «всего лишь шутка». Материальная «случайность» (бутерброд) не может заменить собой постоянно действующее идеальное «правило» (пистолет).

Смысл работы идеологии как формы проявления власти сводится к тому, что в структуре функционирования социума является глубоко не важным то, что происходит в плоскости так называемого реального. Как бы парадоксально это не прозвучало, но главное – не то, что есть, а то, что кажется. В конце концов, добропорядочным и законопослушным гражданам вряд ли придёт в голову заглядывать в кобуру милиционера. Этого и не придётся делать, достаточно будет большинству граждан конвенционально передоговориться о том, чтобы усматривать в кобуре не пистолет, а бутерброд.

Проиллюстрировать данную мысль способен столь любимый Жижekom анекдот про сумасшедшего, считавшего себя пшеничным зерном: «Пробыв некоторое время в психиатрической больнице, он излечился и знал, что он человек, а не зерно. Его выписали – однако скоро он примчался назад и выпалил: «Я встретил курицу и испугался, что она меня съест». Когда доктора попытались успокоить его: мол, нечего бояться, раз теперь ему известно, что он не зерно, помешанный возразил: «Я-то знаю это, а вот знает ли это курица?»⁷⁰

Власть, таким образом, существует в силу того, что субъекты в неё верят, то есть, выдают символически сконструированное властью

⁷⁰ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 42-43.

«реальное» перераспределение имманентных властных прерогатив и возможностей в обществе за некую неизменную, неизбывную и трансцендентную Реальность в подлинном и предельном смысле слова. Власть существует и находит своё выражение в силу идеальных механизмов: человек выдаёт сформированный властью фантазм воображаемых представлений о её природе за реально существующий, некий внесоциальный онтологический порядок.

5.1. Концепция Политического

Доминанта Политического утвердилась в российской и европейской консервативной мысли лишь во втором десятилетии XX столетия, когда на смену традиционалистскому консерватизму с его установками на религиозность, монархизм и сословность приходит модернистский консерватизм, который более радикально начал противостоять теоретическим установкам либерального сознания, взял курс на жёсткий этатизм, плановую экономику, политически определяемое неравенство и вождистский принцип в государственном управлении.

Данная антилиберальная тенденция стимулировалась практически повсеместным идейно-политическим поражением либеральной идеологии в Европе первой половины XX века. Политические успехи и экономическая эффективность государств особенно ярко наблюдались в тех странах, которые выбрали антилиберальный путь развития (СССР, Германия, Италия).

Государство как институт, как принцип организации жизни народа абсолютизировалось и возводилось в абсолют. Причём государственная власть в консервативной мысли уже не являлась механизмом реализации религиозных целей. Политика в консерватизме дистанцировалась от религии, а государство автономизировалось от церкви. Отныне государство должно самостоятельно ставить перед собой политические цели и определять способы их реализации, не будучи связано религиозными мотивами. Политика находит опору сама в себе, политические принципы выводятся из политической же целесообразности.

Этатизм Н.В.Устрялова и евразийцев

Иллюстрацией данной тенденции являются политические взгляды Н.В. Устрялова. Природа государства мыслилась русскому философу как союз власти и подчинения, основы которого присутствуют уже не в религии, а в психологии, в глубинах человеческой психики. До тех пор, пока человек не переродится психически, власть будет неизбежным элементом общества. При этом основным ресурсом, главной опорой власти является не физическая сила, а человеческая душа, которая тоскует по авторитету, в которой живёт жажда господства и инстинкт власти ⁷¹.

В рамках идеологии евразийства была сделана попытка подвести под реально существующее советское государство консервативную основу, усмотрев в нём элементы государства орденского типа. Евразийцы обосновывали модель так называемого идеократического государства или идеократии. В идеократическом государстве руководство страной осуществляется правящим слоем, который, с опорой на силовые методы управления, реализует общегосударственные цели и задачи.

Государственнический холизм

Освальда Шпенглера и Эрнста Юнгера

Немецкий консервативный мыслитель Освальд Шпенглер выступил с идеей создания нового типа государства, в котором будет доминировать не «Я», а «Мы» – коллективное чувство, в котором индивидуальность растворяется и обретает себя на новом уровне – через принадлежность к всеобщему : «Дело не в человеческой единице. Она должна жертвовать собой целому. Не каждый стоит за себя, а за всех, с той внутренней свободой в высшем смысле, свободой повиновения». Социально-государственнический холизм проявляется в рисуемых Шпенглером формах бытия новой немецкой государственности : «... единый вскрик, единое прикосновение железной руки, единый гнев, единую цель» ⁷².

Венчать государство должна фигура лидера, так как главный вопрос сводится «к вопросу о том, кто будет править целым». Вождь

⁷¹ Устрялов Н.В. Национал-большевизм / Сост. С.М. Сергеев. М., 2003. С. 5.

⁷² Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Берлин, б.г. С. 54, 22.

является «центром действия, деятельным средоточием множества», способным «поднять внутреннюю форму собственной личности до формы целых народов и эпох, взять историю в свои руки, чтобы вывести свой народ или племя и его цели на передний край событий, – это едва сознаваемое и почти неодолимое стремление всякого единичного существа, имеющего историческое предназначение»⁷³.

В рамках идеологии немецкой консервативной революции отрицалась сама постановка вопроса о противопоставлении общества государству. Государство и общество, с точки зрения Э. Юнгера, необходимо воспринимать в органическом единстве, где общество есть «государство, сущность которого стирается в той степени, в какой общество подгоняет его под свои мерки»⁷⁴. Отсюда проистекает одно из основополагающих положений модернистского консерватизма – жесткий патернализм государства в социальной сфере, предполагающий справедливое распределение общественных благ в рамках политически и экономически дифференцированной социальной структуры.

Концепция Политического Карла Шмитта

Особенно ярко и последовательно этатистская направленность просматривается в философии немецкого консервативного мыслителя Карла Шмитта. Шмитт совершил принципиально важный шаг в трактовке политики, философско-юридически обосновав автономность и независимость политического начала от прочих аспектов бытия общества – экономики, права, религии, этики, культуры⁷⁵.

Политическое связывалось Шмиттом не только с наиболее эффективным способом управлением государством в узком смысле слова (именно так политика воспринималась практически всеми философами от Аристотеля до Н. Макиавелли и Т. Гоббса). «Политическое»

⁷³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 467.

⁷⁴ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000 ; 73-74.

⁷⁵ Бёкенфёрде Э.В. Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Логос. № 5 (89). 2012. С. 158-177 ; Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М., 2012 ; Тешке Б. Решения и нерешительность. Политические и интеллектуальные прочтения Карла Шмитта // Логос. № 5 (89). 2012.

превращается в особую онтологическую реальность, существующую по своим законам, обособленным от других сфер жизни общества ⁷⁶.

Основными категориями «политического» немецкий мыслитель называл различие «друг – враг». Противоположность становится политической «тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг – враг». К категориальному дуализму «друг – враг» можно свести всё многообразие языка политики. Как отмечал Шмитт, «такие слова как «государство», «республика», «общество», «класс» и, далее, «суверенитет», «правовое государство», «абсолютизм», «диктатура», «план», «нейтральное государство» или «тотальное государство» и т.д., непонятны, если неизвестно, кто *in concreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут» ⁷⁷.

«Политическое» становится не столько изолированной сферой бытия социума, но некоей универсальной составляющей всех форм взаимодействия людей на определённой, радикально-крайней стадии обострения экономических, правовых, моральных, национальных и иных противоречий. Политическая противоположность, по Шмитту, есть противоположность «самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная» ⁷⁸. «Политическое» появляется там и тогда, где и когда взаимодействия между различными группами и отдельными государствами из конкурентных, оппонентных, сотрудинческих, партнёрских превращаются во враждебные, когда появляется разделение на друзей и врагов.

Определяющим признаком подлинного государственного суверенитета Шмитт считает возможность государства самостоятельно определять для себя друзей и врагов. Принцип самопроизвольно-волевого начала как определяющего противоречил либеральному представлению о том, что в ходе экономического взаимодействия конкуренты определяются автоматически в соответствии с законами экономики. Тем самым Шмитт не только реабилитировал понятие Политического, но и превратил его в определяющий фактор социального бытия, вооружив консервативную философию юридически обоснованной методологией.

⁷⁶ Шмитт К. Государство : Право и политика. М., 2013.

⁷⁷ Шмитт К. Понятие политического // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М. 2000. С. 727.

⁷⁸ Там же. С. 726.

В концепции Политического консерватизм нашёл прочную мировоззренческую опору, пришедшую на смену религиозной парадигме. Шмитт при этом руководствуется политико-консервативной методологией в восприятии идеологий. Согласно этой методологии, идеологии существует не в абстрактно-гносеологической плоскости «истина – заблуждение», но в конкретно-политическом пространстве «друг – враг», в котором происходит реализация интересов одних субъектов за счёт ущемления интересов других.

К. Шмитт отметил неизбежный страх либералов перед необходимостью принятия и реализации волевого политического решения. Либеральная демократия трусливо прячется от политически фундированной реальности за ширму общественных дискуссий и парламентских дебатов. Сущность либерализма – это «переговоры, выжидательная половинчатость с упованием на то, что, может быть, окончательное столкновение, кровавую решающую битву можно будет превратить в парламентские дебаты и вечно откладывать посредством вечной дискуссии»⁷⁹. Тем самым демократическими правителями осуществляется уход от ответственности за принятие и реализацию решений, могущих иметь негативные последствия. Шмитт с юридических позиций пытался определить субстанциальные основы государственности и усматривает их в идее суверенитета, который выражается в возможности принятия государством самостоятельного и независимого решения, не связанного с правовыми условностями.

Революция справа Ханса Фрайера

Концепция «революции справа» Ханса Фрайера явилась очередным способом адаптировать идею революции и понятие Политического в ткань консервативных рассуждений. Доктрина человека экономического рассматривает народы как «массы, которые созданы природой для того, чтобы заполнить систему должностей индустриального мира труда», в результате «человечность, где бы она ни возрастала и чего бы она ни желала, поступает на службу к анонимному капиталу». Это «рабство, – но такое рабство, которого ищут даже сами рабы и которое возможно постольку, поскольку оно гарантирует

⁷⁹ Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М., 2000. С. 94.

свободное преследование их общественных интересов, свободу их скромного эгоизма»⁸⁰.

Социальная организация должна строиться на приоритете политических принципов, позволяющих народу ощутить свою свободу и целостность, перестав быть функциональным придатком экономики : «Народы суть такие массы, которые созданы природой для того, чтобы заполнить систему должностей индустриального мира труда»⁸¹.

Современная эпоха, с точки зрения Фрайера, должна породить новый тип революции. Это будет уже не «революция слева» как переворот в интересах низших слоёв, ниспровергающий устои государственности и порядка, но «революция справа», как радикальное деяние народа по реализации общего интереса, состоящего в культивировании государства как формы высшей, политической организации народа. В современном обществе, по Фрайеру, «появляется нечто такое, что не есть ни общество, ни класс, ни интерес», это нечто есть то, что не является результатом социального компромисса интересов, то, что «не может быть сбалансировано, но что безмерно революционно : народ»⁸².

Государство, по мысли Фрайера, «благодаря политическому деянию» и пользуясь «цементом власти», «возводит в четко ограниченном пространстве гордую постройку из жизни и духа, первое из всех созданий духа, которое есть вполне форма и к тому же вполне действительно. Благодаря политическому деянию, государство приводит дух к его цели : человечество создает себе пространство своей собственной судьбы». Смысл бытия народа «состоит в творении рейха и проживании в нем как в пространстве своей судьбы».

Вождь, будучи квинтэссенцией смысла бытия народа, является единичным воплощением многого : «Государство есть единство рейха и народа». Социально-творческая сила вождя проявляется в том, что он превращает разрозненную человеческую массу в народ, делает его субъектом исторического процесса и хозяином своей судьбы : «... вождизм есть та сила, которая, собственно, и создает государство, делая людей народом как образованием»⁸³.

⁸⁰ *Фрайер Х.* Революция справа. М. Праксис, 2009. С. 66.

⁸¹ Там же.

⁸² *Freyer H.* Die Revolution von rechts. Jena, 1931. S. 37.

⁸³ *Freyer H.* Der Staat. Leipzig, 1925. S. 99, 101.

Консерватизм как абсолютизация Политического

В консервативных концепциях государственные способы организации и регулирования жизни общества рассматривались как наиболее эффективные. Апелляция к общенациональному интересу с позиций потребностей и интересов народа в целом явилась новой тенденцией в консервативной идеологии. Рассуждения с точки зрения государства как самостоятельного субъекта, способного реализовать консолидированный интерес нации сознательно нивелируют фактор социальной и имущественной дифференциации людей внутри общества.

Этот шаг выглядел более чем оправданным на этапе политико-экономического утверждения государством своей субъектности, приведшей к военному столкновению с иными государствами, что выразилось в двух мировых войнах. Войны как крайний способ реализации общенациональных интересов приводили к увеличению экономических и политических возможностей победивших стран (либо стран, оказавшихся в ситуации «третьего радующегося»).

Консервативная концепция Политического сохраняет свою актуальность и когнитивно-методологический потенциал также и при анализе современных мировых отношений. Трендовые процессы, которые получили наименование западной глобализации есть реализация политико-экономических возможностей отдельных государств по созданию в современном мире своеобразных «оазисов благосостояния» для своих граждан, где социально-имущественная дифференциация внутри общества минимизируется за счёт экономической эксплуатации иных стран и регионов планеты.

5.2. Диалектика взаимоотношений «раба» и «господина»

Философской quintэссенцией отношений власти представляются несколько знаковых для европейской философии страниц из «Феноменологии духа» Г.В.Ф.Гегеля, где немецкий мыслитель выявил сущность политических отношений господства и подчинения. В этой связи крайне иллюстративным представляется анализ процесса социального структурирования как процесса взаимообусловливания «раба» и «господина» в размышлениях Г.В.Ф. Гегеля,

интерпретированные в контексте психоаналитической теории Жака Лакана.

Г.В.Ф.Гегель:

диалектика взаимной признанности раба и господина

Социальное и дискурсивное господство условного «господина» над условным «рабом» проистекает, по Гегелю, из того, что господину доступно восприятие жизни на уровне взаимодействия сознаний, в то время как раб поглощён вещностью жизни. Господин обрёл самостоятельное сознание, воспарил над миром вещей и усмотрел свою сущность как «для-себя-бытие». Раб же абсолютизировал материальную жизнь и определил сущность как «бытие для некоторого другого». Господин готов рисовать жизнью, он презрел смерть и материальный мир во имя сознания, так как «только риском жизнью подтверждается свобода». Раб же боится рисковать жизнью, он «может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг»⁸⁴.

Неоспоримой ценностью для раба выступает мир вещей, «самостоятельное бытие», «это – его цепь, от которой он не мог абстрагироваться в борьбе, и потому оказалось, что он, будучи несамостоятельным, имеет свою самостоятельность в вещности». Господин обретает свободу не через вещность мира, но посредством его признанности «через некоторое другое сознание»⁸⁵, когда «самосознание должно стремиться снять *другую* самостоятельную сущность, дабы этим удостовериться *в себе* как в сущности»⁸⁶. При этом раб и господин конституируют друг друга: господин обретает себя посредством раба, а раб становится рабом посредством господина.

Замечание Гегеля о том, что «вожделение и достигнутая в его удовлетворении достоверность себя самого»⁸⁷ явились отправной точкой для последующих рассуждений Лакана о важности овладения при этом языком в качестве условия и инструмента самосознания. Язык выполняет функцию «символического пакта, связующего между собой

⁸⁴ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. М., 1959. С. 102.

⁸⁵ Там же. С. 103.

⁸⁶ Там же. С. 99.

⁸⁷ Там же. С. 97-98.

субъектов в некотором действии»⁸⁸. Агентом для конструирования субъекта в поле языка является фигура Значимого Другого.

Ж.Лакан:

«символическое» господина и «воображаемое» раба

Модели раба и господина рассматриваются Жаком Лаканом в качестве двух возможных способов бытия человека – символ бегства от жизни и отчуждённого существования (раб) и символ истинного существования, связанного с вовлечённостью в жизненные процессы (господин). Господин является творцом сферы Символического, которая конструирует субъектов, раб же способен к свободному творчеству лишь в сфере Воображаемого.

Господин ответственен за свою жизнь и свою смерть, раб же не в состоянии преодолеть страх смерти, что трансформируется в его сознании в страх перед жизнью. Полная речь господина направлена на формирование смысла, она способна упорядочить «случайности прошлого, давая им смысл грядущей неизбежности»⁸⁹. Пустая речь раба подчинена его желанию уничтожить или обмануть господина, она иллюстрирует отчуждение личности от самой себя, «субъект производит впечатление говорящего о ком-то другом»⁹⁰. Господин в состоянии свободно руководствоваться собственными желаниями, для раба открыта лишь возможность наслаждения посредством Значимого Другого.

Господин	Раб
Страх смерти	
Наслаждение жизнью	Страх перед жизнью
Полная речь	Пустая речь
Своё желание	Желание Другого
Самосознание	Самоотчуждение
Ответственность	Уход от ответственности

⁸⁸ Лакан Ж. Семинары. Книга 1 : Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. С. 302.

⁸⁹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 26.

⁹⁰ Там же. С. 24.

5.3. Анализ политики в период конфронтации

Современный период развития международных отношений характеризуется нарастанием конфронтации, турбулентностью и повышенными рисками начала глобального термоядерного конфликта. В данной ситуации крайне актуальной становится проблема поиска адекватных методов познания политической реальности и применение к анализу международных отношений методов, обладающих максимальным когнитивным потенциалом.

Концепции международных отношений

Представляется, что необходимо в самом общем виде упомянуть базовые концепции международных отношений с точки зрения их когнитивных возможностей в трактовке сущностных аспектов взаимодействия субъектов политики в период конфронтации и в ситуации эскалации напряжённости. Реализм, идеализм, конструктивизм и марксизм с их разнообразными вариациями основываются на принципиально разных подходах к анализу системы мировых отношений.

Реализм (Г. Моргантау, Р. Нибур, Г. Киссинджер, Р. Арон) более чем обосновано рассматривает государство в качестве основного субъекта мировой политики со всеми, присущими государству, властными атрибутами – суверенитетом, установкой на применение силы, представлением о государственной власти как единственно возможном механизме снятия социальных противоречий и универсальном способе регулирования конфликтов.

Идеализм (либерализм) (Н. Энджелл, В. Вильсон, А. Циммерн) обладает минимальным когнитивным потенциалом в части объяснения закономерностей поведения субъектов политики в периоды конфронтации. Доминирование должного над сущим и поиск решений на базе абстрактных представлений о якобы неизбывном стремлении политических субъектов к сотрудничеству сложно применим к конфронтационной ситуации выхода на первый план фактора силы и борьбы военно-политических потенциалов государств. Единственное, в чём можно усмотреть действенность идеалистического подхода к природе мировых отношений – так это в установке на значимость идей,

идеальной составляющей в процессе принятия решений субъектами политики.

Конструктивизм (П. Катценштайн, А. Вендт, Н. Онуф) открывает перспективы рассмотрения международных отношений в оптике мировоззрения, установок и мотивов поведения каждой отдельной, наделённой властью личности. Фактор субъективной сконструированности различных «миров» носителей власти высвечивает проблему соотношения их образа политической реальности и взаимной интерпретации намерений, смысла и мотивов их политического поведения (Р. Джервис⁹¹, Т. Шеллинг⁹²).

Выдвижение на первый план анализа процессов социализации самих субъектов политики, их система ценностей, верований, стереотипов, давление традиции в способе реагирования на кризисные ситуации, редукционизм в восприятии сложного и крайне противоречивого внешнего мира – все эти факторы становятся определяющими при анализе формирования решений и мотивов поведения субъектов политических процессов. На передний план выходит проблема детерминированности поведения политиков в зависимости как от динамично меняющейся ситуации, так и от поведения их оппонентов (теория игр).

Марксизм (Р. Пребиш, И. Валлерстайн, Й. Галтунг) дистанцируется от анализа субъективных механизмов поведения субъектов политики и сосредотачивается на результатах политической деятельности. Марксистский подход акцентирует внимание на том, какие именно социально-экономические интересы субъектов политики были реализованы и как эти результаты отражают объективно существующие классовые потребности различных социальных групп, классов, слоёв, государств.

Таким образом, реализм акцентирует внимание на политических факторах мировых отношений, идеализм сосредотачивается на субъективно-идеальных аспектах деятельности политиков, конструктивизм анализирует внутренние взаимные интерпретации намерений, смыслов, и мотивов поведения носителей власти, марксизм

⁹¹ Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022.

⁹² Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007.

рассматривает внешнюю результирующую составляющую мировых отношений сквозь призму реализации социально-экономических потребностей субъектов политики.

Применительно к анализу политической ситуации в период конфронтации представляется уместным использовать реалистические и конструктивистские методологические подходы. Реализм позволит рассматривать политику как потенциальную арену столкновения интересов государств, в поведении лидеров которых доминируют конфронтационные установки, связанные с использованием военно-политического потенциала своих стран для сохранения государственного суверенитета и обеспечения безопасности.

Система мировых отношений представляется сложной взаимосвязью взаимных интерпретаций относительно намерений, возможностей и мотивов поведения политических оппонентов. В связи с чем конструктивизм уделяет первостепенное внимание не только тому, как самотракуются намерения той или иной стороны, но и тому, каким образом эти намерения интерпретируются оппонентами. Истинные намерения политиков облачаются в форму публичных заявлений, которые определённым образом интерпретируются оппонентами, однако конечная версия оппонентов не всегда совпадает с исходными намерениями. Конструктивизм открывает возможности анализа субъективных мотивов поведения политических деятелей, в частности, посредством адаптации теории игр в плоскость международных отношений.

Теория игр в политике

Современный этап развития международных отношений характеризуется повсеместным нарастанием межгосударственной напряжённости. В текущих условиях резко возрастает значимость принятия решений политическими субъектами, что приобретает особую критичность в контексте возможного начала термоядерного конфликта. Представляется, что просчитать и спрогнозировать поведение политиков способна так называемая теория игр, представляющая собой математическое просчитывание поведения оппонентов, находящихся в стадии конфликта интересов.

Теория игр применительно к международным отношениям возникла на фоне обострения отношений между СССР и США в период «холодной войны». Следует упомянуть три ключевые фигуры, применявшие теорию игр, в том числе, в анализе политических отношений – Джон фон Нейман, Джон Нэш, Томас Шеллинг. Рекомендации этих мыслителей служили своеобразным экспертным ориентиром для политиков, что сыграло и до сих пор играет определённую роль в регулировании и разрешении ряда острейших военно-политических кризисов второй половины XX- первой четверти XXI столетий.

Одним из первых разработчиков теории игр стал Джон (Янош) фон Нейман (1903-1957), венгеро-американский математик и педагог, внёсший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику и экономику. Фон Нейман был ярким сторонником превентивного ядерного удара по СССР, резонно полагая, что он должен быть нанесён в ситуации отсутствия у Советского Союза ядерного оружия. В случае появления ядерных средств поражения у обеих противоборствующих сторон применение термоядерного оружия станет крайне проблематичным и потребует качественного пересмотра принципов межгосударственных отношений.

Типы стратегий участников международных отношений по отношению к оппоненту в контексте теории игр имеет смысл проиллюстрировать на примере классической симметричной игры с ненулевой суммой «Охота на оленя». Два охотника идут на охоту. Каждый из них заранее выбирает одну из моделей поведения – он должен либо вместе со своим оппонентом охотиться на оленя, либо стремиться самостоятельно подстрелить зайца. В условиях, когда каждый из них не знает решения оппонента, он может автономно подстрелить зайца и отправиться с гораздо менее ценной добычей домой. В этом случае звук выстрела спугнёт оленя и если второй охотник отправился за оленем, то он лишится возможности его подстрелить. В случае, если первый охотник выбирает охоту на оленя, то ему придётся просить помощи у второго участника охоты, который разделит с ним гораздо более ценную, по сравнению с зайцем, добычу. Данная ситуация станет возможна только в том случае, если второй охотник также выбрал охоту на оленя.

Смысл игры сводится к дихотомии эгоизм/сотрудничество : если участники настроены на объединение усилий, то они приобретают гораздо больше на базе взаимного доверия. Если же они склонны к предательству, то первый из них приобретает собственную незначительную добычу, лишая добычи другого.

«Равновесие Нэша»

Теория игр анализирует возможность нахождения максимально эффективной стратегии поведения политических субъектов в ходе отстаивания своей позиции в международных отношениях. При этом «игра» в мировой политике ведётся, как правило, не с нулевой суммой, то есть, не носит строго антагонистический характер – ни один из оппонентов не может остаться в абсолютном проигрыше : если выигрывает один игрок, то и второй игрок получает определённые дивиденды (Д. Нэш, Т. Шеллинг).

В частности, в хрестоматийной «дилемме заключённого» два игрока, посаженные в тюрьму и не находящиеся в отношениях кооперации, должны выбрать один из четырёх возможных сценариев развития.

1. Я молчу и молчит мой напарник – мы оба получим по 1 году тюрьмы.

2. Я сдаю напарника и он сдаёт меня – мы оба получим по 2,5 года тюрьмы.

3. Я молчу, а напарник меня сдаёт – я получу 5 лет тюрьмы, а он свободу.

4. Я сдаю напарника, а он молчит – я получаю свободу, а он 5 лет тюрьмы.

Игра сводится, в конечном счёте, к так называемому «равновесию Нэша», когда каждый из политических игроков, соотнося своё поведение с линией оппонента, выбирает оптимальную стратегию и строго ей следует. Оптимальность «равновесного» выбора заключается в минимизации рисков и сводится к пословице «лучше синица в руках, чем журавль в небе», когда предполагается, что каждый из игроков с высокой долей вероятности выберет второй вариант развития : «Я сдаю напарника и он сдаёт меня – мы оба получим по 2,5 года тюрьмы».

Парадокс заключается в том, что рациональные доводы диктуют один вариант поведения (1), в то время как реальная коммуникативно-психологическая среда толкает оппонентов к равновесному решению (2), основанному на взаимном недоверии. Каждый из заключённых стремится к максимальному страхованию рисков и исходит из подозрительности и наихудшего сценария при анализе поведения оппонента, что подтверждает справедливость установки реализма на дремлющий в толщах социальной коммуникации потенциал конфликтности.

Зачастую в состоянии политической (а ещё хуже – военно-политической) конфронтации «равновесие Нэша» выражается в ставке на нарастание напряжённости. Объяснить склонность игроков к выбору конфронтационного сценария, вызывающего эскалацию конфликта конструктивисты объясняют рационально – как следствие неадекватности взаимной интерпретации намерений.

«Равновесие доверия» / «равновесие недоверия»

Экстраполяция теории игр в плоскость политических отношений порождает действие так называемого «равновесия Нэша». Джон Форбс Нэш (1928-2015) – американский математик, внесший значительный вклад в разработку теории игр в части факторов, влияющих на принятие решений внутри сложных систем, лауреат Нобелевской премии по экономическим наукам (1994). Нэш выдвинул идею, что игра сводится, в конечном счёте, к равновесию, когда каждый из политических игроков, соотнося своё поведение с линией оппонента, выбирает оптимальную стратегию и строго ей следует. Применительно к «Охоте на оленя» равновесие Нэша просматривается в двух точках: взаимное предательство и взаимное доверие. Вопрос в том, какая именно модель может возобладать в международных отношениях: «равновесие доверия» или «равновесие недоверия»?

Есть основания полагать, что в периоды «холодной войны» (1946-1962, 1979-1987) доминировало «равновесие недоверия», когда каждая новая военно-политическая инициатива одной из сторон вызывала ответную реакцию эскалации с противоположной стороны. Обе стороны на протяжении нескольких десятков послевоенных лет опережающими темпами взаимно увеличивали «отстрел зайцев»:

создание ядерного оружия, наращивание ракетно-ядерного потенциала, размещение ядерных носителей средней и малой дальности в Европе, создание водородной бомбы, Берлинский (1948-1949, 1961) и Карибский (1962) кризисы, «космическая гонка», опосредованное военное противостояние противнику в локальных мировых конфликтах, планы размещения ядерного оружия в космическом пространстве на спутниковых носителях (СОИ) и пр.

В периоды так называемой «разрядки мировой напряжённости» (1962-1979) и «перестройки» (1987-1991) в советско-американских межгосударственных отношениях появились элементы «равновесия доверия», при котором обе противоборствующие стороны вспоминали о необходимости «подстрелить общего оленя»: тезисы о недопустимости развязывания ядерной войны, сотрудничество в космосе, Хельсинкские соглашения (1975), договоры о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) (1987).

Теория гарантированного взаимного уничтожения

«Разрядка мировой напряжённости» во многом была вызвана осознанием противоборствующими сторонами всеобщей катастрофичности, а значит, бесперспективности ядерного конфликта. Ситуацию наличия у сторон взаимных средств ядерного поражения проанализировал Томас Кромби Шеллинг (1921-2006) – американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (2005), исследователь в области международных отношений и международной безопасности. Шеллинг пришёл к мысли о том, что в условиях существования ядерных боезарядов и средств их эффективной доставки у СССР и США, следует исходить не из возможности выигрыша одной из сторон, но постулировать высокую вероятность взаимного и тотального проигрыша. Отсюда родился знаменитый принцип «гарантированного взаимного уничтожения»: в случае инициирования ядерного конфликта любой из сторон, неминуемо возникнет ситуация взаимного уничтожения в пожаре термоядерной войны.

Практическое применение принципа гарантированного взаимного уничтожения оригинально обыгрывается в фильме «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил атомную бомбу» (реж. Стенли Кубрик, 1964). В уста главного героя – доктора

Стренджава – разработчика американских ядерных систем – вкладывается следующее суждение: «Сдерживание – это искусство заставить противника побояться напасть на вас. В силу того, что машина смерти принимает решение автоматически и лишена человеческих колебаний, она становится устрашающим и, как нетрудно понять, полностью убедительным устройством».

Однако ядерное сдерживание будет эффективно только в том случае, если взаимное уничтожение при ядерной атаке станет общезначимым фактом как для США, так и для СССР. Противники должны быть уверены, что в случае использования ядерного оружия одной из сторон, последует незамедлительный ответ другой стороны и взаимное уничтожение станет неизбежным.

Таким образом теория сдерживания была существенным образом дополнена доктриной взаимно-гарантированного уничтожения, что вызвало к жизни принцип недопустимости применения ядерного оружия. Наличие ядерного оружия превратилось в современном мире в предельный фактор наличия у страны подлинного государственного суверенитета и национальной независимости. Ядерная бомба как потенциальная разрушительная сила диалектически превратилась в условие мира и сохранения баланса сил на планете. Ядерные силы стали подлинным и самым убедительным «фактором сдерживания» в современных мировых отношениях.

Доктрина сдерживания трансформировалась в современных доктринальных документах США и СССР/России в концепцию стратегической стабильности. Стратегическая стабильность лежит в основе межгосударственных советско-американских соглашений о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор о РСМД, 1987) и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ1, 1991). Признание взаимной уязвимости сторон выступает основой обеспечения глобальной безопасности. Одновременно принцип стратегической стабильности является и обоснованием наращивания стратегических ядерных арсеналов, будучи маркером подозрительности и недоверия в мировой политике, что фиксируется в рамках теории игр на примере применения моделей устрашения и спирали.

Модель устрашения

Модель устрашения способна проанализировать внутреннюю динамику решения субъектов политики в случае осознания спектра политических угроз от оппонента и принятие радикальных мер противодействия этим вызовам. Радикализм позиции государства вызван его природной неспособностью уступать противоположной стороне в процессе своеобразного клинча, так как государство не может выглядеть слабым в глазах общества. Любые уступки и компромиссы с противоположной стороной не только дискредитируют власть в глазах общества внутри страны, но и провоцируют политического оппонента на усиление своих требований, роста уверенности в своих силах и нарастание собственной агрессивности.

Модель устрашения уподобляется войне нервов во время «игры в цыплёнка» (Т. Шеллинг), когда водители мчатся навстречу друг другу «лоб в лоб» по одной стороне дороги. «Свернувший первым достаивается презрительного окрика победителя «Цыплёнок!»⁹³.

Модель устрашения активно использовалась Соединёнными Штатами Америки в период «холодной войны» с Советским Союзом. В то время она получила наименование стратегии сдерживания (Дж. Кеннан, А. Даллес, Л. Хендерсон, Д. Ачесон). Суть стратегии состояла в оказании постоянного давления на СССР и страны социалистического блока посредством поддержки антисоветских сил и режимов по всему миру, что явилось идеологическим обоснованием вмешательства США во внутренние дела других стран и создания разветвлённой сети американских военных баз. Целью стратегии сдерживания являлась постоянная демонстрация США и странами НАТО своей военной мощи и её частичное применение для получения внешнеполитических уступок и, в конечном счёте, капитуляции советской стороны.

Наиболее показательна модель устрашения применима к анализу поведения политических лидеров СССР и США во время Карибского ракетно-ядерного кризиса (1962). Американский госсекретарь Дин Раск на этапе апогея конфронтации открыто сослался на базовый принцип

⁹³ Джервис Р. Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. С. 198.

«войны нервов», известный как «игра в гляделки»: «Мы сыграли в гляделки, и, по-моему, противник моргнул»⁹⁴.

Модель спирали

Модель спирали позволяет раскрыть характер внешнеполитических отношений, подчинённых алармистски ориентированным взаимным агрессивным интерпретациям внутренних установок и скрытых мотивов поведения субъектов политики. Модель спирали предполагает постоянную эскалацию внешнеполитической и военной напряжённости посредством перманентного «повышения ставок» в процессе взаимного противостояния. Модель основана на убеждённости каждой из противоборствующих сторон гипертрофированно оценивать степень враждебности другой стороны (холодная война СССР и Запада (1946-1991), эскалация напряжённости вокруг Украины (2014-2023) и Тайваня (2021-2023)). Именно принцип взаимного нагнетания напряжённости составляет основу сформулированной дилеммы безопасности, предполагающей, что стремление одного субъекта обезопасить себя неизбежным образом воспринимается другим субъектом как угроза.

В качестве показательного примера можно привести идею президента США Р. Рейгана о запуске, как выяснилось впоследствии, фейковой программы Стратегической оборонной инициативы. Программа предполагала вывод ядерного оружия в околоземное космическое пространство в целях защиты американской территории своеобразным «ядерным зонтиком». Соответственно, она однозначно истолковывалась советским руководством как угроза безопасности СССР и была интерпретирована как «очередной виток эскалации американским империализмом гонки ядерных вооружений».

Другим примером применения модели спирали может служить стремление стран НАТО расположить на территории Польши и Румынии элементы системы противоракетной обороны. Руководство НАТО и лидеры западных государств убеждали российское руководство в том, что размещение так называемых «противоракет» и элементов

⁹⁴ *Брэмс Стивен Дж.* Математика апокалипсиса: теория игр и карибский ядерный кризис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/436066/> (дата обращения: 20.04.2023).

радиолокационной разведки в Восточной Европе не угрожает интересам безопасности России, а направлены целиком и полностью на купирование некоей ракетной угрозы со стороны Ирана. Однако размещение натовских систем ПРО, могущих нести боевой потенциал, было расценено российским руководством как однозначная угроза собственной национальной безопасности.

Аналогичным образом стремление интегрировать в состав НАТО республики бывшего Советского Союза воспринимается Россией как угроза своей безопасности. Данная тенденция, связанная с планами расширения Североатлантического альянса привела, в конечном итоге, к резкому обострению военно-политической ситуации на Украине. Характерно, что действия России по защите русского населения Донбасса, которые для нашей страны носят защитный характер, на Западе описывается как якобы немотивированная агрессия России против суверенной Украины.

Рассмотрение внешней политики в соответствии с моделью спирали подчинено реалистическому принципу трактовки военно-политических мероприятий оппонента по обеспечению им собственного суверенитета и независимости как фактора угрозы своей безопасности. Установка реалистов на политический анархизм в сфере внешней политики находит своё отражение в убеждённости относительно перманентно существующей глубинной конфронтации государств, блоков государств и надгосударственных структур. В модели спирали просматривается гоббсовский взгляд на войну как состоянию, изначально присущему инстинктивно-агрессивной природе человека. Рациональные компоненты и ориентация на межгосударственное сотрудничество носят вторичный характер и являются побочным продуктом установления баланса сил в мировых отношениях.

Когнитивные искажения в политике

Когнитивные уязвимости теории принятия решений в конструктивистском подходе связаны с убеждёностью политических экспертов в существование некоей умозрительной установки на возможность адекватной передачи смысла от одного политического субъекта другому. Само словосочетание «неверное восприятие в международной политике» (Р. Джервис) подспудно предполагает

существование некоего «верного» восприятия, к которому возможно получить аналитический доступ.

Доступ к некоему правильно проинтерпретированному восприятию позиции другого в политике предлагается осуществить посредством : использования теоретических наработок из теории игр ; анализа процесса принятия решений ; рассмотрения внутренних и внешних источников поведения субъектов политики ; применения знаменитой дилеммы заключённого ; использования феномена самосбывающихся пророчеств в политике ; рассмотрения проблемы когнитивной замкнутости и искажения ; процесса ассимилирования новой информации с убеждениями ; избегания рассмотрения ситуации с позиции единственности гипотезы, которая подспудно всегда будет стремиться к своему императивному подтверждению на базе анализа соответствующих удобных фактов и комфортно выдвигаемых теоретических обоснований.

Поиск исключительно внутренней логики и причинно-следственной последовательности в мотивах и решениях политиков представляется крайне ограниченным. Экспертное же объяснение когнитивных сложностей в использовании рациональной аргументации постоянными изменениями политической обстановки видится крайне недостаточным : помимо детерминации политического поведения со стороны внешней ситуации, присутствуют ещё и скрытые бессознательные мотивы.

Кроме того, конструктивизм оставляет за скобками своего рассмотрения факт того, что мировые отношения представляют собой аберративную, нелинейную, динамичную и нестабильную систему, в которой намерения каждой из сторон постоянно взаимно искажаются. Результаты аберративного искажения позиций сторон становятся важнее некоей константно существующей объективной политической «реальности», доступ к которой якобы носит универсальный характер и потенциально открыт всем субъектам политики посредством «верного восприятия».

В этой связи «верное восприятие» субъектами политики действий оппонента невозможно по причине принципиального отсутствия механизма верификации того, какие суждения относительно интерпретации намерений оппонента являются «верными», а какие

абберративными. Аберрация восприятия мотивов другого человека в той или иной степени будет постоянно иметь место в силу следующих обстоятельств.

Мотивация решений субъектов политики детерминирована тремя базовыми факторами : рациональностью, традицией и бессознательными установками.

Рациональность находится в фокусе внимания конструктивистского метода, в контексте которого используется теория игр с её базовыми внешнеполитическими моделями устрашения (сдерживания) и спирали (эскалации напряжённости).

Традиция как исторически обусловленный стереотипизированный способ реагирования политика на ситуацию становится предметом психологической трактовки человеческого поведения как сложившейся матрицы инвариантно устоявшихся подходов. Механизмы традиции имеют основания в чувстве веры, следования долгу, воспроизводства социальных отношений в контексте единой и самобытной нации, государства, цивилизации, подчинение культурному коду народа, отстаивания идеалов прошлого и продолжения дела предков.

Стремление к рациональному конструированию каркаса политических отношений обречено на некоторую долю условности и утопизма в силу игнорирования базового инстинкта человека – *бессознательного следования своим потребностям*. Потребности, будучи осмысленными, образуют систему интересов. При этом, если потребности коренятся в бессознательно локализованных инстинктах, то интересы постфактум стремятся рационализировать нутряным образом присутствующие потребности. Рациональный самоанализ постоянно оставляет после себя непрозрачный и нерационализируемый бессознательный осадок, который вполне может стать скрытой причиной поведения.

Таким образом, когнитивный потенциал применения теории игр в политическом анализе позволяет просчитать и вероятно спрогнозировать поведения оппонентов в состоянии обострения международной напряжённости. Однако теория игр имеет свои ограничения, связанные с произвольным допущением о существовании принципиально рационализованных субъектов политической воли, власти и действия. В то время как политические решения принимаются,

зачастую, под влиянием иных факторов – традиционных, психологических, геополитических, идеологических, военно-политических.

Психоаналитический подход

Психоаналитический метод способен результативно дополнить как конструктивизм, так и связанную с этой методологией теорию игр, которая построена на убеждении в существовании изначальной прозрачности для субъекта истинного смысла собственных установок.

Однако, если прислушаться к постулатам психоанализа, то становится очевидным факт неопределённости и размытости истинных мотивов поведения субъекта от самого субъекта. Человек пребывает по ходу своей жизни в искажённом и неполном представлении о себе самом, о своей природе, о своих скрытых желаниях и возможностях. Постоянно меняющаяся политическая ситуация пробуждает в носителях власти новые, порой неожиданные способы реагирования. Стратегия поведения политиков, как правило, не соответствует изначальному рационализированному плану действий. Динамизм ситуации побуждает субъектов политики следовать новым сценариям, которые коррелируют с их глубинными бессознательными установками и разрушают изначальные рационализированные экспертно-аналитические прогнозы.

Выявить скрытую бессознательную детерминацию поведения представляется возможным, в частности, посредством формирования детализированного психотипа того или иного политика. В этом смысле крайне показательны формулировки о «бессознательных мотивах» и «врождённых инстинктах» политиков, столь любимые американскими политическими экспертами на российском телевидении (Д. Саймс, М. Бом).

Психоаналитический метод нашёл неожиданное воплощение в авторской эпатажно-политической программе М. Бутиной «Куклы наследника Тутти» на Первом канале. «Героями» своеобразной психоаналитической «прожарки» становились Д. Байден, О. Шольц, М. Саакашвили, А. Арестович, Д. Сорос, Х. Клинтон, И. Маск, Ю. Тимошенко, Б. Джонсон и др. Характерен психоаналитический настрой базового мессиджа телепередачи : «Переходим на личности !».

В психоанализе также уделяется внимание возрастным психологическим особенностям субъектов политики. Носители власти с течением времени естественным образом склонны к консервации своих подходов к реагированию на проблемы. Политики с течением времени становятся менее гибкими к возможным вариантам применения нестандартных решений. Посредством формирования особенностей психотипа политиков повышается степень прогнозируемости их поведения, что в целом способно усилить прогностические функции политической науки.

В этом смысле показателен психологический интерес британской и американской разведок к личности А. Гитлера на этапе его восхождения к вершинам власти. В частности, следует упомянуть психоаналитический доклад о лидере Третьего Рейха, подготовленный доктором В. Лангером по заказу американской внешней разведки (1943)⁹⁵. В этой связи является сложнообъяснимой установка лидеров Великобритании (Н. Чемберлен) и Франции (Э. Деладье) на политику в отношении нацистской Германии, названную впоследствии «умиротворение агрессора». Многие видные государственные деятели и европейские дипломаты второй половины 1930-х годов отмечали впоследствии, что им и в голову не могло прийти то, что Гитлер будет реализовывать на практике агрессивные идеи, изложенные в его главном идеологическом труде.

Мировые отношения, анализируемые в моменте, представляют собой взаимодействие, как минимум, трёх возможных проекций : первая – внешнее позиционирование своих планов той или иной стороной отношений, вторая – консенсусно меняющееся восприятие этих планов оппонентами, третья – скрытые намерения субъектов политики, которые стремятся достичь своих сокровенных целей под семантическим прикрытием дипломатически декларируемых принципов.

Принципиально важным обстоятельством в данном случае является оговорка «в моменте». Динамичность и внутренняя противоречивость системы мировых отношений превращает политику в

⁹⁵ Лангер В. Мышление Адольфа Гитлера : секретный доклад американской разведки. Киев : Издательский дом «Румб», 2006.

постоянное перетасовывание политическими деятелями своих мотивов, намерений и даже изменения ими собственных скрытых установок.

Публичные заявления политиков и дипломатов не могут послужить доказательной базой для анализа истинных установок в силу того, что язык, как считают некоторые, дан человеку для того, чтобы скрывать свои истинные намерения. В глубинной психологии господствует резонное мнение, что человек подсознательно стремится к одному, но на уровне осознаваемой формализации говорит другое. Данное высказывание, как представляется, в наибольшей мере соответствует сущности политической коммуникации.

Таким образом, анализ политического поведения лидеров и руководителей государств в период нарастания конфронтации на мировой арене должен соответствовать специфике и сложности предмета исследования. Традиционные аспекты в восприятии поведения политических лидеров схватывается теорией реализма в международных отношениях. Поведение политических руководителей детерминировано военно-политической историей страны и самой природой государства как системы институционализированной власти, стремящейся к самосохранению и отстаиванию идей государственного суверенитета.

Рациональный анализ политического поведения используется теорией конструктивизма, что позволяет с помощью теории игр, включающей модели устрашения и спирали выявить мотивацию и психологические аспекты практических решений и поведения субъектов политики. Психоанализ позволяет открыть перед экспертами бессознательные механизмы политического поведения субъектов власти, что способно придать политическому анализу прогностически более когерентный характер.

VI. ОТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» М.С. ГОРБАЧЕВА К СТАБИЛИЗАЦИИ В.В. ПУТИНА

6.1. «Перестройка» как социальная шизофрения

Задача возрождения России не может быть реализована без комплексного анализа причин распада нашего прежнего государственного образования – СССР. Коренные социально-экономические и политические преобразования советского общества второй половины 1980-х – начала 1990-х годов, получившие наименование «перестройка» требуют фундаментального и всестороннего анализа.

Распространившиеся в последнее десятилетие теории о предательстве советской партийной, государственной и спецслужбистской элиты, теории подрывной работы западных спецслужб, фактор противостояния двух систем в период «холодной войны» не в состоянии представить объёмной объяснительной модели краха Советского Союза. Корни катастрофы нашего государства локализованы гораздо глубже, они лежат не только в экономических отношениях, но и присутствуют в пластах общественной психологии и даже в сфере социального бессознательного.

Совершенно очевидно, что Запад переиграл Советский Союз на фронтах информационно-психологической войны. На культурно-идеологическое противостояние с СССР выделялись колоссальные ресурсы, работала разветвлённая сеть культуриндустрии, функционировали тысячи мозговых центров и спецслужбистских структур. Запад на голову превзошёл нас в технологиях манипуляции общественным мнением.

В этой связи представляется необходимым и значимым применение психоаналитического познавательного аппарата в анализе социально-психологических особенностей позднесоветского и современного российского социума. Феномен социальности подпитывается психологическими факторами, связанными с тем, что человек есть существо психологически не целостное. Целостность, динамизм и психическую комфортность он обретает в процессе

коммуникации, создавая социальные группы в качестве психологически структурированных сообществ.

В любой социальной структуре можно выделить психологически доминирующий тип человека, продуцируемый этим сообществом. В политически организованных сообществах государственная власть через механизмы социализации и индоктринации превращается в главный механизм формирования психологически доминантного типа личности.

Представляется, что корень проигрыша нашего государства в «холодной войне» состоит в серьезном методологическом отставании советских общественных наук. Идеологический прессинг социальных дисциплин со стороны догматически подаваемых идей марксизма-ленинизма не позволял им осваивать и применять на практике целый комплекс методологических подходов к управлению поведением человека, в частности, блокировалось изучение психоанализа.

В конце 1980-х годов мы не смогли предвидеть и наладить сопротивление методам социальной синергетики, на основе практического применения которых Западом успешно реализуются так называемые «бархатные», «цветные», «оранжевые» революции. К комплексным и полномасштабным операциям против СССР относится комплекс спецслужбистских мероприятий, вылившийся в политику так называемой «перестройки».

Социальная паранойя VS социальная шизофрения

Руководство Советского Союза, как и любая государственная власть, использовало свои властные ресурсы для создания психологического типа личности, отвечающего требованиям консолидации граждан вокруг реализации единых целей, связанных с укреплением обороноспособности, суверенитета и экономической независимости страны. В интересах укрепления государственного единства коммунистическая власть запускала в ход идеологические инструменты по абсолютизации гражданами государственной самости и социальной идентичности на основе, в том числе, нагнетания маниакально-параноидальных синдромов в обществе.

Идея преследования и консолидации общества перед лицом внешней и внутренней угрозы («Советская власть в кольце врагов», «Империализм США – враг всего человечества», «Не болтай!», «Болтать

– врагу помогать!», «Будь бдителен!») была взаимосвязана с симптомами нарциссизма, связанными с абсолютизацией собственной самости и социально-политического самовозвеличивания на основе объективных успехов научно-технического развития СССР («СССР – оплот мира», «Слава великому советскому народу – строителю коммунизма!», «Коммунизм – молодость мира»).

Преломляя психоаналитическую схему структурирования личности в плоскость социально-политических процессов в Советском Союзе, можно отметить, что внешняя угроза («Не-Я») нейтрализовывалась деятельностью советского государства и коммунистической партии («Сверх-Я»), что являлось условием для существования социума («Я»). Внешний стимул способствовал структурированию социально монолитной субъектности (советский народ), что активировало в общественном сознании стимулы к самоутверждению («Эрос»), связанному со стремлением к идеологическому и военно-политическому отстаиванию собственной идентичности.

Психологический тип, порождаемый советским обществом получал в контексте социального психоанализа наименования «деструктивной» (Э. Фромм), «невротической» (К. Хорни), «авторитарной» (Т. Адорно, Б. Беттельхайм, Э. Френкель-Брунвик, М. Яхода) личности. Чертами данной личности назывались установка на перенимание суждений других людей, абсолютизация общепринятых норм, отвержение чуждого, рассмотрение мира сквозь призму собственных интересов и интересов своей группы. Представители данных типов обществ привязаны к авторитетам, они научились приспособляться и подчиняться. Установка на авторитет связана не только с завышенной оценкой значимости своего народа, но и с недооценкой, обесцениванием и даже презрением по отношению к другим народам.

Людям в этом случае свойственна приверженность к антидемократическим идеям, отстаивание консервативных ценностей, раболепство перед авторитетами и повышенная агрессивность. На основе того, что власть сознательно активирует в гражданах инфантилирующее состояние беспомощности, имеет смысл утверждать, что у людей создаётся «параноидная установка», которая строится на фантазме

преследования социума со стороны «плохих» объектов, на враждебности и подозрительности (М. Кляйн).

Заслуживает особого внимания возможная трансформация психоаналитического понятия «самость» в плоскость советских социальных процессов. Самость как центр психологической вселенной индивида (Х. Кохут)⁹⁶ развивается в контексте конструирования грандиозной самости. Грандиозная самость выходит за пределы субъекта и связывается с возможностью обретения субъектом власти над иным надындивидуальным субъектом (Значимым Другим), превращая последнего в часть самости на основе сходства психической организации.

Субъект переживает потребность в отклике, одобрении и поддержке со стороны Значимого Другого (родители, учителя, партия, правительство, спецслужбы). Значимый Другой актуализирует нарциссические потребности субъекта в подкреплении его грандиозности (идея коммунизма), в подтверждении его величия, и/или субъект воспринимает Значимого Другого как отделённого от него носителя своего вытесненного совершенства.

Имплантация Чуждого Другого в структуры самости

Горбачёвская «перестройка» активировала в советском социуме качественно иные установки, подспудно существовавшие в пластах общественного сознания и коллективного бессознательного. Так называемые «демократические» тенденции знаменовали собой распад советской государственности («Сверх-Я»), что выражалось в дискредитации идей коммунизма, в целенаправленных атаках на КГБ и армию с одновременным членением политической самости в соответствии с принципом многопартийности и плюрализма. Структуры общественного сознания («Я») оказались оголёнными и были атакованы иной, чуждой субъектностью («Не-Я»). Раблепное потребление советским народом «Пепси-колы» и посещение сети закусочных «McDonald's» выступило одним из индикаторов символического имплантирования в себя чуждой субъектности.

⁹⁶ Лейбин В. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. Т. 12. М., 2006. Т. 2. С. 466.

Позднесоветское общество приобрело признаки чуждой идентификации – граждан Советского Союза заставляли взглянуть на мир глазами американцев, интерпретация социально-политической и экономической реальности производилась с позиций следования американским интересам. Замена собственной идентичности чужой идентичностью проводилось под семантическим прикрытием «нового мышления», которое вполне можно уподобить развитию начальной фазы шизофренического мышления, связанного с расстройством чувства идентичности и с шизофренным распылением советской субъектности в «общеевропейском доме» и структурах «мирового сообщества».

Крайне симптоматично то, что в социально-психологической литературе колоссальное внимание уделяется характеристикам типов личности в условиях так называемого «тоталитаризма». При этом за скобками остаётся анализ типа личности, продуцируемого в периоды либерального распада социальных систем.

Представляется, что «перестройка» в СССР выступила своеобразной разновидностью коллективно окрашенного шизофренического психоза, с созданием шизофренического типа личности как социально доминирующего. Для этого психологического типа характерно то, что «Я» в структуре личности многократно расщепляется на «ядра Я» («Я-1», «Я-2», «Я-3», «Я-4»). С перестроечной интенцией на мазохистский тип сознания согласуется идея Ж.Ф. Лиотара о подчинении как наслаждении, предполагающая акцентировку на бессознательном влечении людей к мазохистскому наслаждению от разрушения собственной идентичности. В структуре субъекта (и, добавим мы, социума) шиты такие чувства как страх свободы и любовь к рабству.

Процесс распада самости сопровождается активацией механизмов наслаждения от собственного самоуничтожения («Танатос»). Тяга к смерти в недрах общественного сознания проявляется в получении мазохистского наслаждения от процессов разложения собственной самости («Погнить бы и нам как на Западе!»). Восприятие реальности социумом нарушилось, что привело к утрате чувства разделённости и инаковости самости («Я») и внешних объектов («Не-Я»). В обществе потерялось ощущение государственно-цивилизационных различий, разницы поколений, стёрлась граница между внутренней и внешней реальностью, что привело к базовым нарушениям триангуляции и

символизации в сфере общественного сознания, вызвав «множественную психотическую организацию личности» (Й. Кафка, П. Куттер, Т. Мюллер, Г. Лемпа, Д. Кальберг).

Параллельно происходила активация в гражданах примитивных инстинктов, связанных с реализацией их физиологических потребностей («Зачем нам космос, когда колбасы нет в магазинах!»). Мысли людей начали группироваться под знаком тех или иных аффективных комплексов: «Всё, что противоречит аффекту, более обычного подавляется, а всё, что согласуется с аффектом, более обычного приветствуется» (Э. Блейер)⁹⁷.

Атака на советское коллективное бессознательное велась широким фронтом: от телевизионных сеансов «психотерапевта» А. Кашпировского и «энергичной зарядки» воды А. Чумака до насаждения «смеховой культуры» (Г. Хазанов, М. Жванецкий) как способа дискредитации и уничтожения русских национальных архетипов. В «перестройку» перестало существовать что-либо святое и священное, безусловно все аспекты человеческой жизни стали доступны осмеянию. Результатом атаки на государство («Сверх-Я») и социальное бессознательное (архетипически структурированное «ОНО») явился распад Советского Союза.

	СССР	«Перестройка»
Символическое	Моноидеологичность	Плюрализм мнений
Воображаемое	Единство «Я»	Расщеплённость субъекта
Реальное	Доминанция эроса	Активизация танатоса
	Социальная паранойя	Социальная шизофрения

Восстание капиталистических зомби

Политика «перестройки» явила собой ретроградное сползание первого в мире социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик в пучину ретроградного капитализма. «Перестройка», изначально начинавшаяся как ускорение темпов научно-технического прогресса, со временем трансформировалась в

⁹⁷ Лаплани Ж., Понталис Ж.Б. Словарь по психоанализу. СПб., 2010. С. 633.

государственно разлагающие наименования: «гласность», «политический плюрализм», «многопартийность».

Позитивный взгляд Г.В.Ф. Гегеля на негативность как на отрицание, способное вывести систему на качественно более совершенный уровень развития, не оправдал себя применительно к развитию Советского Союза. Процесс, который, в соответствии с социально-экономически интерпретированным гегельянством К. Маркса, должен был завершиться созданием нового качества (коммунизма), на деле обернулся архаичным возрождением «родовых пятен капитализма» в виде «перехода к рынку» и воссозданием капиталистических отношений.

В начале 1990-х годов наша страна переживала своеобразный процесс восстания капиталистических зомби, при котором «мёртвый хватает живого». Существование капиталистических зомби, которые по всем канонам прогрессистской диалектики должны были отмереть и навсегда уйти в небытие, сместилось в контрабандные структуры социальности, откуда они ждали своего часа для воскресения и легализации.

В соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей необходимо отфиксировать подспудное присутствие в социалистическом обществе факторов буржуазной негативности. Существование пролетариата как социального слоя, живущего своим трудом, предполагало наличие непролетарских элементов, получавших нетрудовые доходы за счёт присвоения труда других людей. Негативной изнанкой социалистической социальной реальности в период существования Советского Союза было подспудное сохранение элементов буржуазного строя.

Речь идёт о сохранении частнособственнических отношений на уровне малого и среднего бизнеса (новая экономическая политика В.И. Ленина), функционирование негосударственной собственности на средства производства (артельное производство при И.В. Сталине), стремление «догнать и перегнать Америку» по объёмам экономического производства (в период правления Н.С. Хрущёва), параллельное существование элементов несоциалистической экономики (теневая экономика при Л.И. Брежнев), легализация кооперативов и совместных предприятий (в период так называемой «перестройки» М.С. Горбачёва).

Подспудно существовавшие в толще советского общества призраки умершего капитализма воскресли и уничтожили первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян. Сокрытая в глубинах социализма капиталистическая негативность, подобно раковой опухоли, уничтожила государственно-политический советский организм.

Тезис стремится стать ...антитезисом

Величайшей загадкой советской эпохи для социальных философов была и остаётся политика «перестройки», приведшая к развалу одного из величайших государств в истории – Союза Советских Социалистических Республик. Судьба СССР в XX столетии настолько же парадоксальна, насколько и не объяснима в контексте марксистской методологии. Пролетарская революция в аграрной стране интеллектуальным и политическим усилием В.И. Ленина опровергла догмы классического марксизма, но в то же время подняла марксизм на недосягаемую практическую высоту, превратив его в крайне популярную и политически притягательную для многих народов идеологию двадцатого столетия.

Трансформация советского государства в конце века удивила марксистов ничуть не меньше: Советский Союз, будучи промышленно высокоразвитым государством, достигшим невероятных научных высот в освоении Земли и космоса, ретроградно свалился в штопор буржуазной революции августа 1991 года. Великий коммунистический проект вместо диалектической трансформации в новое научно-техническое качество архаично воспроизвёл идеалы примитивного буржуазного общества потребления. Тем самым динамика развития первого в мире социалистического государства, казалось бы, полностью перечёркивает догматы классического марксизма – вместо торжества коммунизма в СССР произошла буржуазная революция августа 1991 года.

Представляется, что разгадка феномена ретроградного возвращения нашей страны к начальным этапам развития капитализма кроется в более сложных, чем это виделось классическому марксизму, взаимоотношениях между базисом и надстройкой. Реальность социальных взаимодействий в СССР конца 1980-х-начала 1990-х годов демонстрировала иной, не классически-марксистский способ взаимодействия базиса и надстройки. Рабочий класс и трудовое

крестьянство перестали ориентироваться на синтезность коммунизма и начали идеализировать антитезисность буржуазных отношений.

Парадоксальное, с точки зрения законов марксистско-гегелевской диалектики, тяготение позднесоветского социалистического общества к антитезису (капитализму), с которым оно совсем недавно вело непримиримую борьбу, помышляя о синтезе (коммунизме) ярко выразил президент России Владимир Владимирович Путин в знаменитом интервью Такеру Карлсону: «...после 1991 года, когда Россия ожидала, что её возьмут в братскую семью «цивилизованных народов», ничего подобного не произошло. Вы же нас обманули ... обещали, что не будет расширения НАТО на восток, но это произошло пять раз, пять волн расширения. Мы всё терпели, всё уговаривали, говорили: не надо, мы же свои теперь, как у нас говорят, буржуинские, у нас рыночная экономика, нет власти Коммунистической партии, давайте будем договариваться. ...Ельцин ездил в США, помните, выступал в Конгрессе и говорил замечательные слова: God bless America. Он же всё сказал, это были сигналы: пустите нас к себе»⁹⁸.

Подрывная деятельность западных пропагандистских центров влияния продемонстрировала невидимые советскими марксистами скрытые силы идеологической надстройки, которая на практике переформатировала базис. Представляется, что объяснить действие механизма надстроечного воздействия на базис способен структуралистский психоанализ, который переносит акцент на действие надстройки, не порывая при этом с диалектическим подходом в объяснении природы противоречий.

Позднесоветская интеллигенция стала целевой группой для западного идеолого-психологического воздействия. Парадоксальность ситуации состояла в том, что высокий уровень образования советской интеллигенции при блокировании источников альтернативной, немарксистской, прозападной информации привёл сначала к (теперь уже массовому) разочарованию в ценностях коммунизма, а затем и к идее демонтажа советского государства.

⁹⁸ Интервью Владимира Путина журналисту Такеру Карлсону. Стенограмма и видео. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2024/02/09/stenogramma-interviu-vladimira-putina-zhurnalistu-takeru-karlsonu.html> (дата обращения : 11.05.2024).

Сложнообъяснимая с позиций рационализированной марксистской диалектики алогичность представлений позднесоветского общества выразилась, в частности, в парадоксальной убеждённости широких народных масс относительно реальности сочетания взаимоисключающих принципов – возможности построения общества фетишизации денег и абсолютизации материального достатка (элемент капитализма и рыночных отношений) при сохранении низкого уровня цен и социальных гарантий личности (элемент социализма и плановой экономики).

К социальным завоеваниям социалистической экономики позднесоветское общество относилось как к естественности воздуха, который не исчезнет ни при каких социальных трансформациях. Отсюда возникла крайне странная с позиций рационализированного марксизма, но весьма объяснимая с точки зрения иррационального психоанализа парадоксальная убеждённость в сохранении минимального достатка и доступного уровня цен при параллельной насыщенности рынка товарами и услугами по образцу стран Запада.

Однако рационально выявленные тенденции социального развития ясно указывают на то, что при изменении принципиального, фундаментального компонента системы (отношения собственности и типа управления народным хозяйством) меняется вся система социально-экономических отношений. Тезис (социалистичность экономики), вступая во взаимодействие с антитезисом (частная собственность на средства производства) ни при каких обстоятельствах не способен в неизменном виде сохраниться в синтезе (рыночные отношения).

Пролетариат и интеллигенция периода «перестройки» стремились вовсе не к рационально-диалектической синтезности на путях качественного повышения своей профессиональной квалификации на базе овладения технологиями научно-технического прогресса. Позднесоветское общество иррационально-психологически хотело стать банальной буржуазией, паразитарно обогащаясь за счёт мелкого акционирования в условиях работающего финансового капитализма при минимальных личных трудозатратах. Социальная память отлично помнит, что на уровне обыденных общественных представлений позднего советизма в народе бытовали фрейдистско-гедонистские фразы относительно уровня и характера потребления товаров и услуг в

предстоящем для всех капиталистическом будущем («надо почувствовать себя человеком!», «нам бы погнить как на Западе!»).

Славой Жижек очень точно определил сущность возникшей для нас во времена «перестройки» и господствующей сегодня идеологии потребления как «гедонистический цинизм», сущность которой выражается словами : «не верьте в великие идеи, наслаждайтесь жизнью, будьте внимательны к себе. Жизнь при этом – это ваши собственные удовольствия, деньги, сила, предпочтения»⁹⁹.

Психологически фундированное стремление тезиса стать не синтезом, но антитезисом сыграло с советским народом злую шутку – вместо развития по канонам марксистской диалектики, советское общество погрузилось в ретроградный процесс первоначального накопления капитала, распродажи общенародной собственности на средства производства и природные ресурсы, увязнув при этом в пучине бандитского капитализма.

«Перестройка-2» : рецидив распада

Реанимация процессов либерального распада структур социума, происходящая на границе первого и второго десятилетий XXI века получила в экспертном и журналистском сообществе наименование «Перестройки-2». Распад социальной самости («Я») проходил под лозунгами многонационального и многоконфессионального государства. Разрушение структур государственности («Сверх-Я») и нравственных оснований общества выражался в атаках на МВД и русскую православную церковь. Маниакальное желание вписаться в мировую глобальную экономическую систему далеко не на наших условиях (как вариант – перманентная устремлённость российской элиты во Всемирную торговую организацию) можно уподобить процессу встраивания собственной идентичности в структуры чуждой самости («Не-Я»).

Наблюдалась активация подспудно существующей в глубинах коллективного бессознательного интенции на мазохистское наслаждение

⁹⁹ Баранов О. Славой Жижек о брендах, видеоиграх и изнанке коммунизма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (дата обращения : 11.05.2024).

от процессов саморазрушения и самоотрицания («Танатос»). Это проявилось, в частности, в неудавшейся попытке запустить так называемую процедуру «десталинизации», инициированную крайне одиозными фигурами с далеко неоднозначной репутацией – М. Федотовым, бывшим министром печати ельцинского правительства, С. Карагановым, членом Международного консультативного комитета мондиалистской организации «Совет по международным отношениям», Н. Сванидзе, который болезненно-бессознательно извергает желчь личной родовой травмы, связанной с И.В. Сталиным.

Своеобразными индикаторами нового витка русского распада могли служить анонсированное на канале «НТВ» возвращение А. Кашпировского, расцвет популярности телевизионных «учебных пособий» по ценностной девальвации социально-коммуникативных связей у молодёжи («Дом-2», «Каникулы в Мексике»), популяризация примитивных юмористических программ («Аншлаг», «Кривое зеркало»). Одной из нашумевших акций по разрушению русских национальных архетипов в форме надругательства над чувствами православных верующих стал так называемый «панк-молебен» провокаторской группы с характерным названием «Вагинальная ярость» («Pussy Riot»).

Процедура активации параноидальных симптомов человеческой личности, связанная с абсолютизацией собственной субъектности и с самовозвеличиванием вылилась в конструирование советской социальной идентичности (СССР). Пробуждение из глубин индивидуального и коллективного бессознательного шизофренного психоза приводит к подрыву психического здоровья нации и к распылению социальной самости, что психологически разлагает общество, расшатывает моральные устои социума и может стать одним из факторов возможного демонтажа структур государственности.

Политическим преломлением «Перестройки-2» явились либеральные акции протеста так называемых «белоленточников» конца 2011-первой половины 2012 годов. Возвращение на пост президента Российской Федерации в 2012 году В.В.Путина похоронило планы либералов на возможность реванша. Однако дальнейшие события обострили внутривнутриполитическую проблематику, ядром которой стало столкновение двух тенденций развития: политических интересов и экономического прагматизма.

6.2. Политические интересы VS экономический прагматизм

Столкновение государственных и глобализаторских тенденций находит своё отражение в сфере внутренней политики современного российского государства в глубинном противоречии между патриотически ориентированными политическими интересами и глобалистски окрашенным экономическим прагматизмом. Социально-экономические корни дихотомии «политические интересы/экономический прагматизм» произрастают из фундаментального противоречия между индустриальным и постиндустриальным обществами, Модерном и Постмодерном, национальными государствами и либеральной глобализацией, промышленным и финансовым секторами экономики.

На уровне общественного сознания корни противоречий между политическими интересами и экономическим прагматизмом уходят в толщу истории идеологий и являются отголосками и новыми вариациями столкновений представителей консерватизма, отстаивающих установки на реализацию политических интересов, и адептами либерализма, ориентированных исключительно на экономическую прибыль.

Философские основания данной дихотомии угадываются в гегелевских противоречиво-диалектических взаимодействиях категорий «особенное» и «всеобщее». Хитросплетения особенного и всеобщего в мировой истории последних пяти сотен лет выражают себя в стремлении особенного (национальных государств) сохранить свою специфичность в контексте атакующего эту особость всеобщего (мировая капиталистическая экономика). В результате единичное (гражданин) помещён в контекст функционирования особенного (государство) на фоне всё возрастающей доминанции всеобщего (экономика).

Политика и экономика : конкуренция за статус всеобщего

Попытки выявления основного нерва современных политико-экономических коллизий в России приводят к столь популярной в экспертной среде метафоре о борьбе «двух башен Кремля» – «силовиков» и «либералов». «Силовики» ориентированы на реализацию политических интересов России, сохранения суверенитета и

безопасности страны. «Либералы» руководствуются бизнес-интересами мировой и российской экономической элиты и стремятся исключительно к максимизации прибыли в пользу олигархических структур, завладевших в первой половине 1990-х годов общенародной собственностью на природные ресурсы и средства производства. Представляется, что за этим, кажущимся крайне упрощённым и попахивающим конспирологией подходом скрывается основное противоречие по линии политика/экономика, определяющее характер и содержание не только российских, но и мировых процессов.

Проекты политического объединения тех или иных стран и регионов планеты опирались на военно-технологические механизмы и предполагали внеэкономически-директивное перераспределение продуктов и ресурсов. Результаты подобных попыток известны в истории как политически структурированные империи, опирающиеся на политическую волю их руководства. Шедшие параллельно процессы экономической регуляции социальных отношений порождали экономически структурированные империи.

Само собой разумеется, что политические и экономические принципы регулирования глобальных социальных отношений находятся в сложных диалектических взаимодействиях, взаимообуславливая друг друга. Однако вопрос о причинно-следственных взаимосвязях по линии политика/экономика сохраняет свою актуальность в те или иные периоды развития человечества в том или ином регионе земного шара.

Процессы, которые в европейской и российской интеллектуальной и экспертной среде на протяжении последних пяти десятков лет назывались вначале модернизацией, а затем глобализацией, фиксируют стадии экспансии всеобщего в виде распространения западного варианта капитализма. Победа в борьбе за статус всеобщего между политическими методами объединения человечества (Римская империя, Священная Римская империя германской нации, Российская империя, французская империя Наполеона, Третий рейх, СССР) и экономическими способами глобального доминирования (Карфаген, Венеция, Голландия, Великобритания, США) на текущий момент целиком и полностью остаётся за экономическими механизмами, представленными социально-экономической системой, называемой капитализмом.

Торжество капитализма как современной мировой системы фиксирует ситуацию, при которой экономические способы объединения человечества вышли за пределы политических границ государств финансово, социокультурно, информационно, и, наконец, промышленно. Современные транснациональные корпорации, бюджет которых зачастую перекрывает внутренний валовый продукт ряда национальных государств, являют собой промышленные следствия победы экономически заряженного капитализма над политически структурированными государствами.

Экономические отношения выражают себя в категориях эффективности, понятой как мультиплицирование количественных показателей, характеризующих процесс самовозрастания капитала. Капитал стремится себя приумножить, максимизировать прибыль посредством навязывания количественных характеристик любым социальным процессам.

Государство как играющий арбитр

Капитализм не в состоянии окончательно похоронить государство как институциональный механизм политической регуляции. Связано это с особенностями взаимодействия субъектов экономики. Экономическая система современного капитализма функционирует не только за счёт экономических рычагов – экономический ресурс способен себя реализовать только и исключительно с опорой на внеэкономические средства принуждения, то есть, при содействии со стороны государства.

Экономические законы не проявляют себя в безвоздушном пространстве, они реализуются на политически очерченном поле в строгом соответствии с политически заданными правилами. В этой связи имеет смысл утверждать, что субъекты экономической деятельности глобальной капиталистической экономики вынуждены опираться на военно-политические возможности своих национальных государств.

Подтверждением этому являются тенденции мирового развития последних столетий, которые убедительно демонстрируют нарастание конфликтного потенциала между различными государствами и транснациональными корпорациями в отношении природных ресурсов и рынков сбыта. Империалистический по своей социально-экономической природе конфликт европейских колониальных империй привёл к двум

глобальным мировым войнам, за которыми стояли устремления передела мира в интересах как промышленной (Германия), так и финансовой (США, Великобритания) буржуазии.

Политическая воля руководителей государств выступает в роли своеобразных арбитров на игровом поле, где происходит борьба мировых экономических бизнес-игроков. Более того, политические элиты доминирующих стран, будучи арбитрами матча, имеют возможность стать полноценными игроками, влияя на процессы получения, перераспределения и присвоения прибыли между различными международными бизнес-командами.

Хрестоматийные слова президента американской корпорации «Дженерал моторс» Чарльза Вильсона «что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для Америки» сохраняли свою справедливость до тех пор, пока корпорация была американской и располагалась в США, на которой трудились американские рабочие и благодаря которой осуществлялась трудовая занятость. Как только возникает ситуация, что производственные цеха той или иной транснациональной корпорации могут располагаться за пределами национального государства, то это резко снижает экономический эффект от её функционирования.

Процессы экономической интеграции России в мировую капиталистическую систему не носят исключительно объективно-детерминистского характера. Крайне неубедительными смотрятся либеральные утверждения о том, что за развалом Советского Союза, за крахом коммунистической системы, за движением нашей страны по пути форсированных капиталистических реформ стоят исключительно объективные процессы общемирового развития. Идеологическая позиция относительно утверждений о неизбежности торжества мирового капитализма мимикрирует под естественные и независимые от субъективной человеческой воли процессы. Эту идеологическую уловку Терри Иглтон удачно назвал «натурализацией», при которой социально-экономические явления искусственным образом наделяются статусом природного, естественного порядка вещей.

Идеологическая ангажированность социальных суждений наиболее ярко проявляется в периоды революционных потрясений, когда происходит радикальная смена социально-экономических отношений, ядром которых являются отношения собственности. Либеральные

идеологи выдают классовые интересы части руководителей СССР за торжество общенародных интересов в части их ориентированности на трансформацию общенародной собственности в собственность частную. Данный принцип соответствует у Т. Иглтона идеологической подмене, которую он обозначил как «универсализация» – то есть, наделение классово детерминированных идей статусом общезначимых или разумных¹⁰⁰.

Используя приёмы «натурализации» и «универсализации» в общественном сознании искусственно конструируется представление об отсутствии у любых социальных трансформаций благоприобретателей, своеобразных «бенефициаров процесса», усилиями которых готовятся и направляются социальные изменения. Бенефициарами буржуазной революции Б.Н. Ельцина стали представители части советской партийной, государственной и комсомольской элиты, отдельные представители теневого, криминального сектора советской экономики и акулы мировых финансовых и промышленных корпораций, в основном сырьевого сектора.

Приватизировав общенародную собственность, бывшие советские функционеры возжелали своей интеграции в мировую элиту, о чём мечтали ещё со времён популяризации позднесоветских идей о неминуемой конвергенции капиталистической и социалистической систем. Для реализации этой цели на протяжении 1990-х годов ими предпринимались усилия, с одной стороны, по распродаже промышленных и природных ресурсов России, с другой стороны, по концентрации собственности в своих руках и попытках легитимизировать свои капиталы на Западе.

В начале XX века доморощенные российские бизнес-элиты начали испытывать потребность в российском государстве в качестве пристрастного «играющего арбитра». Возникла в чём-то парадоксальная ситуация : для ведения бизнеса и легализации капиталов потребовалось наличие политически сильной России. Ситуация осложнялась тем, что новоявленную российскую элиту с капиталами сомнительного происхождения отказались принимать в мировой элитарный клуб в качестве полноправных коллег и партнёров. В результате наблюдается следующее : экономические каналы интеграции российской элиты на

¹⁰⁰ Eagleton T. Ideology: Introduction. London 1994. P. 40-45.

Запад блокируются, а политически представители высшего правящего класса в качестве такового воспринимаются исключительно у себя на Родине.

Национализация российской элиты

Процессам укрепления российской государственности способствовала также внутренняя политическая динамика. Российское чиновничество в коалиции с руководителями бизнеса столкнулось с насущным требованием сохранения государственности и обеспечения политической стабильности посредством расширения государственного сектора экономики и вынужденных усилий по подъёму уровня жизни граждан.

Логика внутривнутриполитических социальных процессов объективно содействовала тенденциям по «национализации» представителей политической элиты, которые успешно конвертируют своё политическое влияние в экономические предпочтения для своих родственников и друзей с целью извлечения прибыли, прежде всего, из российской экономики. Экономические интересы правящих слоёв всё более тяготеют к России, что провоцирует руководство страны к усилению военно-политических возможностей государства.

При этом собственность, счета и дети политического руководства зачастую связаны с Западом, то есть, социокультурно и финансово элита России интегрирована с Западом, а политически вынуждена конфликтовать с Европой и США во имя сохранения и приращения нормы прибыли от функционирования российской экономики.

Резкое обострение политической ситуации на Украине приблизило разрешение внутривнутриполитической российской дилеммы «политические интересы/экономический прагматизм». Преобразования последних тридцати лет были подчинены идее экономической интеграции России в мировую экономику, что подавалось как безусловное благо, которое якобы автоматически приведёт к качественному росту российской экономики, преодолению технологической отсталости и повышению уровня жизни граждан.

Однако вскоре представители российской элиты «открыли» для себя то, что изначально было и так понятно : в мировой экономике отсутствуют какие-либо механизмы справедливой конкуренции (!) и

свободного ценообразования. В мире идёт непрекращающаяся борьба за рынки сбыта и экономические преференции, что обеспечивается за счёт использования силовых ресурсов. Россию в мировой экономике если и ждут, то исключительно в качестве сырьевого придатка. Никто не хочет и не будет делиться природными ресурсами и прибылью, получаемой с тех или иных рынков сбыта, в конце концов, именно ревизии мировых экономических отношений между ключевыми игроками были посвящены две мировые войны.

Вступление России во Всемирную торговую организацию в 2012 году грозило обернуться ликвидацией целых секторов российской экономики. Однако «спасительный», в экономическом смысле, государственный переворот 2014 года на Украине, возвращение Крыма в состав России и военный конфликт на Донбассе спровоцировали резкое усиление подспудно всегда присутствовавших антироссийских санкций. Секторальные санкции Запада в отношении России на фоне начала Специальной военной операции привели к фактическому изъятию страны из спекулятивных финансовых процессов и ряда неравноправных экономических взаимоотношений, что закономерно привело к подъёму отдельных отраслей российской промышленности.

Таким образом, диссонанс между политическими интересами и экономическим прагматизмом является ключевым фактором, создающим сложности и порождающим противоречия современной российской политики. Выбор между политическими установками и экономической целесообразностью предопределит развитие России на видимую историческую перспективу.

Имеет смысл склониться к выбору той ситуации, в которой у нас присутствуют более сильные позиции. Выбор в пользу экономического прагматизма сохранит ресурсно-подчинённое положение России в структуре мировой экономики с перспективой крайне уязвимого военно-политического положения страны. В то время как следование политическим интересам с наращиванием военного потенциала государства открывает перед Россией широкие возможности политического влияния в мире, которое неминуемо повлечёт за собой определённые экономические преференции.

6.3. Патриотизм и глобализация

Проблематика патриотизма в современном мире напрямую увязана с судьбой национального государства в контексте процессов глобализации. В последние десятилетия нового XXI столетия в отечественном социогуманитарном сообществе сложилась устойчивая ассоциативная связь семантического обозначения политических тенденций эпохи Модерна через понятие «патриотизм», а противостоящих ей космополитических процессов Постмодерна посредством понятия «глобализация».

Семантически правильнее и исторически грамотнее было бы говорить не о патриотизме и глобализации, а о государственности и глобализации, или о патриотизме и космополитизме. Дуализм «патриотизм – глобализация» (а не «патриотизм – космополитизм» и «государственность – глобализация») несёт в себе скрытую коннотативную надежду на возможность симбиоза идей патриотизма с современным миром в контексте его глобализации, что сохраняет гипотетическую возможность сохранения патриотической идентичности индивида на фоне глобализационных процессов. Однако возможность симбиоза государственности и глобализации (патриотизма и космополитизма) представляется практически неосуществимой. Государственность и глобализация являются двумя взаимоисключающими тенденциями мирового развития.

Современное государство есть результат политически преломлённых тенденций по установлению нового типа общества – общества Модерна. Модерн связан с насаждением патриотизма и основывается на рациональной природе социальности, на признании национально-правовой гражданской идентичности как определяющей в структуре социума, на государственной локальности процессов формирования мировоззренческой среды формирования индивида. Ограниченность социализации рамками политически очерченных государств предопределило судьбу Европы и многих регионов планеты на протяжении пяти последних столетий.

Патриотизм и государственность

Центральной идеей политической идентичности эпохи Модерна был и остаётся патриотизм, абсолютизирующий принцип государственности и превращающий государство в абсолютную ценность на основе свойственной человеку естественно-биологической любви к своим предкам, к месту его появления на свет и к процессам собственного взросления и самостановления. Чувство биологической привязанности к предкам и пространству Модерн превратил для индивида в процессе его социализации в гражданские ценности, которые воплощаются в правовую систему прав и обязанностей.

В субъекте как продукте воспитательно-образовательных усилий государства преобладают политически мотивированные установки, связанные с культивированием субъекта в качестве гражданина. Доминанция этики долга направлена на сохранение государственно организованного социума в конкурентной среде иных государственных образований.

Патриотизм связан с процессами социализации индивида. Патриотизм относится к механизмам встраивания человека в социум, когда посредством интериоризации социально востребованных качеств происходит трансформация индивида в личность. Сознательный подрыв оснований патриотизма со стороны либералов посредством его противопоставления процессам развития критического мышления не выдерживает критики в силу того, что патриотизм – это чувство любви к Отечеству. Чувственная сфера бытия человека не тождественна его рациональной сфере.

Патриотизм фиксирует в идентичности человека его общность с семьёй, родным краем, нацией, предками, культурой и историей государства. Попытки избавиться от патриотических аспектов идентичности запустит постмодернистский проект создания существа, избавленного от любых форм коллективной идентичности, включая национальные, религиозные, государственные и гендерные.

Человек есть продукт социального творчества. Эмоционально-чувственная сфера бытия индивида формируется в социальной среде посредством целенаправленных усилий социума по воспроизводству общественных институтов. Патриотическая обусловленность эмоционально-чувственных факторов бытия индивида контекстом

семейных и государственных ценностей позволяет человеку функционировать в социуме на правах социально адаптированного субъекта.

Модернизационные изменения мира как экстраполяция опыта западноевропейской цивилизации на весь мир логически перерастает в изменения глобализационные. Подобно тому, как капитализм естественным образом трансформировался в империализм как в свою высшую стадию, так и модернизация не менее естественным путём перерастает в глобальную модель для всего мира, а Модерн перерождается в Постмодерн.

Либеральные модели глобализации указывают на унифицированную экономическую, финансовую, политическую и культурную идентичность всех народов. Корни этой идентичности произрастают на базе западноевропейской цивилизационной модели как образца для всей мировой цивилизации.

Данная мысль вызывает к жизни перерастание национально-государственных рамок, внутри которых формируется субъект (патриотизм) и выхода на уровень надгосударственных, мировых задач и трансграничных ценностей (глобализация). Глобализация ликвидирует традиционную модель государственного оформления социума и утверждает новые формы над- и внегосударственной идентичности населения планеты. Происходит отказ от прежних форм идентичностей (национальных, социальных, исторических, культурных, расовых, семейных и даже гендерных) и возникает ориентация на новые вариации идентичностей, связанных с представлением о субъекте как продукте мировых исторических процессов. Вместо патриота как гражданина своего Отечества появляется космополит как носитель мировых культурных и общечеловеческих ценностей.

Права, обязанности и долг гражданина трансформируются исключительно в права человека, элиминируя обязанности и чувство долга ввиду исчезновения границ приложения этих требований. Так как у мира границы отсутствуют (мир глобален), соответственно исчезает эксклюзивный объект (государство), требующий по отношению к себе выполнения специфических обязанностей, которые могут возникнуть только и исключительно на фоне и по отношению к иным объектам. Тотальность мирового капитализма предполагает рассмотрение человека

исключительно в безграничной экономической плоскости – как потребителя товаров и услуг, реализация потребностей которого обеспечивает функционирование системы глобального капитала.

Патриотизм	Глобализация
Чувство любви к Родине	Процесс нарастания унификации мира
Проект Модерн	Проект Постмодерн
Ценности внутри государственных границ	Трансграничность ценностей
Права гражданина	Права человека
Политические принципы	Экономическая целесообразность
Гражданин	Потребитель

Сбой процесса прозападной глобализации

Конец XX столетия являл собой ярко выраженную тенденцию к созданию глобального миропорядка. Политическими основаниями глобализации стало доминирование США и коллективного Запада как единственного и безусловного центра силы в мировой политике. Военно-политическая доминация Соединённых Штатов подкреплялось статусом доллара США в качестве мировой резервной валюты и главной единицей денежных расчётов. Экономической подоплёкой глобализации выступили процессы формирования единого мирового финансового рынка, складывание глобальной системы мирового производства, экономической специализации различных регионов планеты и возникновения системы глобального разделения труда.

Институциональными составляющими финансово-экономического единства мира стали наднациональные органы экономического, финансового и даже политического управления. Информационная же революция в сфере массовой коммуникации превратила весь мир в единый механизм, где процесс трансляции знаний, идей и ценностей приобрёл трансграничный характер, что нивелировало государственные границы в качестве границ культурных, ценностных и идеологических различий. Растворение границ различий стало подтачивать ценности локально ориентированного патриотизма. В мире

наметилась тенденция к доминированию космополитических ценностей и этики гедонизма общества потребления.

Однако первые десятилетия XXI столетия обнажили существенные противоречия внутри мировой экономической системы. В мире не произошло автономизации транснациональных финансово-экономических институтов от влияния и патерналистского контроля со стороны государственных структур. Институты глобального бизнеса продолжали ориентироваться на государственную поддержку, а их экономические возможности, логистические цепочки, трафик товаров и рынки сбыта обеспечивались государственным военно-политическим силовым ресурсом.

Ситуация усугубилась при нарастании тенденций перераспределения сферы производства в пользу государств Юго-Восточной Азии. Выяснилось, что превалирование сферы услуг так называемого «постиндустриального», «информационного» или «сервисного» общества не способно насытить рынок труда и приводит к колоссальным секторальным диспропорциям в экономике. Мир начал раскалываться на экономические макрорегионы, усилились протекционистские тенденции, мировая экономика фактически столкнулась с реалиями экономических войн между государствами. Политически данные процессы выразились в усилении сил, ориентированных на промышленные круги и государственные интересы своих стран, что вызвало к жизни установки экономического национализма и активизировало ценности патриотизма.

Пандемия как катализатор Танатоса

Радикальным катализатором усиления этатистских тенденций в современном мире явилась мировая пандемия 2019-2021 годов, объявленная в связи с распространением коронавирусной инфекции Covid-19. Угроза эпидемии обострила тектонические противоречия между государствами, которые залегают не только в социально-экономических отношениях, но и в сферах культуры, религии, идеологии, ценностей и национального менталитета. Государство выступило не только самым эффективным, но и единственным организационным механизмом, способным мобилизовать население,

сконцентрировать ресурсы и направить материально-технические возможности на борьбу с мировой пандемией.

Патриотизм	Глобализация
Коронавирус – катализатор противоречий	
Усиление национальных государств	Подрыв системы наднациональных структур
Распад мира на макрорегионы	Финансово-экономическое единство мира
Экономические санкции против России	Всемирная торговая организация
Торговые войны (США/Китай, РФ/Саудовская Аравия)	Фантазм «свободного рынка» (Транстихоокеанское и трансатлантическое партнёрства)
В. Путин, Д. Трамп, Б. Джонсон	А. Меркель, М. Макрон, Т. Мэй, Б. Обама
Правительства М. Мишустина и С. Собянина	Всемирная организация здравоохранения

Мировая пандемия актуализировала фундаментальные ценностные противоречия между чувством патриотизма и процессами глобализации. Патриотизм предполагает формирование в структуре мотивов индивида системы надсубъектных, надличностных ценностей, следование которым придают смысл не жизни, но смерти человека. Патриотизм активизирует и затем культивирует в человеке биологическую установку на собственную жертвенность с целью сохранения потомства и рода, а также развивает чувство альтруизма за счёт гиперболизированного усиления в структуре человеческой психики мотивов Танатоса как бессознательного стремления к смерти.

Наиболее распространённой формой Танатоса является любовь, предполагающая появление в жизни субъекта настолько ценного для него объекта, что он становится готов во имя него пожертвовать своей жизнью. Предельным основанием патриотизма и существенным ядром этого чувства является любовь к своей Родине, доведённая до страстного желания отдать жизнь за и во имя Родины. Именно такой возвышенно-жертвенный призыв лежит в основе плаката времён Великой Отечественной войны «Родина-мать зовёт!»

Логика глобализации с её космополитическими ценностями напрочь элиминирует идею смерти и принцип жертвенности. Субъект не должен задумываться о смерти, так как это может спровоцировать у него поиски смысла жизни, что в свою очередь, будет способно переориентировать его жизненные приоритеты от потребления товаров и услуг в сторону обретения высших смыслов, выходящих за пределы сиюминутных физиологических и психологических удовольствий.

Модель либеральной глобализации предполагает максимизацию в структуре психики центров удовольствия и стремления к жизни, так называемого Эроса. Гедонистическая ориентация смысложизненных ориентиров внегосударственного, вненационального, внекультурного, внесемейного и внегендерного индивида превращает его в ступок искусственно сконструированных потребностей и в самовоспроизводящуюся процедуру их удовлетворения в контексте функционирующей системы мирового капиталистического производства.

Иллюстрацией избавления глобализированного субъекта от разного рода идентичностей и смыслов может послужить рекламный слоган шоколада Сникерс: «Не тормози, сникерсни!» Призыв не использовать тормоз указывает на отсутствие границ и препятствий, перед которыми в силу необходимости следовало бы притормозить. Однако глобальность мира предполагает бесконечное и беспрепятственное перемещение. Мотив скольжения по поверхности явлений без погружения в сущностные глубины является одним из ключевых в постмодернистской философии, созвучной тенденциям либеральной глобализации.

Патриотизм	Глобализация
Коронавирус – активация предельной реальности – реальности смерти	
Отдать жизнь за Родину	Посвятить жизнь удовлетворению желаний
Придаёт смысл смерти	Убивает смысл
Доминирование Танатоса	Доминирование Эроса
«Родина-мать зовёт!»	«Не тормози, сникерсни!»

Таким образом, патриотизм и глобализация представляют собой формы проявления антагонистических противоречий в развитии современного мира. Данные противоречия связаны с принципиально разными по содержанию и направленностям тенденциями. С одной стороны, наблюдаются процессы формирования глобального мира с продуцированием космополитически и гедонистически ориентированного субъекта, с другой стороны, дополнительные импульсы получает стратегия формирования государственно и патриотически структурированного субъекта, в котором сохраняется потенциал социальной жертвенности. Представляется, что развивающееся противоборство и противоречивые комбинации этих тенденций будут определять вектор развития человечества в долгосрочной перспективе.

6.4. Российская стабилизация

Пробуждение суверенитета

Современная Российская Федерация стремится на практике отстаивать свой суверенитет и независимость, возвысить свой голос в международных вопросах, строго следовать своим национальным интересам. Целенаправленная политика России по возвращению себе статуса великой державы встречает противодействие ряда стран Запада, вводящих экономические санкции и осуществляющих политику военно-политических угроз в отношении нашей страны.

Самой эффективной гарантией мира является укрепление военно-политической мощи нашего государства. Руководство Российской Федерации последовательно проводит политику по укреплению обороноспособности государства. Президент России В.В. Путин постоянно отмечает приоритетность вопросов обеспечения безопасности и суверенитета России. Президент подчеркивает приверженность взятому курсу на техническую модернизацию и перевооружение российской армии, насыщению наших войск передовыми типами обычных и ракетно-ядерных вооружений. В частности, он указывает на постановку на боевое дежурство новейших комплексов гиперзвуковых ядерных ракет межконтинентальной стратегической системы

«Авангард» и ракетный комплекс с тяжелой межконтинентальной баллистической ракетой «Сармат».

Президент России перефразировал поговорку «Горе тому, кто слаб!», сказав, что «либо Россия будет сильной, либо её не будет вообще». Правота данных слов постоянно получает своё подтверждение. Россия на протяжении всей своей более чем тысячелетней истории вынуждена постоянно противостоять внешней военной угрозе. Не мы выбрали эти правила игры, но во имя собственного существования мы вынуждены подчиняться перманентно действующим законам политической борьбы и военного противостояния.

Система развития современной военной техники находится на пороге очередной революции в военном деле. Вслед за изобретением пороха и ядерного оружия грядёт революция, связанная с внедрением в военно-технические разработки искусственного интеллекта. Россия просто обязана инвестировать материальные, организационные и технические ресурсы в новые, качественно иные системы вооружений, которые позволят нашей стране сохранять военно-стратегический паритет в отношении любого потенциального противника.

Противники России не только декларируют свои агрессивные намерения, но и реализуют их на практике. В настоящий момент мы наблюдаем со стороны стран Запада во главе с США целенаправленные усилия по разрушению системы стратегической военно-ядерной стабильности. Вслед за односторонним выходом США из Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) в 2002 году, прозвучали взаимные декларации США и России о приостановлении своих обязательств по Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД).

В 2013 году США начали испытательные пуски с земли авиационной крылатой ракеты с дальностью действия в тысячу километров. А в декабре 2017 года президент Трамп подписал законопроект об обороне, который в числе прочих предусматривал выделение 25 млн. долларов на разработку новой крылатой ракеты данного типа. Денонсация договора РСМД поставит под вопрос Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), подписанного США и Россией в 2010 году. Это неизбежно приведёт к резкому усилению военной

эскалации в Европе и откроет путь к массовому размещению на европейском континенте баллистических и крылатых ракет наземного базирования с радиусом действия до 5000 км.

Угрозы в адрес нашей страны звучали и на 55-ой Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в феврале 2019 года. Министр обороны Соединённого Королевства Гэвин Уильямсон назвал Россию угрозой безопасности для Европейского Союза и призвал членов НАТО к рассмотрению возможности военной конфронтации со «старым противником» в лице Москвы.

Ещё одним полюсом стратегической напряжённости становится арктический регион. Арктика имеет стратегическое значение и является для России важнейшей ресурсной базой XXI века. В рамках реализации концепции арктической политики РФ происходит увеличений инвестиций в арктическую инфраструктуру. В Российских регионах Арктики находятся крупные месторождения золота, алмазов, никеля и олова. На территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов находятся основные центры добычи нефти и газа. Разведанные запасы природных ресурсов российского сегмента Арктики способны поддерживать прочную сырьевую базу России на десятилетия вперёд.

В этой связи Россия поддерживает и развивает военное присутствие в регионе силами Объединённого стратегического командования «Север», куда входят подводные и надводные силы, морская авиация, береговые войска и ПВО. Россия поддерживает оборону шельфа арктических морей и стратегически важный Северный морской путь.

Ни в коем случае нельзя согласиться с утверждениями, что десятилетняя война в Афганистане была ненужной и что якобы она содействовала процессам разрушения Советского Союза. Наше государство закалилось в этой войне, мы сформировали слой людей, сохранивших боевые навыки и способность к ведению боевых действий по защите нашей Родины. Боевой опыт афганской войны позволил нашей армии обеспечить безопасность во вновь образованных государствах на территории бывшего СССР.

Действия российских войск по принуждению Грузии к миру в августе 2008 года подчеркнули решимость России сохранять жизни и

отстаивать интересы своих граждан. События весны 2014 года по возвращению Крыма в состав России вернули нашу страну на авансцену мировой политики. Боевые успехи российских военно-космических сил в Сирийской арабской республике продемонстрировали всему миру военный потенциал России и нашу способность решать боевые задачи практически в любой точке земного шара.

Современные США путём финансово-экономических войн, политико-информационного давления и прямой военной экспансии пытаются навязывать всему миру свои интересы, основанные на реализации принципов финансово-экономического неравенства. На пути экспансионистских планов США находится Россия, против которой развязана война санкций и военно-политических угроз.

Апофеозом противостояния Запада и России на сегодняшний день стали события на Украине. Проводимая Россией с 24 февраля 2022 года Специальная военная операция явилась закономерной реакцией нашего государства на нараставшую десятилетиями военную угрозу со стороны блока НАТО. При этом обострение внешнеполитической ситуации и увеличение рисков для государственного суверенитета страны активно используются современной властной элитой России в собственных политических интересах, направленных на идеологическое нивелирование социальных противоречий.

Конвертация социальных противоречий и экспорт хаоса

Социальное бытие противоречий предполагает, с одной стороны, их объективное существование в качестве реальных общественных коллизий (уровень объективных потребностей), связанных с неравномерным распределением в обществе разнообразных ресурсов. С другой стороны, социальное бытие противоречий несёт в себе субъективный компонент, связанный с осмыслением различными субъектами социума этих противоречий (уровень субъективных интересов).

Провести чёткую фундированную границу между объективными и субъективными сторонами противоречий, между потребностями и интересами не представляется возможным. И объективное существование противоречий, выявляемых в процессе социального

взаимодействия и их субъективное отражение в сфере общественного сознания пребывают в диалектическом единстве. Степень собственной объективности в восприятии противоречий возрастает в глазах интерпретаторов этих противоречий по мере их приближения к власти. Соответственно, взгляд на природу и содержание социальных противоречий оппозиционных сил объявляется субъективным, поверхностным и не имеющим сущностных оснований в социальной реальности.

В этой связи крайне показательным является попытка описать противоречия с выгодной социальному субъекту стороны. В частности, В.И. Ленин представил природу, содержание и основания социальных противоречий в России начала XX века в нужном для своей революционной партии свете. Создатель первого в мире социалистического государства подверг марксизм существенной доктринальной корректировке, что обернулось расколом некогда единой РСДРП на большевиков и меньшевиков.

Лидер мирового пролетариата существенно скорректировал методологический подход К. Маркса к выявлению природы социальных противоречий, искусственно их нагнетая применительно к российским реалиям. Ленин чрезмерно широко трактовал понятие пролетариат, указав на наличие так называемого сельского пролетариата. С целью приближения пролетарской революции, он также предложил конвертировать социально-экономические противоречия в политические. Ленин не по-марксистски абсолютизировал политический и пропагандистский факторы складывания революционной ситуации, что позволило ему обосновать острую необходимость пролетарской революции в аграрной Российской империи.

С аналогичными мотивациями сталкивается современная российская власть, для которой главной и принципиально важной задачей является процедура легализации в общественном сознании итогов грабительской приватизации общенародной собственности в 1990-е годы. Идеологическим обоснованием своеобразного «экспорта хаоса» как результата конвертации экономических противоречий во внешнеполитические явилась статья В.Ю. Суркова «Куда делся хаос? Распаковка стабильности» (2021). Сурков обосновывает не просто возможность, но настоятельную необходимость нейтрализации

внутренних социально-экономических противоречий посредством внешнеполитической «утилизации» этих противоречий вовне, «на чужой территории»¹⁰¹.

Таким образом, основным идеологическим средством примирения широких народных масс с экономической несправедливостью распределения общенародных активов становится чрезмерная акцентировка действующей российской власти на объективно существующих внешнеполитических противоречиях России и Запада. Катализатором обострения отношений с Западом явился государственный переворот на Украине в феврале 2014 года, приведший к власти прозападные силы, взявшие антироссийский курс на интеграцию в структуры НАТО.

Военный конфликт России с Западом на Украине

Нагнетание напряжённости вокруг Украины и инспирируемая Западом эскалация военного конфликта является очередной стадией многовекового военно-политического давления Запада на нашу страну. Трудно не согласиться с установкой российского руководства на недопустимость размещения ударных вооружений на территории бывших союзных республик, в том числе, на Украине. Резкое сокращение полётного времени ракет, способных нести ядерные боезаряды способно радикально изменить соотношение сил на европейском континенте и во всём мире.

В частности, США в своей военной доктрине не отказываются от идеи превентивного ядерного удара по нашим военным объектам, допуская возможность выигрыша в ядерном боестолкновении. Ситуация, когда подобный удар может быть нанесён, пусть даже чисто теоретически, является неприемлемой угрозой для нашего государства.

В этой связи направленный в декабре 2021 года в адрес США и НАТО ультиматум о гарантиях безопасности России является мерой вынужденной, но оправданной. Нам приходится повышать ставки в противостоянии с военным блоком НАТО, это отвечает нашим фундаментальным интересам сохранения баланса сил на европейском

¹⁰¹ Сурков В.Ю. Куда делся хаос? Распаковка стабильности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html> (дата обращения : 11.05.2024).

континенте и связано с нейтрализацией военных угроз для нашего государства.

Начатая 24 февраля 2022 года Специальная военная операция на территории Украины ставит целью обеспечение безопасности нашего государства и защиту русского населения во вновь образованных субъектах Российской Федерации – Донецкой и Луганской народных республиках, а затем в Херсонской и Запорожской областях. При этом Специальная военная операция России на территории Украины выявила практическое преломление агрессивных планов Запада в отношении нашей страны.

Фактически прямая агрессия блока НАТО в отношении России выражается в поставках киевскому режиму В.Зеленского как защитных, так и ударных военных вооружений, куда входят противотанковые системы Джewelин, самоходные артиллерийские установки, высокоточные ударные комплексы HIMARS. Киевский режим получает американские дальнобойные ракеты ATACMS и британо-французские Storm Shadow/SCALP.

Блок НАТО стремится регулировать интенсивность военного конфликта на Украине, добиваясь его затягивания с целью экономического изматывания России. В этой связи военное руководство США и НАТО наращивает поставки Украине систем вооружений : зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот», немецкие танки «Леопард-1» и «Леопард-2», британские бронированные машины «Брэдли», а в перспективе – американские боевые самолёты F-16. Данные действия придают военному конфликту новый виток эскалации, что подрывает паритет в сфере обычных вооружений на континенте и не исключает применение сторонами тактического термоядерного оружия.

Обострение спектра противоречий с США и странами Западной Европы, а также весомая вероятность глобального ядерного конфликта с Западом провоцирует руководство России на подспудную выработку новой русской идеологии.

VII. НОВАЯ РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Построение новой русской идеологии видится в необходимости обогащения русского идеологического проекта философскими основаниями, ядром которых должна быть установка на реабилитацию идеологических форм организации социума и признание конфликтности в качестве естественного ингредиента развития общества и международных отношений.

7.1. Неизбежность русской идеологии

Элитарная боязнь идеологии

В современных политических реалиях проблематика идеологического содержания тех или иных политических процессов не только не получает должной артикуляции, но и всячески нивелируется, прикрываясь разного рода бессодержательными формулировками. Правящая на данный момент в России партия принципиально не акцентирует внимания на своём идеологическом содержании.

Действующий президент РФ в который раз запрограммированно побеждает на выборах без обнародования конкретной концептуальной идеологической программы и, по традиции, не участвуя в политических дебатах. Правящая политическая элита настойчиво обходит вопросы относительно социально-классовой природы современного российского государства, избегая идеологически окрашенных формулировок собственного правления. Идеология в современной политике становится «фигурой умолчания», о которой не говорят, но которую подразумевают «в своём кругу».

В общественном сознании с целью сохранения хрупкого социального мира создаётся ощущение того, что мы живём в некоем постидеологическом мире исключительно всеобщих общественных интересов, а идеологическая битва разгорается исключительно на уровне риторики в отношении политически и культурно чуждого России Запада. Между тем, без прояснения вопроса об идеологической сущности происходящих в стране процессов невозможен внятный и понятийно окрашенный разговор о дальнейших путях развития нашего государства.

Пробуждение русской идеологии

В преддверии столетнего юбилея Октябрьской революции Президент Российской Федерации В.В. Путин не мог не инициировать процедуру обнародования собственного отношения к событиям вековой давности и ключевым фигурам Коммунистической партии и Советского государства.

В частности, выступая 25 января 2016 года на межрегиональном форуме Общероссийского народного фронта в Ставрополе, Владимир Путин заявил, что наша страна должна «внимательно и объективно анализировать свое прошлое, чтобы не допускать ошибок, и выстраивать госстроительство и экономику для укрепления государства». Сталин «сформулировал идею автономизации будущего Советского Союза.

В соответствии с этой идеей все остальные субъекты будущего государства должны были войти в СССР на основе автономии с широкими полномочиями. Ленин раскритиковал позицию Сталина и сказал, что это была несвоевременная, неправильная идея... Ленин выступил за то, чтобы государство, Советский Союз образовался на основе полного равноправия, с правом выхода из Советского Союза. И вот это и есть мина замедленного действия под зданием нашей государственности»¹⁰².

Действительно, в статье 72 Конституции СССР 1977 года в разделе «Национально-государственное устройство» открыто предусматривалась возможность правового, предусмотренного конституцией, а значит, легитимного, распада государства. Этот принцип достался Советскому Союзу в наследство от эпохи первых лет советской власти: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР»¹⁰³. В целом сложно не согласиться с лидером нашего государства в оценке политической неустойчивости правовой конструкции советской государственности. Однако Президент Российской Федерации не решается (во всяком случае, пока) обнародовать идеи относительно другой «мины замедленного действия», заложенной под зданием существующей российской государственности.

¹⁰² Путин о Ленине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/337/> (дата обращения: 05.09.2019).

¹⁰³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1977. С. 57.

Речь идёт о статье действующей Конституции Российской Федерации, в которой за нашей страной отрицается право иметь собственную государственную идеологию. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. фиксирует в статье 13 пункте 2 положение, исключающее за нашим государством право быть государством: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Однако государство без идеологии – это есть образчик правового и политического абсурда. Если государство не хочет быть государством, то есть в суверенном от любых внешних влияний режиме обрисовывать желаемый образ своего будущего, определять цели своего развития и обозначать средства по их достижению, то на каком, собственно, основании оно называет себя государством.

Качественной характеристикой любого государства является возможность политически объединенных людей выстраивать свою жизнь в соответствии со своим идеологическим проектом. Более того, в России такой проект всегда носил мессианский характер. Увлеченность населения России в 90-х годах двадцатого столетия проблемами своего материально-финансового состояния и пренебрежение к проблемам идеологического строительства утвердили в общественном сознании мысль о том, что идеология нашему государству не нужна. Страна находилась в процессе демонтажа государственно-структурированной идеологии советского коммунизма. Любые намеки на утверждение новой российской идеологии вызывали у населения стойкое отторжение.

Вместе с тем, России принудительно навязывался прозападный либеральный идеологический проект, ставивший во главу угла приоритет материальных ценностей, приобретённых путём присвоения общенародной собственности и эксплуатации населения. Идеологическим лозунгом России 1990-х годов стал алчно-буржуазный принцип тотального и всестороннего обогащения при полном игнорировании нравственных принципов. Однако в первой четверти наступившего столетия мы наблюдаем следующую картину: как только разрушительная либеральная идеология начала разлагать сферу базовых констант существования социума – государственный суверенитет и национальную независимость – российское общество воспротивилось данным процессам.

Общественный запрос на идеологию

Социальный запрос российского общества на идеологию выкристаллизовывался под воздействием следующих ключевых событий – две военные контртеррористические операции федеральных сил в Чечне (1994-1995 и 1999-2000), агрессия НАТО против Югославии (1999), реакция России на агрессию Грузии в отношении Южной Осетии (2008), воссоединение Крыма с Россией (2014), Специальная военная операция на территории Украины (2022-2023). В части анализа тенденций по нарастанию общественного запроса на идеологию, имеет смысл провести беглый семантический анализ официально оформленной реакции органов российской власти на данные события.

9 декабря 1994 г. Президент России Борис Ельцин подписал Указ «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», положив начало событиям, которые будут впоследствии названы «первой чеченской войной». 26 декабря 1994 г. выступая на Совете Безопасности, Борис Ельцин заявил: «У нас заканчивается первый этап мероприятий, связанных с восстановлением конституционного порядка в Чечне».

Идеологическое обоснование необходимости применения силы носит в этот период преимущественно правовой характер и подаётся как «восстановление конституционного порядка». Стремление сохранить территориальную целостность России обосновывается правовыми доводами. Упование на либеральные способы оценки политических конфликтов, видящих в них, по большей части, лишь правовую коллизию, явилось индикатором пацифистских настроений в тогдашнем российском обществе.

Российское общество в своей подавляющей части не хотело вести войну, а значит было готово проиграть военную кампанию и преступно позволить либеральным СМИ «плясать на костях» русских солдат, которых либералы уничижительно называли «федералами». Результатом явился позорный для нашей страны Хасавюртовский мир 1996 года, отсрочивший вопрос о статусе Чеченской республики, что в 1999 году подвело нашу страну к угрозе политического распада.

Агрессия военного блока НАТО против суверенного государства Югославия в марте 1999 года вызвало гораздо более резкую реакцию

официальной российской власти. Речь шла уже не только о попрании правовых норм, реакция нашей страны носила нотки политического и морального осуждения агрессора, в которых проступала государственническая установка на возврат России к статусу полноправного игрока на мировой арене. Так, в официальном заявлении Президента Российской Федерации говорилось: «В России глубоко возмущены военной акцией НАТО против суверенной Югославии, которая является не чем иным, как неприкрытой агрессией. Фактически речь идет о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится»¹⁰⁴.

23 сентября 1999 года Президент России Борис Ельцин подписал Указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», предусматривавший создание Объединенной группировки войск на Северном Кавказе. Так называемая «вторая чеченская война» проходила в контексте политических мотивов под эгидой борьбы с международным терроризмом, угрожающим государственной целостности России.

Стратегические цели контртеррористической операции (которая, как и первая чеченская кампания, никогда ни политически, ни юридически не признавались войной) сформулировал Владимир Путин, тогдашний председатель правительства России. По его словам, необходимо было поставить заслон международному терроризму, проникшему в Чечню, предотвратить распад России, а также взять под защиту чеченское население, ставшее жертвой местных сепаратистских и экстремистских бандформирований.

Вторую чеченскую войну российское общество вознамерилось уже выиграть, заново обретая гордость за военные успехи своей армии и испытывая радость от военных успехов русских солдат. Победа над сепаратистами в Чеченской республике позволила российскому обществу не только сохранить своё государство от распада, но и

¹⁰⁴ Заявление Президента Российской Федерации. 24.03.1999 // Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Пятьдесят четвёртый год. 3988-е заседание. Среда, 24 марта 1999 года, 17 ч. 35 м. Нью-Йорк. Предварительный отчёт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/1491671/files/S_PV.3988-RU.pdf (дата обращения: 30.05.2024).

утвердить в общественном сознании идеологические ценности государственного суверенитета и политической независимости.

Первое проявление военно-политических возможностей Российской Федерации за пределами её административно-государственных границ произошло в августе 2008 года при отражении агрессии Грузии в отношении Южной Осетии. Возросшие пропагандистские возможности России и идеологическое значение данной военной операции сконцентрировано в её названии: «Принуждение Грузии к миру».

Правительство Российской Федерации во главе с его тогдашним председателем В.В.Путиным осуществило социальный запрос на реализацию интересов государства за его формально-правовыми пределами. Именно после югоосетинского конфликта с Грузией российское общество ощутило настоятельную необходимость в перевооружении армии для своевременной защиты нашей страны от внешнего агрессора.

Апогеем перехода к идеологическому самоопределению российского общества явился процесс принятия Крыма в состав России. Именно такое наименование получили данные события в официальных документах. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ звучит следующим образом : «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Однако в сфере общественного сознания содержатся совсем другие, не сухие либерально-правовые формулировки, но политико-патриотические наименования: «воссоединение Крыма с Россией», «возвращение Крыма домой», «возвращение Крыма в родную гавань».

Специальная военная операция на территории Украины катализировала чрезвычайно обнадеживающие тенденции в российском общественном сознании. Во-первых, Россия открыто заявила о готовности следовать своим государственным интересам в соответствии с открыто декларируемыми идеологическими установками. Во-вторых, во имя реализации своих идеологических ценностей российское общество готово вести не только информационную и идеологическую, но и военно-политическую войну с коллективным Западом.

Конфронтация России с Западом выражаются в прямых боестолкновениях вооружённых сил России с формированиями киевского режима, вооружаемого государствами НАТО, на территории Украины. В-третьих, в процессе многоаспектной конфронтации с Западом народ России готов во имя общих государственных ценностей пожертвовать определённой долей материального комфорта и личного благополучия.

Русофобская токсичность идеи тоталитаризма

В контексте выстраивания новой русской идеологии необходимо решительно порвать с семантической системой, навязанной нам врагами России. К одним из базовых политологических понятий, призванных дискредитировать Советский Союз относится термин «тоталитаризм», активно использовавшийся странами Запада в период холодной войны.

Термин «тоталитарный» изначально появился в фашистской Италии в 20-е гг. XX века и характеризовал создание сильного государства, контролировавшего социальные и экономические процессы. Тоталитаризм предусматривал полный контроль и жесткую регламентацию со стороны государства всех сфер жизнедеятельности общества.

Реанимация термина «тоталитаризм» произошла во второй половине 1940-х-начале 1950-х гг. в рамках идеологии антисоветизма с целью дискредитации в глазах европейского общественного мнения идей социализма и имиджа СССР как страны, победившей фашизм (Д. Белл, З. Бжезинский, К. Поппер, Х. Арндт). Признаками тоталитаризма провозглашались: единственная массовая партия; монополия существующая признанная всеми идеология; монополия государства на средства массовой информации; монополия государства на средства вооруженной борьбы; террористический контроль со стороны политической полиции; централизованная система контроля и управления экономикой. Тоталитаризм отвергает всякий плюрализм и разнообразие социальных интересов, стремится ликвидировать не только социальную, но и идеологический плюрализм, инакомыслие.

Теория тоталитаризма, придуманная в западных пропагандистских центрах в период «холодной войны» с целью дискредитации в глазах мирового общественного мнения Советского

Союза, идей коммунизма и принципов советской социальной справедливости, продолжает существовать и по сей день, являясь теоретической основой для дискредитации современной России. В этой связи необходимо со всей решительностью отвергнуть теорию тоталитаризма, столь глубоко пустившую свои ядовитые антисоветские корни в мировое и российское общественное сознание.

Именно теория тоталитаризма, уравнивающая советский и нацистский режимы, лежит в основании скандальной резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 года, приуроченной к 80-летию начала Второй мировой войны 19 сентября 1939 года «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Главная мысль резолюции – Вторая Мировая война стала следствием подписания пакта Молотова – Риббентропа и секретных протоколов к нему. Пакт «поделил Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй мировой войны».

Именно в продолжение идей тоталитаризма в начале января 2020 года польский сейм принял резолюцию, которая уравнила ответственность СССР и Германии за начало Второй мировой войны. В этой связи следует решительно поддержать позицию российского президента В.В. Путина, который 19 января 2020 года на саммите СНГ в Санкт-Петербурге выступил с часовой лекцией о причинах начала Второй мировой войны с цитированием архивных документов.

В частности, президент России отметил, что «договор между Советским Союзом и Германией был последним в ряду тех, которые были подписаны другими европейскими странами, как бы заинтересованными в сохранении мира в Европе. При этом хочу отметить, что Советский Союз пошел на подписание этого документа только после того, как были исчерпаны все возможности и были отклонены все предложения Советского Союза о создании единой системы безопасности, антифашистской коалиции в Европе».

Миссией нашего поколения должна стать защита от нападков на имя Иосифа Виссарионовича Сталина как Верховного главнокомандующего Красной Армии, под руководством которого советский народ одержал Великую Победу в самой кровопролитной – Великой Отечественной войне. Нам всем необходимо понять, что

антисталинизм во всех его разновидностях является элементом идеологической борьбы против нашего государства и нашего народа. Антисталинизм всегда перетекает в антисоветизм, а антисоветизм всегда был, есть и будет разновидностью русофобии.

Современная Россия: возвращение идеологии

В современном российском обществе конца первой четверти XXI столетия вызрел чёткий запрос на необходимость политико-правовой легализации государственной идеологии России. Ориентация общества на формулирование идеологии выглядит более чем естественным для любого здорового социального организма. Идеология есть система взглядов и идей, отражающая интересы больших социальных групп, классов и государств и навязывающая сознанию граждан определенную систему смыслов. Идеология служит цементирующим элементом общества, позволяет соединить народ в единое государственное целое.

Идеология дает людям мировоззренческие и поведенческие установки, которые позволяют гражданам осуществлять возложенные на них социальные функции. Господствующая идеология предстает как истинная для различных социальных групп за счет аберрации интересов – зазора между объективными потребностями людей и субъективным осознанием ими своих потребностей. Идеология способна выполнять ряд социально значимых функций. Идеология может интегрировать общество, превращая его тем самым в работоспособную организацию, сообщает ему определенные цели, идейно организует и направляет общественное развитие в определенное русло.

Социальные функции идеологий не всегда зависят от истинности содержания идеологических постулатов, так как целью идеологии чаще всего является следование интересам того или иного класса или социальной группы. Идеология, как правило, исходит из чувства веры и характеризуется не рациональными доводами, а лозунгами, традициями, желаниями, предрассудками, легендами, призывом к чувствам, ссылками на авторитет.

В основе любой идеологии лежат не разумные доводы, не научные знания, а вера, которая всегда носит характер догмы. Идеология обосновывает и утверждает в общественном сознании авторитет власти, мировоззренчески ориентирует отдельного человека – она придает смысл

его существованию, ценностно детерминирует его поведение, обосновывает и объясняет все происходящие события, устанавливает причинно-следственные связи и очерчивает перед человеком цели мирового развития, а значит, является неотъемлемой составляющей общественного бытия.

Мысль о том, что Конституция РФ не является некоей «священной коровой» и ее положения могут изменяться в соответствии с вызовами времени, все более овладевает умами граждан России. Первым свидетельством необходимости изменения Конституции РФ стало всенародное голосование о поправках в действующую Конституцию 2020 года.

Однако наша Конституция нуждается в более фундаментальном и качественном пересмотре своего содержания. Положения настоящей Конституции носят настолько расплывчато-неопределенный характер, что если вместо названия нашей страны в текст вставить название любого другого государства, то документ и в этом случае будет выглядеть логически стройно, связно и непротиворечиво.

Будучи калькой с западных правовых «стандартов», главный документ нашего государства не содержит в себе фундаментальных идеологических положений. Современное российское государство нуждается не в декларации приземленно-тривиальных вопросов, связанных с обеспечением гражданам условий комфортного существования, но в провозглашении стратегических идеологических основ, касающихся уникальных особенностей нашей страны и утверждающих мессианскую специфику государственного проекта под названием «Россия».

Необходимость появления идеологии является императивным условием развития нашего государства. Идеология является единственно возможной формой восприятия человеком социального мира, его отношения к этому миру и способов поведения индивида в социуме. Идеология наделяет социальную реальность смыслом и заранее повествует человеку об устройстве мира до того, как человек попытается ответить на этот вопрос самостоятельно.

Идеология является своеобразным условием индивидуального познания смыслов бытия социума и определения человеком своего места, роли и значения в социальном мире. Идеология выступает необходимым

трансцендентальным коммутатором между социумом как таковым и его осмыслением в сознании индивида. Именно поэтому идеология необходима нашему государству, а главным путём внедрения идеологического компонента в сознание подрастающего поколения была и остаётся целенаправленная государственная политика в различных сферах жизни общества, и, прежде всего, в сфере образования.

7.2. Идеология в образовании

Необходимость идеологии в сфере образования

В обществе Постмодерна развитие массовых коммуникаций протекает столь стремительно, что это не позволяет социальным институтам и общественному сознанию адаптироваться к новым тенденциям, сохранив привычные формы социальной организации и механизмы общественного воспроизводства индивидов. Данные тенденции затрагивают, в первую очередь, главный механизм социального и культурного воспроизводства – систему образования и воспитания.

Современное трансгосударственное развитие средств массовой коммуникации обуславливает распыление стройной системы национального обучения и воспитания. В педагогике нивелируется классическая схема взаимодействия по линии «учитель – ученик», «педагог – воспитанник». Глобализация размывает национально-государственные системы образования и воспитания, которые имеют тенденцию к трансформации во всепланетарный воспитательный процесс на основе неких изначально фундированных общечеловеческих ценностей и этических принципов, подкрепляемых общезначимыми объёмами «научной» информации.

В современном обществе возникают идеи неинституциональной педагогики (П. Гудман, И. Иллич, Ж. Гудлэд), возрастает роль экспериментальных, открытых и альтернативных школ, функционирующих на базе новых форм и методов образования и воспитания. Внедрение в процесс обучения технических средств, в частности, компьютера, порождает концепции единого обучения, заставляющего учащихся выполнять унифицированные

запрограммированные предписания (Б. Скиннер) и развитие обучения на основе персональных обучающих программ (Г.А. Кроудер).

Бихевиоризм привёл к распространению упрощённых форм педагогического воздействия, нацеленных на достижение конкретного результата, что порождает в обучающей педагогике распространяющийся феномен узкопрофессионального обучения и утилитарно-прагматических систем воспитания. Данный процесс катализирует эффективность применения бихевиористских трактовок образовательного процесса в области рекламно-маркетинговых программ, а также в сфере применения манипулятивных технологий в политике (т.н. политтехнологий).

Социально-когнитивные разновидности бихевиоризма (К.Л. Халл, Э.Ч. Толмен, А. Бандура, Д.Г. Мид, Г.С. Салливан) провоцируют современное распространение бессубъектных методов обучения, когда воздействие осуществляется не педагогом средствами духовного воздействия, а перепоручается т.н. «обучающим машинам», различным аудио- видео- образовательным программам, развитие и широкое применение которых подстёгивается революционно резким качественным и количественным ростом средств массовой коммуникации (радио, телевидение, интернет), с одной стороны, и развитием способов, форм и методов психологического воздействия на личность, с другой стороны.

Средства массовой информации (как т.н. параллельная школа) пытаются поставить на службу образовательным целям (учебное телевидение, пресса, радио- и телевизионные центры в школах). Возникают всеобщие базы данных и планетарные электронные системы, позволяющие обмениваться информацией миллионам пользователей.

Переизбыток информации в современном мире приводит к перегруженности сознания и, как следствие, к развитию манипулятивных технологий управления человеческим сознанием и поведением. Данные тенденции нашли отражение в концепциях «общества спектакля» (Ги Дебор), «симулятивного общества» (Ж. Бодрийяр). Процессы межличностной коммуникации трансформируются в обезличенно-анонимные формы общения (интернет-сообщества, интернет-блоги, sms-общение).

Образовательные процедуры отдаются на откуп современным носителям информации и новомодным программам развивающего обучения, воспитательный процесс из-под контроля семьи и государства перетекает в виртуализированный мир «симулякров» и сомнительных форм проведения досуга (компьютерные игры, киноиндустрия, интернет, низкопробная массовая культура, диктатура развлечений и удовольствий).

Современный человек перестаёт воспринимать себя в качестве связующего элемента между прошлыми и будущими поколениями. Формирование современной личности протекает не в режиме межпоколенческой трансляции ценностей, но в контексте информационного и мировоззренческого хаоса, в котором каждая точка зрения объявляется самоценной и имеющей право на существование. Эпидемия безродной толерантности к чужому «другому» приводит к забвению родного «своего», имеющего социально-исторические и культурные корни. Это приводит, с одной стороны, к развитию уродливых форм пренебрежения к собственной специфичности и уникальности, а с другой стороны, к восприятию культурных аномальностей и социально перверсивных способов бытия в качестве нормы.

Сознание современной молодёжи с настаивающей быстротой пронизывается самыми разнообразными потоками информации, в которых подрастающему поколению крайне сложно мировоззренчески адаптироваться к интересам своей страны и своего народа. Государственная пропаганда может сколь угодно долго и настойчиво убеждать современных студентов в необходимости следования традиционным ценностям, пропагандировать альтруизм, коллективизм и товарищество. Однако, как только студент включает телевизор или припадает к экрану смартфона, все государственные установки в момент «слетают». Молодые люди вновь становятся жертвами глобалистской пропаганды безграничного потребления, алчности, жадности и эгоизма.

Ситуация дефицита информации в СССР и постсоветском обществе сменилась запредельным переизбытком информации. Переизбыток информации представляет угрозу для автономного и суверенного бытия личности. Данная ситуация способствует размыванию духовно-нравственных устоев подрастающего поколения,

для многих из которых субъективная значимость и личностная уникальность себя и своего государства растворяется в агрессивно-информационном хаосе, ориентированном на сенсационность, а не на формирование устойчивых идеалов, способствующих конструированию государственной идентичности.

Перспективы формирования субъекта на базе диктатуры желания видятся в постепенном охлаждении субъекта к доминации физиологически продиктованных потребностей. Идеальная природа субъекта и его устремление к высшим смыслам в перспективе будет только нарастать. Уже сейчас видимые тенденции к возвращению идеальных смыслов порождают уверенность в возвращении социокультурных образовательных трендов советской и православно-монархической эпох существования нашего государства. Данные тренды ложатся в основу концепции человека политического, которому продолжает противостоять либеральная доктрина экономического человека.

Номо economicus VS homo politicus

В российской образовательной политике трёх последних десятилетий отчётливо просматриваются две взаимоисключающие друг друга парадигмы в интерпретации того, какой именно человек создаётся в результате целенаправленных социальных усилий по производству и воспроизводству гражданина. Образовательная система государства ориентирована на формирование либо потребителя, либо патриота. Условно эти парадигмы можно обозначить как: «homo economicus» (человек экономический) и «homo politicus» (человек политический).

Представление о человеке как существе чисто экономическом теоретически было обосновано, в частности, в рамках британской классической политэкономии. Адамом Смитом социальная природа человека сводилась исключительно к отношениям товарных взаимодействий с другими людьми. Определяющей особенностью человека считалась его «склонность к торгу и обмену» дарованиями с другими людьми.

В результате социально-экономического применения этой склонности общество представляет собой своеобразное предприятие по взаимовыгодному обмену продуктами дарований, которые, «собираются

как бы в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается»¹⁰⁵.

При этом социальное взаимодействие основано на принципе использования эгоизма другого человека к их взаимному интересу: «... человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Дай мне то, что тебе нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе»¹⁰⁶.

Эгоизм превращается в фактор социальной целостности и взаимовыгодной зависимости людей в рамках общества: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника, – отмечает Смит, – ожидаем получить мы свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»¹⁰⁷. Соответственно, государство рассматривается как один из инструментов реализации частных экономических интересов.

В рамках австро-американской школы, развивающей либеральные принципы классической политэкономии, усилиями Л. фон Мизеса была воспроизведена доминанта экономической составляющей в восприятии человеческой природы. Любое взаимодействие людей Мизес свёл к денежным отношениям, выстраивая следующую логическую цепочку: любое действие человека рационально, сферы рационального и экономического совпадают, а сущностью экономического являются денежные исчисления. Тем самым Мизес отождествил «рациональное» и «экономическое», утверждая, что «... область «экономического» – та же, что область рационального» и монетаризировал представление об экономике, сказав, что «чисто экономическое» – это всего лишь область, в которой возможны денежные исчисления»¹⁰⁸.

В российской политике 1990-х годов доминировала концепция *человека экономического*. На экономику как на нашу судьбу непрерывно

¹⁰⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. Эксмо, 2007. С. 79.

¹⁰⁶ Там же. С. 76-77.

¹⁰⁷ Там же. С. 77.

¹⁰⁸ Мизес Л. фон Индивид, рынок и правовое государство. СПб.: Пневма, 2006. С. 49.

молилось либеральное российское правительство, постоянно призывая население выстраивать рыночные отношения, которые якобы были способны автоматически расставить всё по своим местам и привести к экономическому процветанию.

Идеологический тренд этого периода сводился к тому, что необходимо покаяться, дискредитировать отечественную историю, предать проклятию и забвению деяния и память собственных предков, изъять себя из истории, провозгласить главным божеством деньги, развешать ценники на всё – от вещей до людей с их мыслями и чувствами, и волшебным-необъяснимым образом стать всем собственниками и предпринимателями.

Ориентация на сугубо экономическое восприятие социальной реальности привела к потере трети территории страны, обернулась сокращением численности населения, чудовищной интеллектуальной и нравственной деградацией народа, стремительной деиндустриализацией производственных секторов экономики, подрывом военно-технического потенциала. Усиленная пропаганда либеральных идей с их восприятием человека лишь как экономического существа (адептами которой явились Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Собчак, Г. Старовойтова, С. Юшенков, В. Новодворская, С. Ковалёв, В. Похмелкин) через искусственно вызываемые различного рода комплексы неполноценности привела к потере народом своей исторической памяти и фактическим уничтожением инстинкта национально-государственного самосохранения.

В России тенденция на рассмотрение сущности человека и смысла социальных взаимодействий с экономических позиций сохраняется в идеях безальтернативности либеральной проамериканской глобализации. Экономический взгляд на человека проявляется в воззрении, что ключ к решению всех проблем лежит в финансово-экономической сфере, в убеждении о якобы действующих в мировой экономике принципах равной и справедливой конкурентной борьбы. Одним из проявлений доктрины человека экономического стала, реализуемая под лозунгом экономической целесообразности, гибельная миграционная политика, сводящаяся к созданию рабочих мест для граждан иных государств.

Однако политика предоставления строго-приоритетного права работы русским по сравнению с иностранцами позволит оставить заработанные ими деньги в стране, укрепляя тем самым отечественную экономику, повышая платёжеспособность и благосостояние населения. Более высокие финансово-тактические издержки неминуемо обернутся стратегическим экономическим выигрышем. Либеральная экономическая политика естественным образом привела к фактической выплате странам Запада денежных репараций (под предлогом беспрепятственного вывоза капитала, выплатой внешнего долга, инвестирование средств «фонда национального благосостояния» в экономику США).

В первом десятилетии третьего тысячелетия с концепцией человека экономического начал конкурировать принцип *человека политического*, где человек воспринимается с позиций своих государственных интересов, как субъект исторического процесса, способный руководствоваться нематериалистическими идеалами и антиэкономическими принципами и определять мировую политику. Представление о человеке как существе политическом появляется в связи с возникновением нового типа социальной организации, при которой люди объединялись по национально-политическим признакам.

Новая форма общности явилась естественным и необходимым периодом в развитии человеческого общества, который начался в эпоху Нового времени, когда на смену средневековым патриархально-религиозным социальным связям пришёл иной принцип мобилизации населения на основе национальной и политической самоидентификации.

Концепция человека политического признаёт ведущую роль не экономических, но политических факторов, которые зависят от сознательной воли субъекта. Центральным же фактором, влияющим на протекание социальных, экономических, духовных процессов, является, по мнению консерваторов, деятельность государства. Государство выступает в качестве главного субъекта не только политической, но также социальной, экономической и правовой деятельности.

Ханс Фрайер, один из идеологов консервативной революции, критиковал либеральную концепцию человека как существа сугубо экономического за то, что она «превратила ценности в товары, людей в

рабочую силу, жизнь в хозяйство»¹⁰⁹. Появление концепции человека политического Фрайер связывал с тем, что «на место технических форм мышления, господствующих в индустриальной системе, приходят формы мышления Политического». Благодаря доминированию в сознании человека государственно-политических принципов, разрозненная человеческая масса превращается в «политически становящийся народ»¹¹⁰, который становится субъектом исторического процесса и хозяином своей судьбы.

Конфронтация двух моделей человека – экономического и политического просматривается в конкуренции двух парадигм в системе образования современной России – гуманистической и традиционалистской.

Конкуренция двух парадигм в образовании

Современный период развития России характеризуется попытками реализовать принцип суверенитета во всех областях экономической, политической и духовной жизни российского общества. На сегодняшний день в российской системе образования соперничают две доминирующие парадигмы – гуманистическая (личностная) и традиционалистская (авторитарная). За столкновением этих образовательных парадигм угадываются принципиально различные модели человека, что соответствовало интересам различных социальных сил.

Гуманистическая направленность отечественной педагогики активно проповедовалась во времена внутренней политической нестабильности нашего государства. В этой связи её носителями выступали, как правило, либеральные силы, которые руководствовались соображениями по созданию в России рынка дешевой рабочей силы для стран Запада.

Традиционалистская парадигма поднималась на щит в периоды восстановления государственности, утверждения государственных принципов. Поэтому её творцами и апологетами выступали политические силы, заинтересованные в создании высококвалифицированных специалистов для подъема отечественной

¹⁰⁹ Фрайер Х. Революция справа. М. Праксис, 2009. С. 66.

¹¹⁰ Там же. С. 89, 87.

экономики и формирования патриотически настроенных граждан для обеспечения интересов безопасности и государственного суверенитета.

В двух подспудно конфликтующих в российской системе образования парадигмах – гуманистической и традиционалистской сокрыта противоположность моделей человека экономического и человека политического ¹¹¹.

Сравниваемые показатели	Парадигма образования	
	Традиционалистская (субъект - объектная)	Гуманистическая (субъект - субъектная)
Основная миссия образования	Подготовка подрастающего поколения к жизни и к труду	Обеспечение условий самоопределения и самореализации
Аксиологическая основа	Потребности общества и производства	Потребности и интересы личности
Цели образования	Формирование личности с заранее заданными свойствами	Развитие личности как субъекта жизнедеятельности и человека культуры
Роль знаний, умений и навыков	Цель обучения	Средство развития
Содержание образования	Передача ученику готовых образцов знаний, умений и навыков	Созидание человеком образа мира в себе самом посредством активного полагания себя в мир предметной, социальной и духовной культуры
Положение ученика (студента)	Объект педагогического воздействия, <i>обучаемый</i>	Субъект познавательной деятельности, <i>обучающийся</i>
Ролевая позиция учителя (преподавателя)	Предметно-ориентированная позиция: источник и контролер знаний	Личностно-ориентированная: координатор, консультант, помощник, организатор

¹¹¹ Психология и педагогика высшей школы: краткий курс лекций для аспирантов, магистров, слушателей системы повышения квалификации и преподавателей / Сост.: Рыжкова И.В., Щербак Н.А. Саратов, 2013. – 134 с. С. 12-13.

Отношения обучающего и обучающегося	Субъект-объектные, <i>монологические</i> отношения: подражание, имитация, следование образцам. Соперничество преобладает над сотрудничеством	Субъект-субъектные, <i>диалогические</i> отношения – совместная деятельность по достижению целей образования
Характер учебно-познавательной деятельности	Репродуктивная (ответная) деятельность обучаемого	Активная познавательная деятельность обучающегося

Гуманистическая парадигма

Гуманистическая (субъект-субъектная, личностная) *парадигма* созвучна не только концепции «человека экономического», но и согласуется с постмодернистскими установками. Личностная парадигма в образовании декларативно утверждает приверженность развитию творческих способностей человека. Однако механизмы этого развития прописаны крайне туманно и не выходят за рамки красивых и бессодержательных формулировок о «развитии личности», «духовном росте человека», «нравственности», «самосовершенствовании» и «самореализации» индивида.

При этом открыто провозглашается отказ от знаниевой парадигмы. «Духовно нравственный человек» призван сформироваться вне знаний, автоматически, на базе уже имеющихся у него неких духовных потенциалов и волшебным образом предсуществующего ядра личности, способной к творческому самоопределению. Учитель рассматривается как пассивный «навигатор» в социальном мире, своеобразный партнёр, лишь направляющий учащегося по линии субъект-субъектных отношений, но не формирующий личность ребёнка.

Процесс либеральной и анархистской девальвации системы отечественного образования начался в России более столетия назад, в период утверждения дореволюционного либерализма. Речь, в частности, идёт об идеях свободного воспитания Константина Николаевича Вентцеля (1857-1947). В своём докладе «Свободное воспитание и семья» (1913) Вентцель отмечал: «Воспитание не есть умышленное

формирование ребёнка сообразно идеалу, но процесс освобождения творческих сил в ребёнке»¹¹².

Дом свободного ребёнка, организованный Вентцелем в 1906 году строился на принципах формирования у детей активного отношения к жизни, окружающей природе, к получению знаний. Процесс образования предполагалось заменить самообразованием, а воспитание превратить в самовоспитание. Ребёнок объявлялся изначально сформированной личностью, которому необходимо было лишь оказывать педагогическую помощь на основе собственной работы и личного опыта. Волшебным образом сформированный на базе самовоспитания и самообразования нравственный идеал ребёнка следовало положить в основание создаваемых свободно-самоуправляющихся сообществ людей.

Во «Всеобщей декларации прав ребёнка» (1917) Вентцель предполагал «отделить школу от государства» и установить гражданское равноправие детей и взрослых. Более того, за ребёнком признавалось право выбора воспитателей и, как бы сейчас сказали сторонники либерально-попустительской модели воспитания, выбор «индивидуальной образовательной траектории». Вентцель настаивал на том, что каждый ребёнок имеет право выбирать себе ближайших воспитателей и уходить от своих родителей, если они оказываются плохими воспитателями.

Данная мысль вписывалась в стремление либерального педагога реабилитировать социальный хаос: «Всем жаждущим порядка я могу в виде предостережения сказать одно: не бойтесь хаоса, он приведёт, в конце концов, к свободной и естественной гармонии, полной горячего кипения жизни, а больше всего бойтесь «образцового порядка», насаженного извне; образцовый порядок скоро заставит почувствовать свой леденящий холод, и там, где была кипучая жизнь, там наступит холодная тишина могилы»¹¹³.

Процедуры самоуправления, по мысли «прогрессивного педагога» начала XX века, лягут в основу формирования непонятно откуда взявшуюся и на каких принципах основанную «личную нравственность».

¹¹² *Мифоградский Э.* К.Н.Вентцель об эмоциональном благополучии детей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2013/12/15/715> (дата обращения: 09.06.2024).

¹¹³ Смирнов И.П. Свободное воспитание: утопия или предсказание? (К.Н. Вентцель) // Казанский педагогический журнал. № 4. 2020. С. 16.

Впоследствии Вентцель закономерно эволюционировал к признанию необходимости организации новой религии, основанной на ненасилии, отвержении какого бы то ни было догматизма и согласуемой с принципами космической педагогики – «Религия Творческого Развивающегося Бога – Единой Целостной Жизни и Вселенной»¹¹⁴.

Иное выражение государственно разрушительных либеральных абстракций можно увидеть в современных рассуждениях об «авторитарной» и «гуманной» педагогике. Руководствуясь целью прочувствовать весь масштаб пустопорожней и высокопарной болтовни представителей так называемой «гуманной педагогики», стоит таблично рассмотреть провозглашаемые этой «педагогикой» принципы на примере взглядов В.Третьяковой¹¹⁵.

Авторитарная педагогика	Гуманная педагогика
Строит свои отношения с детьми – воспитанниками и учениками – на основе системы поощрений и наказаний, то есть, принуждений	Исходит из идей духовной общности, сотрудничества и сотворчества, устремлённых от сердца к сердцу
Ориентирована на формирование знаний, умений и навыков и возносит процесс обучения	Направлена на облагораживание души, сердца и разума Ребёнка, а знания мыслятся как путь восхождения к цели
Довольствуется учётом психологических особенностей детей	Вбирает Ребёнка полностью и таким, какой он есть
Провозглашает постулат о подготовке подрастающего поколения к жизни	Воспитывает детей для жизни и с помощью самой жизни
Приспосабливает Ребёнка к жизни	Воспитывает преобразователя жизни
Монологична в своём общении с детьми	Ведет постоянный диалог с детьми
Образовательные процессы заформализованы и официальные, строго регламентированы, наполнены менторским тоном, призывающим воспитанников и учеников к долгу, обязанностям, внимательности,	Образовательные процессы следуют принципам сотрудничества, духовной общности, взаимопонимания, доверия, творящего терпения, свободного выбора, радости познания, любви.

¹¹⁴ Корнетов Г.Б. Апостол свободного воспитания (к 160-летию со дня рождения К.Н. Вентцеля) // Историко-педагогический журнал. № 4. 2017. С. 48

¹¹⁵ Третьякова В. Авторитарная и гуманная педагогика: черты различий // <https://proza.ru/2013/03/10/1400> (дата обращения: 05.06.2024).

послушанию, ответственности, непрерыванию	
Приемлет в качестве аксиом: зло наказывается, добро поощряется; лень порицается, усердие приветствуется	Строится на аксиомах: любовь воспитывается любовью; доброта воспитывается добротой; успех возвращается успехом; благородство воспитывается благородством
Консервативна	Инновационна
Вредит здоровью детей, провоцируя учителей, воспитателей, родителей на раздражение, грубость, угрозы, крики, ущемление достоинства, наказания	Профилактична и лечебна, ибо каждый Ребёнок находится в состоянии согласия, радости, духовной общности, любви, уважения

В этом плане крайне иллюстративными являются рассуждения современного российского педагога Льва Ляшко, руководителя программы «Интеллектуально-творческий потенциал России»: «Во многих школах очень профессионально учат по стандартной программе. Только вот зачем вы несколько часов в своей жизни изучали червяка на уроках биологии? Вам пригодились эти знания? Сейчас в Интернете про строение червяка вы можете узнать за пять минут. В школьной программе очень велика именно знаниевая компонента. В голову детям забивают много информации, которая может потом и не понадобится. В современном мире важнее всего научить человека находить нужную информацию и отсеивать ненужную и ложную, чем просто обрушивать на голову поток различной информации. Образование в первую очередь должно развивать детей»¹¹⁶.

Критериев и механизмов отсеивания «ненужной и ложной» информации от «нужной» Л. Ляшко не приводит. Измышления ограничиваются бессодержательными декларациями и пустопорожними рассуждениями о том, что «много информации просто не усваивается, действительно многое оказывается ненужным в жизни. А развивается ли ребёнок творчески или не развивается с точки зрения школьной программы уже особо не важно»¹¹⁷.

Другой ипостасью сознательной деградации российской образовательной системы является нарастающая формализация и

¹¹⁶ Ляшко Л. Сегодняшняя школа – это камера хранения детей // Гудок. Выпуск № 89 (25758). 29.05.2015. С. 6.

¹¹⁷ Там же.

бюрократизация в отношении учителей школ и преподавателей вузов. Бесконечные отчёты, обновление программ, балльно-рейтинговые системы, составление тестов различного типа, создание фондов оценочных средств, перевод информации в цифровой режим и прочие министерские требования, с одной стороны, несут в себе проявление бюрократической власти над учительским и научно-педагогическим сообществами. Власть работает именно так – подчиняет человека через постоянное осуществление им бесполезных трудовых операций и требует каждодневного выполнения массы формальных требований для отвлечения граждан от попыток реального решения насущных социальных проблем. С другой стороны, эти мероприятия направлены на девальвацию системы отечественного образования под благовидными предлогами её цифровизации, информатизации и инновации.

Знаменитый Индекс Хирша публикационной активности научно-педагогических работников есть символ формализации, свойственной любым бюрократическим процедурам. Стремление «всё посчитать», а затем представить количественные данные в виде схем, таблиц, графиков и формул позволяет бюрократически отчитаться перед вышестоящим руководством.

Взгляд Значимого Другого в лице начальства не предполагает анализа качественной составляющей производимой научно-педагогическим работником продукции. Качество ускользает и растворяется в процедурах формализации. Типичная и знакомая преподавателям «оценка» знаний примитивизирует знания студентов и школьников, редуцирует качественное содержание к количественному эквиваленту. Количественный эквивалент позволяет знанию (компетенциям, а впоследствии и профессиональной квалификации работника) быть социально представленным в качестве критерия общественной оценки в глазах Значимого Другого. Качественная оценка, присутствующая на уровне межличностной коммуникации трансформируется в количественные показатели. В частности, на институциональном уровне семьи власть родителей над ребёнком выражается в формализованном вопросе «Какие оценки в школе?»

Итак, гуманистическая парадигма образования в современных условиях фактически обслуживает интересы мирового капитала и транснациональных финансовых институтов. Она рассматривает

индивида исключительно с экономических позиций только как потребителя и видит в нём гедонистски-эгоистичное существо. Последовательная реализация абстрактных положений о правах, свободах и личностном росте прикрывает собой конечную цель так называемой гуманистической образовательной парадигмы – формирование потребителя, освоившего механизмы адаптации своих компетенций к рыночной среде, смыслом которой является неэквивалентная продажа своей рабочей силы на рынке труда в интересах собственника средств производства.

Традиционалистская парадигма

Традиционалистская (субъект-объектная, знаниевая) парадигма акцентирует внимание на трансляцию и усвоение обучающимися глубоких и прочных академических знаний, которые обуславливают умения, выражающиеся в навыках человека. Центральным компонентом образовательного процесса выступает учитель (преподаватель), а не ученик (студент). От содержания знаний преподавателя и его педагогического мастерства зависит процесс усвоения знаний и приобщение подрастающего поколения к ценностям. Традиционалистская парадигма выстраивает отношения по линии активный субъект (учитель) – пассивный объект (ученик). Ученик должен быть наполнен знаниями на базе сформированной познавательной мотивации и познавательных способностей. Личность рассматривается как закономерный продукт применения образовательных и воспитательных технологий.

Знания, умения и навыки (знаменитые ЗУНы) лягут в основу социального и профессионального роста человека, будут способствовать раскрытию его способностей на базе практикоориентированной информации о мире и способах управления им. Традиционалистская парадигма естественным образом ориентирована на стандартизацию системы образования, что является необходимым условием социализации индивида. Именно воспитательные (манипулятивные) воздействия на индивида произведут на свет гражданина, видящего своё место в социальном пространстве, умеющего применять полученные знания для самореализации, содействуя при этом величию государства.

Правовые атаки либералов на патриотическое образование и воспитание как на якобы недопустимые формы проявления политической деятельности государства в отношении подрастающего поколения не выдерживают критики. Образовательные и воспитательные задачи государства в отношении институтов образования не имеют отношения к политике как способа борьбы различных социальных субъектов за реализацию своих интересов с использованием механизмов государственной власти и управления.

Воспитательная и образовательная функция государства напрямую связана с формированием новых граждан. В случае, если государство отказывается от выполнения этой основополагающей миссии, то инициативу по конструированию субъекта перехватывают иные государственноческие субъекты, что выливается, в итоге, в феномены «релокантов» и «испугавшихся патриотов». Процесс формирования субъективности у части граждан нашего государства инвалидизируется, они ассоциируют себя с чуждым Значимым Другим.

Импантация Чуждого Другого в структуры самости по ходу реализации государством воспитательной и образовательной политики присутствовала на протяжении всей истории России. Воспитательные аномалии, с одной стороны, ярче высвечивали русскую государственноческую норму воспитания, с другой стороны, аномалии переваривались нормой, имплантируясь в неё и становясь ей. Таким образом Европа как Значимый Другой встраивалась в русскую идентичность. Чуждый Другой становился мною, моим Значимым Другим.

Традиционалистская образовательная парадигма стремится воспитать гражданина, наделённого социально значимыми ценностями. Воспитательная парадигма современной России обязана нивелировать тенденцию к конструированию человека-потребителя и должна строиться на актуализации в субъекте политических аспектов его бытия с акцентировкой на культивацию его гражданских и патриотических характеристик. Именно государство обязано отстаивать свои права на конструирование субъекта посредством контроля за механизмами социализации своих граждан, за наделением внутреннего мира человека смыслами, национальными ценностями и образцами патриотизма.

Государственные интересы России требуют радикальной переориентации сегодняшней образовательной и воспитательной политики. Граждане современной России будут чувствовать себя суверенными и свободными политическими субъектами, хозяевами своей истории и своего будущего, полноправными гражданами своего государства только в том случае, если в российской образовательной политике доктрина человека политического и принципы традиционалистской (авторитарной) педагогики окончательно утвердятся в качестве господствующих.

Иоганн Фридрих Герbart:

управление, обучение, нравственное образование

Педагогика представляет собой разновидность государственного управления, распространяемого на процессы социализации новых членов общества. Практическое преломление педагогических технологий включает в себя целенаправленное воздействие на мировоззрение индивида и превращение его в функционально полезного члена общества. Педагогика решает практические задачи по конструированию субъекта и воспроизводству общества в контексте реализации целей государственной политики, идеологии, процедур формирования индивида и управления им с использованием технологий манипуляции на базе усвоения знаний и трансляции культурных ценностей в качестве общезначимых способов социальной адаптации человека.

В этой связи крайнюю значимость приобретают педагогические идеи, которые исходят не из абстрактно-антигосударственных постулатов о самозарождении личности, но системы, предусматривающие представление о человеке как продукте авторитарно-целенаправленных государственных усилий по образованию и воспитанию полноценных социальных субъектов.

Педагогическая система Иоганна Фридриха Гербарта (1776-1841) считается образцом научной педагогики и рациональной дидактики, построенной на философско-психологическом основании. Идеи Гербарта представляют собой немеркнущий образец философско обоснованной технологии педагогического формирования полноценного гражданина в качестве патриота и защитника Родины. Педагогические идеи мыслителя были положены в основу немецкой педагогики XIX-

начала XX столетий. Фактически именно педагогику Гербарта воспел в своём великом изречении канцлер Германии Отто фон Бисмарк, заявивший, что франко-прусскую войну выиграл немецкий учитель и священник.

Система образования дореволюционной императорской России строилась во многом на идеях педагогики Гербарта. Отдельные положения авторитарной педагогики немецкого мыслителя использовались советской педагогической системой, что позволило в рекордно короткие сроки сформировать новый тип коммунистически ориентированного человека, который победил в Великой Отечественной войне и создал первое в мире социалистическое государство – СССР.

В произведении «Общая педагогика, выведенная из целей воспитания» (1806), немецкий мыслитель усматривает основу педагогики во взаимодействии учителя (субъекта) и ученика (объекта) во имя гармонии воли с этическими идеями и выработкой многостороннего интереса. Высшая цель обучения и воспитания – формирование идеала личности с морально сильным характером, базирующегося на ряде морально-нравственных идей, которые определяют основную цель жизни человека, состоящей в идеях совершенства, доброжелательности, права, справедливости и внутренней свободы.

Педагогические идеи Гербарта вытекают из психологических особенностей ребёнка. Воспитание воздействует через психику на чувства воспитанника, формируя его мировоззрение, круг мыслей, волю и характер. При этом авторитарная педагогика немецкого мыслителя строится на идеях патернализма воспитания – сильный и строгий отец (учитель) учит сына (ученика) правильно жить в целях подготовки сына к встрече с жизнью и выработке характера.

Формированию конечной цели педагогики – создание сильных характеров служит, по Гербарту, управление ребёнком, обучение и нравственное образование: «Управление, обучение, нравственное образование – вот три существенных начала, по которым должно излагать всю науку воспитания и которые намечают деление её на три части»¹¹⁸. Систематизированное педагогическое учение Гербарта предполагало, что каждый этап педагогического воздействия формирует

¹¹⁸ Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения в систематическом извлечении. М., 1906. С. 48.

соответствующее качество воспитуемого: управление – волю, обучение – добродетель, нравственное образование – характер.

Задача управления видится И.Ф. Гербарту в поддержании порядка и в устранении всех тех поступков, которые могут помешать процессу обучения, обеспокоить старших, повредить им и воспитуемому. Управление не предполагает формирование будущего человека, его нравственного характера (это цель нравственного образования). В этой связи немецкий мыслитель отводит управлению вспомогательную функцию, не считая управление частью «подлинного воспитания».

Управление формирует то, что воспитанник должен делать и от чего воздерживаться, прежде чем он приобретёт разумение. Обеспечение системы обучения необходимыми условиями требуют усилий по формированию в воспитаннике воли. Прежде чем ребёнок станет обладать волей, то есть будет сам управлять своими желаниями, он естественным образом следует беспорядочным природным порывам, капризам, проявляет «дикую резвость», которая бросает его из стороны в сторону, являя собой принцип беспорядка, нарушающий «устроенные взрослыми порядки и подвергает даже будущую личность ребёнка опасностям всякого рода». Чтобы обеспечить возможность обучения и нравственного образования, необходимо подавить эту «дикость», привести детей к порядку, «иначе беспорядок может быть поставлен в вину тем, кто смотрел за ребёнком»¹¹⁹.

Средствами управления выступают надзор, приказание, запрещение, угроза, наказание, умение занять детей, а также воздействие на них через силу любви и авторитета. Подобные установки явились основанием для рекомендаций о введении в учебных заведениях кондуита, карцера, слезки, а также использования телесных наказаний.

Однако Гербарт настоятельно рекомендует применение насильственных воздействий лишь в качестве необходимых условий для реализации иных педагогических методов: «Подчинение достигается силою; и сила должна быть достаточно большой и проявляться довольно часто, чтобы достигнуть полного успеха, прежде чем в ребёнке начнут обнаруживаться следы настоящей воли»¹²⁰.

¹¹⁹ Там же. С. 69.

¹²⁰ Там же.

Обучение, по мысли Гербарта, формирует у воспитанника знания, которые лежат в основании воли человека, определяющей его деятельность и поведение. Воля, которая служит мерой оценки нравственного достоинства человека, имеет своим источником круг представлений, так как она сама есть результат жизни представлений и находится под их влиянием. Поэтому главной задачей воспитания является забота о круге представлений: «Как слагается у воспитанника круг представлений, – это для воспитателя составляет всё, ибо из представлений возникают чувствования, а из чувств – правила поведения и образ действия»¹²¹.

Если «конечная цель обучения заключается ... в понятии добродетели» то «ближайшая цель, которую необходимо вложить именно в обучение для достижения той конечной цели можно выразить словами: многосторонность интереса»¹²². Интерес относится не только к волевой, но и к умственной сфере, это есть «умственная самодеятельность, вызываемая обучением и состоящая в том, что навстречу впечатлениям, получаемым в процессе обучения, в душе питомца поднимаются представления, являющиеся собственным свободным достоянием его души. Происходит процесс ассоциации этих ... представлений с новыми впечатлениями – представлениями и в результате новые представления усваиваются охотно, быстро, легко, прочно»¹²³. В основе появления у воспитанника интереса лежит его интуитивная установка на получение новых знаний, так как «нельзя же оставаться при одном знании. Кто удерживает то, что знает, и старается расширить своё знание, тот тем самым обнаруживает интерес к нему»¹²⁴.

Нравственное образование, по Гербарту, есть, «воздействие на душу ребёнка в целях её образования». Оно непосредственно направляет волю, желания, хотения и действия: «Обучение без нравственного образования есть средство без цели, а нравственное образование (или образование характера) без обучения есть цель, лишённая средств». Нравственное образование имеет своей задачей воспитание характера.

¹²¹ Гербарт И.Ф. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М., 1940. С. 29.

¹²² Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения в систематическом извлечении. М., 1906. С. 100.

¹²³ Гербарт И.Ф. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М., 1940. С. 30.

¹²⁴ Гербарт И.Ф. Главнейшие педагогические сочинения в систематическом извлечении. М., 1906. С. 100.

Характер же есть «форма воли, он пребывает в воле, но не в виде переменчивых желаний и прихотей, а в виде однообразия и твёрдости воли, – то, вследствие чего она именно такая, а не иная. Этот вид решимости и есть характер»¹²⁵.

Типы нравственного образования выделяются следующие:

- удерживающее – предостерегает воспитанника от дурных поступков, препятствует «рассеивающим переменам» в поведении ребёнка, культивирует послушание, обозначает известные границы, а непослушанию противопоставляет решительную твёрдость;

- определяющее – устанавливает поведение детей на основе указаний воспитателя и своего собственного опыта;

- на основе установленных правил поведения – самостоятельное рациональное направление своего поведения на базе осознанных правил поведения, которые им разъяснил воспитатель;

- поддержания спокойствия и ясности путём недопущения развития страстей, укрощения необузданных порывов через удаление возбуждающих предметов и картин, запрещение азартных игр, обучение искусству;

- морализирующее – укрепление в воспитаннике нравственных принципов и привычек нравственного поведения, «волнуя его душу» одобрением или порицанием;

- увещевающее – на основе сформированного нравственного характера осуществляется переход к самовоспитанию и свободе в условиях доминирования абсолютного авторитета воспитателя.

Таким образом, педагогическая система И.Ф.Гербарта являет собой образец философского обоснования идеи образовательного и воспитательного формирования субъекта, который не возникает естественным образом, но целенаправленно структурируется фигурой государственно ангажированного учителя. Содержательная сторона качеств формируемого субъекта явилась ареной идеологического столкновения различных антропологических проектов.

¹²⁵ Там же. С. 201, 199, 205.

7.3. Идеология грядущей России

Борьба антропологических проектов

Двадцатый век и первая четверть XXI столетия породили в России удивительное разнообразие и борьбу антропологических проектов, а их смена была настолько стремительной, что представители одного поколения успели прожить жизнь в принципиально разных экономических, политических, социальных и ценностных координатах.

Начиналось XX столетие под эгидой девальвации традиционалистского представления о человеке, сосредоточенного на фидеистском представлении о мире, тяготеющего к соборности и общинности в качестве единственно возможных форм социальной организации, сакрально-мистически воспринимавшего любые формы проявления политической власти и устремлённого к трансцендентно-религиозным ценностям.

Проект традиционалистского человека был естественным образом атакован курсом на индустриализацию, который персонально ассоциировался с политикой председателя правительства С.Ю. Витте. Россия эволюционировала в сторону индустриального общества, урбанизма и техницизма, что предполагало появление нового типа человека, изолированного индивида, рационально-прагматически выстраивающего стратегию собственного материального успеха.

Наряду с процессами индустриализации в крестьянской стране главными и насущными вопросами продолжали оставаться поземельные отношения, локомотивом развития которых была крестьянская реформа очередного председателя правительства Российской империи П.А. Столыпина. Реформа Столыпина продолжала собой запущенный буржуазный процесс так называемой «отмены крепостного права» и ориентировалась на создание на селе «крепкого индивидуального собственника». Земельный собственник призван был проникнуться духом буржуазных отношений, быть нацеленным на колонизацию необжитых земель и должен был отвергать традиционные формы общинного землевладения и общинности как отживающие механизмы хозяйствования и социальной организации.

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 года предложили новый антропологический проект, основанный на

коммунистическом представлении о человеке. Коммунистический человек представлял собой вариацию на тему постмодернистского представления о человеке. Уверенность в неизбежности мировой пролетарской революции порождала представление о человеке будущего, обладающего общечеловеческими характеристиками. Характеристики эти вытекают из его пролетарской, трудовой природы, они лишены специфической национальной, религиозной, государственной и самобытной культурной идентичности.

Предполагалось, что человек будущего должен раствориться в структурах социальности, имплантировав свои личностно-интимные характеристики в социум, что предполагало его бытовую коллективизацию и, как следствие, сексуальную раскрепощённость. Предпринималась также попытка демонтировать семью как носительницу пережитков прошлого, пронизанных архаичной моралью и сохранявших элементы патриархальных способов реализации токсичной микровласти.

Эпоха Сталина, фактически начавшаяся только в конце 1920х годов развернула антропологический проект последовательного коммунизма вспять, воссоздав проект человека Модерна в его советском варианте. Сталинский Модерн представлял собой планово-коллективистски выстраиваемую систему социальных и производственных отношений при обязательной установке на научно-технический прогресс в контексте уже не мировых процессов, но в рамках одного социалистического государства.

Экономический суверенитет и военно-политическая мощь государства провозглашались безусловными императивами. В социалистическом государстве возрождались семейные ценности на базе коммунистической морали, формализованной в «Кодексе строителя коммунизма». СССР был призван вести за собой «всё прогрессивное человечество», представленное не в качестве аморфной, внегосударственной массы тружеников, но структурированное в качестве отдельных суверенных государств и культурно самобытных народов.

Горбачёвская политика поздней «перестройки» конца 1980-х годов и буржуазная революция августа 1991 года возродили проект постмодернистского человека, но теперь уже не в коммунистической, а в

либерально-западной интерпретации. В российском обществе возобладали шизофреничные установки на слияние с прогрессивным мировым сообществом, социально-культурная «тоска по Западу» охватила все слои общества.

Товарный фетишизм, выражаемый в требовании «почувствовать себя человеком» и идеологическое раболепие перед Западом наиболее рельефно выражалось в стремлении приобрести «родные (то есть, аутентично-фирменные – М.Ч.) западные шмотки», что наиболее показательно выразилось в религиозно-потребительском поклонении перед сетью закусочных «McDonald's».

Сверхпопулярное обыденное суждение времён поздней «перестройки»: «Зачем нам космос, если нет колбасы в магазинах?» повлекла за собой катастрофические для государства изменения. Реформы 1990-х годов выразились в тотальном господстве прозападного потребительского либерализма, привели к фактической утрате страной части политического суверенитета и к потере финансово-экономической и технологической независимости.

К концу XX века либеральный проект постмодернистского человека «выдохся» на всех уровнях социума: на уровне массового сознания наблюдалась усталость от засилья низкопробных форм западной культуры, на уровне социальной психологии механизмы межгосударственной социальной мобильности выработали свой ресурс привлекательности, на уровне либеральной экономической политики произошёл дефолт августа 1998 года, на уровне внешнеполитических отношений следование либерализму привело к агрессии НАТО в отношении Югославии, и, наконец, курс на суверенизацию российских регионов привёл к фактической капитуляции России перед чеченскими сепаратистами и грозил обернуться развалом теперь уже российской государственности.

К началу XXI столетия Россия входила с решимостью изменения социальных отношений и подспудно стремилась к выработке нового идеологического, а значит и антропологического проекта, идеологическую направленность и идейное содержание которого можно выразить в формулировке «Назад к Модерну!»

Новый русский Модерн

Современная Россия сделала ставку на сохранение своего политического, экономического, культурного и идеологического суверенитета. Реализовать процесс подлинной независимости России на базе ценностей и установок Постмодерна представляется категорически невозможным. Современное российское государство, формируя личность, обязано сдерживать в определенных рамках социально деструктивные формы проявления человеческой природы, замороженные и легализованные Постмодерном. Государство обязано вернуться к ценностям эпохи Модерна и даже привести установки премодернистского отношения к реальности.

Возврат России к Модерну должен осуществляться посредством возвращения представления о государстве как коллективной личности. Государство как личность, персонифицированная в верховном правителе, объединяет в себе иные личности, то есть своих граждан. Существование индивидуального мира субъекта становится возможным благодаря его нахождению внутри надиндивидуального мира государства.

Идеологический проект нового русского Модерна периода правления В.В. Путина представляет собой специфический симбиоз разных идеологических эпох, что нашло своё наглядное воплощение на примере существующих государственных символов России. Герб современного российского государства содержит в себе геральдические элементы монархизма. Государственный флаг, синтезированный европейским модернизатором Петром I из цветов государственного флага Нидерландов, использовался в качестве государственного на торговых судах, официальным же монархическим флагом России выступал бело-жёлто-чёрный триколор. Мелодия гимна Советского Союза стала государственным гимном современной России.

Эклектичность государственной символики созвучна стихийно формирующемуся антропологическому проекту человека новой, современной России. С одной стороны, современный человек совмещает в себе ценности Запада, взятые в их протестантско-индивидуалистических вариациях : установка на персональный успех и карьерный рост, сведение личностных социальных достижений к

денежному эквиваленту, принятие эгоистичных условий экономической конкуренции в качестве естественных «правил игры».

С другой стороны, от эпохи православно-монархической России сохранился пиетет перед православием, вера в священную цивилизационную, либо религиозную миссию России, тоска по имперскому прошлому.

С третьей стороны – эпоха Советского Союза неявным образом присутствует в установках на социальную справедливость, в стремлении возродить государственническую мощь России, в желании интерпретировать государственную власть не только как выразителя своих частных социальных, экономических, политических интересов, но и в качестве гаранта от произвола крупного бизнеса и чиновничества.

Соответствующим образом, различные политические и идеологические силы современной России абсолютизируют ту или иную составляющую социальных характеристик современного поколения в плане собственного пиара и самоутверждения. Утверждение идеологических составляющих «проекта человек» происходит в контексте перманентных конфликтов между различными социальными субъектами, крайней формой взаимодействия которых является режим военно-политического столкновения.

Война как способ сохранения самобытности субъекта

Современная международная обстановка развивается в условиях крайне сложных геополитических и экономических реалий. Уровень и потенциал международной конфликтности не просто растёт, но и приобретает качественно новые и технологически более совершенные формы.

Принимая в расчёт данное обстоятельство, при разработке проекта новой русской идеологии необходимо исходить из установки на реабилитацию войны как способа сохранения разнообразных форм идентичностей – культурной, политической, идеологической. Новая русская идеология должна быть выстроена на безусловном признании принципа перманентной конфликтности как естественного способа бытия любых социальных образований на всём протяжении развития человеческой цивилизации. Необходимо постулировать очевиднейшие

вещи : в истории человечества состояние мира есть результат паритета военных потенциалов стран и народов.

Мир относителен, война – абсолютна. Войны ведутся постоянно и не только на поле боя, но и в сфере социальных отношений, экономики, политики, дипломатии, культуры, информации, в сфере образования. Сохранение странами независимости, суверенности и субъектности в современном мире становится возможным лишь при наличии военно-политических возможностей государств.

Использование военно-силовых методов преследует, в конечном счёте, цель сохранения собственной идентичности. Быть собой, следуя тем самым самобытному развитию и воплощая свои отличительные особенности – наивысшее счастье как для отдельного государства, так и для каждого человека. Нет ничего прекраснее, чем самоосознание своей непохожести, своего отличия от мира, свою принципиальную несводимость к иному. «Я» (человек, народ, нация, государство) ощущает себя центром бытия, хозяином своей вселенной, вселенной смыслов, сущностей, понятий. Вселенной, населенной людьми, звуками, красками, вселенной, которая есть его родной дом, которая есть он сам. Стремление «быть самим собой», самосохранить себя, осуществить заложенную свыше идею – в этом состоит главный смысл всего существующего в мироздании.

Граждане страны должны быть подобны звучащим в оркестре инструментам, где мировоззрение каждого человека, извлекаемая инструментом вонне музыка, выливается в гармонию звуков, в чудное музыкальное произведение, называемое государством. Воспитательная роль государства состоит в соединении множества человеческих душ вокруг общей идеи.

Государство, как и отдельный человек, ищет идеальный смысл своего существования, стремится отстоять факт собственного, независимого от других социально-политического и духовного бытия. Выработываемое в процессе воспитания самосознание субъекта сродни, таким образом, естественному стремлению наций и государств к самобытности и независимости. Либерализм же, выделяя человека из его социально-политического и духовно-мировоззренческого пространства (то есть из семьи и государства), уничтожает сущность человека, что можно сравнить с попыткой отделения черепахи от ее панциря или

доставания улитки из ее раковины с целью получения подлинной черепахи или улитки.

Воспитательно-передаточным звеном между индивидом и государством является семья. Семья должна рассматриваться как мини-государство, воспроизводящее государственные отношения на микроуровне. Отец в семье уподобляется в консерватизме монарху в государстве, дети и жена – его подданные. Семья намного раньше, чем государство, входит в жизнь каждого человека. Через семью человек усваивает социальные и культурные нормы, проходит начальные стадии процесса социализации. В здоровом государстве возможны только здоровые семьи. Распад государства всегда начинается с разложения семьи, с девальвации, прежде всего, семейных ценностей и норм организации внутрисемейной жизни.

Целью современной системы образования должна провозглашаться личность, понимаемая как социально активное основание общественной организации. При этом безусловной необходимостью является формирование в сознании подрастающего поколения чувства национальной идентичности, субъективной уникальности, патриотизма и гражданственности. Сохранение субъекта как условие сохранения самобытности, суверенитета и государственности будет невозможной без решительного разрыва с идеологическими ориентирами современной молодёжи на либеральные установки инфекционной толерантности и абстрактных прав и свобод человека.

Российская молодёжь:

тоска по имперскости и жажда социальной справедливости

Разрабатывая основы русского консервативного идеологического проекта, следует отметить принципиальные установки современной российской молодёжи как социальной группы будущей России. Российская молодёжь формируется родителями, чьё личностное становление относится к пограничному периоду между коммунистическим консерватизмом позднего Советского Союза и либеральной «перестройкой».

В этой связи и ценности, которые транслируются современному подрастающему поколению умеренно либеральны в ситуационно-

тактическом плане и консервативны в стратегическом аспекте. Молодёжь прочно усвоила либеральные установки, но проинтерпретировала их в условиях новой эпохи, что породило специфический симбиоз жизненных приоритетов и социальных ценностей.

В общественном сознании молодёжи современной России отсутствует перестроечная идеализация Запада и западного образа жизни как непререкаемой ценности. Современное поколение относится к либеральным западным установкам как к естественной среде своего обитания. К либерализму не надо стремиться, во имя торжества западных принципов ничем не следует жертвовать – это то, что уже есть в качестве неизменной социальной данности.

В то же время, на уровне идеальных социальных ожиданий прочно обосновалась установка на государственное величие России. Характерным выражением тоски по имперскому величию своей страны выразилось в вылившейся на улицы российских городов коллективной радости по поводу победы сборной России над командой Голландии в четвертьфинале чемпионата Европы по футболу 2008 года.

Ориентация современной российской молодёжи на идею социальной справедливости, берущей истоки в советском социализме, существенным образом трансформирует восприятие подрастающим поколением текущей либеральной реальности. Современная молодёжь чётко понимает, что эпоха первоначального накопления капитала и головокружительной социальной мобильности безвозвратно закончилась.

Современный либерализм ставит молодёжь перед фактом – собственность перераспределена, социальные лифты подъёма к стремительному социальному успеху уже не работают. Гипотетическая возможность эмиграции разбивается о реальность существующих социальных отношений, когда высокий уровень профессиональной квалификации позволяет комфортно обустроить свою жизнь и в России. К тому же выяснилось, что на Западе никто их не ждёт, а неизбежные социокультурные издержки превращают стремление уехать за границу в неоправданно рискованное мероприятие с крайне высокой степенью неопределённости.

Трансформацию претерпели и ценностные установки молодёжи. Оголтельный и вульгарно понятый либерализм прошёл «обкатку» в России и породил новую систему ценностей, в которой установка на личностную свободу и коммуникативный социальный комфорт подавила безусловное эгоистичное стремление к деньгам как наивысшей ценности. Современная молодёжь превозносит ценности дружбы, общения и семейного счастья в качестве приоритетных по отношению к невротичным условиям перманентной эгоистичной борьбы за материальный комфорт на фоне постоянной финансовой конкуренции.

Ценности либерализма современной молодёжи, трансформированные в духе государственности и коллективизма, в массе своей не дрейфуют бессознательно в сторону постмодернистских ценностей, но осознанно воспроизводят принципы Модерна в качестве Нового Модерна. Либерализм в молодёжной среде получает государственно-звучающее звучание, устанавливая принципы политического суверенитета, коллективистского достижения целей и установки на традиционные семейные ценности в качестве приоритетных. Российская молодёжь формирующегося Нового Модерна осознаёт безусловную ценность знания и профессиональной квалификации как непереносимых условий социального и личностного роста.

В этой связи приходится констатировать тщетность архаично-консервативных усилий по формированию в молодом поколении установок на приоритетность религиозной картины мира. Религиозное отношение к миру как безусловная ценность эпохи Премодерна не в состоянии получить статус доминирующей в современную эпоху Нового Модерна. Православие может выступать лишь как перспективная целевая установка в структуре личности, касающаяся проекции вневременного существования души.

Руководящим принципом обустройства земного бытия человека был и остаётся разум с его установкой на знания как наивысшую ценность и стремящегося преобразовать реальность на базе достижений научно-технического прогресса – именно эти ценности выработала и воплотила в жизнь европейская и русская/советская цивилизация в период Модерна.

За традиционную европейскую культуру против современного коллективного Запада

Культурно-цивилизационная специфичность России вновь заявила о себе как о проблеме в период резкого военно-политического противостояния Западу в контексте продолжающегося украинского кризиса. Введённые странами коллективного Запада против нашей страны санкции и широко развёрнутая «культура отмены» вызвали в российском политическом руководстве и в русском общественном сознании крайне резкую ответную реакцию. Антизападническая ориентация нашей экономики, политики и культуры спровоцировала желание российского общества к повсеместному «повороту на Восток».

При этом следует отметить, что переориентация России на Восток обусловлена исключительно политическими причинами, которые могут повлечь за собой глобальные социокультурные последствия. Природа общественного сознания в его русском варианте не знает оттенков и полутонов. За последние четыре десятка лет мы в корне меняли цивилизационные ориентиры нашего развития – мессианско-коммунистический проект спасения всего прогрессивного человечества сменился тотальным европоцентричным либерализмом, который, на фоне неизбежного военно-политического обострения отношений со странами Европы, перерастает в декларируемые цивилизационные антагонистические противоречия России и Европы.

Однако данный подход отличается скорее повышенным ситуативно-эмоциональным психологизмом, нежели взвешенным стратегическим анализом. Следует помнить, что Россия как централизованное монархическое государство, сложившееся в XVI веке, несло в себе следующие цивилизационные пласты : государственническая имперскость Золотой Орды, монархизм и религиозность византийского православия, а также европейская светская культура.

В этой связи крайне справедливы слова действующего министра обороны России Андрея Рёмовича Белоусова : «Россия может стать хранителем традиционных ценностей Запада. Отсюда говорить о том, что Запад наш враг, – неверно. На Западе существуют элиты ... и большие общественные слои, которые связаны именно с традиционными

ценностями. И здесь может оказаться, что Россия для них спасительная соломинка, которая дает им возможность еще что-то сохранить»¹²⁶.

Россия как европейская культурная периферия и «косплеер Европы» несёт в себе цивилизационные черты европейской цивилизации. Мы давно сами стали Европой, европейская цивилизация как Значимый Другой встретила в структуры нашей идентичности. Борьба с Европой смотрится как наша борьба с самими собой, с нашей собственной цивилизационной идентичностью.

В этой связи закономерно выглядят суждения В.Ю.Суркова о грядущем формировании, но уже «не в нашу смену» союза северных народов России, Европы и США, образующих «общее социокультурное пространство» – «Триединый северный геополитический кластер». Сурков резонно замечает, что широко используемое понятие «глобальный Юг» указывает на подспудное тяготение общественного сознания к формированию «Великого Севера», ибо «юга ведь без севера не бывает».

Основанием для создания северного союза народов являются общие социокультурные корни : «Общее будущее предопределено общими корнями. Три крупнейших северных цивилизации, русская, европейская и американская, в своем политическом развитии черпают вдохновение в образе Рах Romana. Слово старца Филофея до сих пор подспудно направляет Россию. Евросоюз провозгласил своим праотцом Карла Великого, «императора римлян». Самый известный холм Вашингтона назван в честь легендарного Капитолия»¹²⁷.

В этой связи курс на тотальный отказ России от европейских ценностей выглядит крайне нецелесообразным и странным. Имеет смысл чётко разграничить Европу Модерна, на базе которой развивалось наше государство особенно активным образом на протяжении последних трёх

¹²⁶ Лазарева О. «Крысить, хрючить и копытить». Что Белоусов говорил о России и мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rtvi.com/news/krysit-hryuchit-i-kopytit-cto-novuj-ministr-oborony-belousov-govoril-o-rossii-i-mire/> (дата обращения 16.06.2024).

¹²⁷ Сурков В.Ю. Рождение Севера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actualcomment.ru/rozhdenie-severa-2309262036.html> (дата обращения: 24.06.2024).

столетий, и Европу Постмодерна, ценности которой действительно чужды русским цивилизационным особенностям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальное насилие выступает формой проявления фундаментальных особенностей бытия общества – его внутреннюю противоречивость и присутствие негативной составляющей во всех наличных состояниях вещей, явлений и процессов. Технологии социального насилия ориентированы на производство и воспроизводство определённой модели социума. В процессе выявления причин и несущих конструкций социального насилия имеет смысл использовать методологический аппарат марксизма, структурализма, конструктивизма и структуралистского психоанализа.

Экстраполяция диалектического метода в плоскость анализа социальных отношений приводит к мысли о том, что статус тезиса (природного индивида) носит материалистический характер, однако материальность индивида подвергается воздействию идеального антитезиса (знаково-символическая социальная реальность). В синтезном результате формируется личность как продукт технологий социального насилия. В личности как носительнице социально используемого функционала сочетаются как материалистические (тезис), так и идеалистические (антитезис) факторы, которые в разных пропорциях и сочетаниях абсолютизируются теми или иными социальными концепциями.

Человек обречён на перманентный страх и постоянное недовольство условиями своего бытия, в котором присутствует подспудно осознаваемая субъектом истина смерти. Абстракции, идеализации и социальная суггестия призваны снизить накал экзистенциальных и социальных противоречий в сознании индивида, а также солидаризировать граждан с неискоренимым наличием в социуме несправедливости, коллизий и разнонаправленных групповых, классовых и государственных интересов. Идеализации суггестивно онтологизируются благодаря циркулированию в обществе идеологических установок и посредством использования пропагандистских механизмов для их популяризации.

Представление об автономном суверенном индивиде как изначальной единицы социального анализа игнорирует фундаментально значимые процессы фактического возникновения субъекта. Субъект есть

результат целенаправленного применения технологий социального воздействия и управления – экономического, информационного, символического, психологического, дискурсивного. Субъект властно порождён социокультурно детерминированными принципами организации жизни на базе различных общественных институтов и дискурсивно предопределённых социальных структур.

Структуралистский психоанализ расщепляет субъекта на сегменты символического, реального и воображаемого. Психоаналитическую структуру субъекта следует экстраполировать на представление о трёх социокультурных этапах развития социума – Премодерн, Модерн, Постмодерн. В эпоху Премодерна желания индивида репрессивно подавлялись. В эпоху Модерна у граждан было сформировано представление о возможностях контроля индивида как над государством через реализацию принципов демократического правления, так и над сферой бессознательного посредством рационального сдерживания и контролирования своих инстинктов.

В Постмодерне наблюдается «творческий союз» репрессивных структур государства со сферой бессознательного, что выражается в целенаправленном и искусственном формировании желаний и потребностей индивида. Современная власть капитала органично вписала дисфункцию (свободу) в систему институционализированного насилия (порядок). Властная система сначала заставляет субъекта «захотеть», а затем, чтобы удовлетворить сформированное желание, мягко, но безальтернативно принуждает его играть по правилам глобальной экономики финансового капитализма, воспроизводящей на более изошрённом уровне систему эксплуатации.

За наблюдаемыми западно-глобализаторскими тенденциями по размыванию разного рода идентичностей – государственных, национальных, религиозных, социальных, культурных, семейных, гендерных – просматривается процесс исчезновения субъекта в качестве суверенной индивидуальности. В этой связи передовым фронтом борьбы за субъектность в современном мире становится система образования и воспитания. Структурное разложение субъекта на символическое, реальное и воображаемое открывает перед воспитательными и образовательными технологиями методологический и манипулятивный простор для целенаправленного имплантирования в субъекта социально

обусловленных национально-государственных ценностей учителя как Значимого Другого.

Развал СССР и буржуазная революция августа 1991 года не укладываются в каноны классической марксистской диалектики относительно появления нового прогрессивного синтеза на базе доминирования объективного базиса над субъективной настройкой. Методология классического марксизма трактует социальные противоречия как объективно возникающие коллизии между эксплуататорами и эксплуатируемыми на базе несправедливого распределения ресурсов вследствие наличия отношений собственности и присвоения капиталистом живого человеческого труда посредством механизма прибавочной стоимости.

Объяснить позднесоветский феномен подмены синтеза (коммунизм) на антитезис (капитализм) возможно, признав активность идеологической надстройки по отношению к социально-экономическому базису, теоретически обоснованную в концепциях неомарксизма, структурализма и структуралистского психоанализа. На практике активность надстройки выразилась в успехе идеологической подрывной работы Запада в отношении СССР и привело к переориентации социального идеала советского общества с коммунизма на капитализм.

В современной России острота социально-экономических противоречий нивелируется их конвертацией во внешнеполитические через механизмы так называемого «экспорта хаоса» – выноса разрушительной социальной энергии вовне, за пределы социума. Сущность военно-политического столкновения по линии Россия-Запад имеет смысл свести к противостоянию двух тенденций формирования субъекта – модернистской (государственно-политической) и постмодернистской (экономико-капиталистической).

Постмодернистская, гуманистическая образовательная парадигма скрывает в себе обслуживание интересов транснационального финансового капитала, который заинтересован в производстве потребителя, гармонично встроенного в систему современной капиталистической эксплуатации.

Модернистская, традиционалистская парадигма образования рассматривает субъекта как результат целенаправленных усилий государства по трансформации индивида в гражданина. Рычаги

насильственного воздействия на индивида и формирование из него полноценной личности как гражданина сохраняются в руках государственных институтов власти.

Задача, стоящая перед современной Россией, сводится к крайне сложному процессу смены антропологических парадигм развития современного человечества. Человек экономический, желающий и требующий потребления, должен быть заменён новым типом человека политического, который руководствуется идеальными интересами сохранения и возвеличивания своего общества и государства.

Современная Россия сделала ставку на сохранение своего политического, экономического, культурного, идеологического и технологического суверенитета на базе фактических попыток выработки новой русской идеологии. Российское государство, формируя личность, обязано сдерживать в определенных рамках социально деструктивные формы проявления человеческой индивидуальности, размороженные и легализованные Постмодерном. Конструирование России как идеологически суверенного и цивилизационно уникального государства предполагает обращение к ценностям и принципам формирования субъекта эпохи Модерна с отдельными заимствованиями установок Премодерна.

Литература :

1. *Аверьянов В.В.* Цивилизация Потопа и мировая гибридная война. М.: Алгоритм, 2021.
2. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М., 2001.
3. *Андерсон П.* Истоки постмодерна / пер. с англ. А. Апполонова под ред. М. Маяцкого. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.
4. *Алексеев П.Ю.* Функция смерти в бессознательном : Ж. Лакан о теории З. Фрейда // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия Философия. Психология. Педагогика. С. 3-7.
5. *Алексеева Т.А.* Мыслить конструктивистски : открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. № 1 (14). 2014. С. 4-21.
6. *Алеман Х.* Идеология: мы в эпохе, эпоха в нас. М.: Горизонталь, 2023. – 174 с.
7. *Альтюссер Л.* Идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. № 3. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 15.06.2021).
8. *Альтюссер Л.* Ленин и философия. М., 2004.
9. *Альтюссер Л.* Преобразование философии // Неприкосновенный запас. № 85. (5/2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2799> (дата обращения: 08.05.2018).
10. *Андерсен Г.-Х.* Новое платье короля. М.: Детский мир, 1963.
11. *Афанасов Н.* Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Galactica Media: Journal of Media Studies. Т. 1. № 1. 2019. С. 43-61.
12. *Багдасарян В.Э.* Матрицы общественного сознания. М.: Издательство «Наше завтра», 2021.
13. *Бакурадзе А.Б., Комаров А.П.* Ценности казачества: содержание, динамика и механизмы формирования. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2022.
14. *Баранов О.* Славой Жижек о брендах, видеоиграх и изнанке коммунизма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (дата обращения : 11.05.2024).
15. *Бардин А.Л.* Патриотизм // Идентичность : Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. Ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 598-607.
16. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.Косикова. М.: Прогресс, 1989.
17. *Барт Р.* Мифологии. М., 2008.
18. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003.
19. *Бенсаид Д.* Спектакль как высшая стадия товарного фетишизма. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2011.
20. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.,

2004.

21. *Баун А.* Открывая капиталистический реализм. Новые времена с новым капитализмом ? От «капиталистического реализма» к эпохе шансов на выживание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/21956> (дата обращения : 30.03.2020).
22. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
23. *Берарди Ф.* Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2019.
24. *Бёкенфёрде Э.-В.* Понятие политического как ключ к работам Карла Шмитта по государственному праву // Логос. № 5 (89). 2012. С. 158-177.
25. *Бильченко В.В.* Сентиментальное насилие либерализма : от шока к китчу. СПб.: Алетейя, 2021.
26. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
27. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2007.
28. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2011.
29. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. М., 1996.
30. *Болдырев И.А.* Диалектика бытия и ничто в «Науке логики» Гегеля: основные черты и проблемы спекулятивного метода // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 3. С. 3-10.
31. *Борисов Д.* Как читать Жака Лакана. Инструкция для тех, кто пока ещё не понял, чем Символическое отличается от Воображаемого и Реального. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorky.media/context/kak-chitat-zhaka-lakana/> (дата обращения: 24.04.2023).
32. *Борисов С.Н.* Мистики насилия: от Гегеля к В.Беньямину и А.Кожеву // Философия войны и мира, насилия и ненасилия/ Под ред. В.П.Римского. М.: Академический проект, 2019.
33. *Брэмс Стивен Дж.* Математика апокалипсиса: теория игр и карибский ядерный кризис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/436066/> (дата обращения: 20.04.2023).
34. *Букин Д.* Ещё не пролитая кровь отражается на лету. О книги Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gorky.media/reviews/eshhe-ne-prolitaya-krov-iskazhaetsya-na-letu/> (дата обращения: 11.04.2023).
35. *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб., 2007.
36. *Бурдые П.* Начала. М. : Socio-Logos : Фирма «Адапт», 1994.
37. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
38. *Бурдые П.* О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / Ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер ; пер. с фр. Д. Кралечкина и П. Кушнаревой ; предисл. А. Бикбова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.

39. *Бьерг У.* Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма». М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
40. *Вайсман Д.* Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
41. *Власова О.А.* Психиатрический дискурс во французской философии XX века. СПб., 2019.
42. *Власова О.А.* Опыт безумия и ничтожение бытия: от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия «Философия». 2008. № 3(14). С. 73-82.
43. Г.В.Ф. Гегель : pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., вступ. статья и комментарии И.И. Евлампиева. СПб.: РХГА, 2023.
44. *Гавра Д.П., Декалов В.* В. Коммуникативный капитализм: методологические предпосылки и парадигмальное позиционирование // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 21. № 1. 2018. С. 27–43.
45. *Гегель Г.В.Ф.* Иенская реальная философия // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М., «Мысль». 1970.
46. *Гегель Г.В.Ф.* Кто мыслит абстрактно ? // Работы разных лет. В двух томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1970.
47. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: «Наука», 1993.
48. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
49. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Том IV. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. М., 1959.
50. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Том 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974.
51. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М., 1994.
52. Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. М., 2002.
53. *Гэлбрейт Д.* Новое индустриальное общество. М.-СПб., 2004.
54. *Данько С.* Аксиология негативности // Онтология негативности: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.Г.Драгалина-Черная. М., 2015. С. 202-214.
55. *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000.
56. *Дегтерев Д., Дегтерев А.* Теория игр и международные отношения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/6c5/6c5bda17327825237d0eb1bflaa4d858.pdf> (дата обращения: 14.04.2023).
57. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2008.
58. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.; СПб., 1998.
59. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч ред. А.Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

60. *Джеймс Э.Л.* Пятьдесят оттенков серого. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/e-l-dzheyms/pyatdesyat-ottenkov-serogo/chitat-onlayn/> (дата обращения: 24.12.2018).
61. *Дженкинс Г.* Конвергентная культура. М. : РИПОЛ классик, 2019.
62. *Джервис Р.* Восприятие и неверное восприятие в международной политике/ Пер. с английского Т. Ованнисяна. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022.
63. *Диксит А.* Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / А. Диксит, Б. Нейлбафф. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
64. *Дин Д.* Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29. № 6. 2019. С. 85-114.
65. *Дин Д.* Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению // Communications. Media. Design. Т. 2. № 3. 2017. С. 152-165.
66. *Дмитриев А.В., Зальсин И.Ю.* Насилие: социо-политический анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. - 328 с.
67. *Добреньков В.И.* Психоаналитическая социология Эриха Фромма. М., 2006.
68. *Долар М.* Не прикасаться! [О понятии запрета] // Новое литературное обозрение. № 1(119). 2013. С. 433-437.
69. *Дугин А.Г.* Боги чумы : геополитика эпидемии и «пузыри ничто». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/bogichumy-geopolitika-epidemii-i-puzuiri-nichto> (дата обращения: 11.04.2020).
70. *Дугин А.Г.* Международные отношения (парадигмы, теории, социология) : Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2014.
71. *Дугин А.Г.* Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М., 2009.
72. *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект ; Трикта, 2010.
73. *Дугин А.Г.* *Politica Aeterna.* Политический платонизм и «Черное Просвещение». М.: Академический проект, 2021.
74. *Дьяков А.В.* Жак Лакан. Фигура философа. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 560 с.
75. *Елисеев А.В.* Идеология как синтез политических идей // Социальная реальность и идеи. Социально-философские, культурологические, юридические, экономические аспекты. Материалы межвузовской научной конференции. М.: Московский педагогический государственный университет, 2009. С. 106-111.
76. *Елисеев А.В.* Социализм с русским лицом. М.: Алгоритм, 2007.
77. *Емельянова Ю.П.* Насилие как социальный фактор : его генезис и эволюция. Дисс... канд. филос. наук. Севастополь, 1997.
78. *Жижек С.* Вещь из внутреннего пространства // Художественный журнал. 2000. № 32. // <https://moscowartmagazine.com/issue/82/article/1795> (Дата обращения: 30.05.2024).
79. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

80. *Жижек С.* Гегель в подключенном мозге / Под ред. Виктора Мазина и Олеуш. СПб.: Скифия-принт, 2020.
81. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню реального. М., 2002.
82. *Жижек С.* Как читать Лакана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dreamwork.org.ua/славой-жижек-как-читать-лакана/> (дата обращения: 07.05.2018).
83. *Жижек С.* Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности. М.: Издательство АСТ, 2016.
84. *Жижек С.* От запрета наслаждения к наслаждению запретом // Новое литературное обозрение. № 1(119). 2013. С. 16-27.
85. *Жижек С.* О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010.
86. *Жижек С.* Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М., 2011.
87. *Жижек С.* Событие. Философское путешествие по концепту. Перевод с английского Д. Хамис. М.: Рипол-Классик, 2018.
88. *Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.
89. *Жижек С.* Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014.
90. *Жуков В.Н.* Бессознательное и власть: классический психоанализ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024.
91. Заявление Президента Российской Федерации. 24.03.1999 // Организация Объединённых Наций. Совет Безопасности. Пятьдесят четвёртый год. 3988-е заседание. Среда, 24 марта 1999 года, 17 ч. 35 м. Нью-Йорк. Предварительный отчёт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitallibrary.un.org/record/1491671/files/S_PV.3988-RU.pdf (дата обращения: 30.05.2024).
92. *Змановская Е.В.* Основы прикладного психоанализа. СПб., 2005.
93. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
94. *Казанцев А.А.* «Конструктивистская революция», или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivistiskaya-revolutsiya-ili-oli-kulturno-tsivilizatsionnyh-faktorov-v-sovremennoy-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 11.04.2023).
95. *Капустин Б.Г.* Обуздание негативного. Критика современности. Ереван: Fortis Press, 2024.
96. *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. М., 1996.
97. *Киреев Г.Н.* Живой труд, овещнение и власть // Преподаватель XXI век. № 1. 2010. С. 290-299.
98. *Киреев Г.Н.* Социальное насилие. М., 2005.
99. *Кожаринова А.Р.* Массовая коммуникация как взаимодействие дискурсов: аналитический потенциал теории четырех дискурсов Ж. Лакана // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 157-166.

100. *Кожевников А.В.* Русский патриотизм и советский социализм. М.: Прометей, 2017.
101. *Кольев А.Н.* Политическая мифология : реализация социального опыта. М., 2003.
102. *Кондратьев К.В.* Фантазм как способ конституирования социального субъекта в современную эпоху // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Кн. 1. 2012. С. 70-76.
103. *Корецкая М.А.* Признание и негативность : полемика вокруг диалектики господина и раба // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 17. Выпуск 3. С. 115-126.
104. *Корнев В.В.* Философия повседневных вещей. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
105. *Корнев В.В.* Эгоистичный ген идеологии // Идеи и идеалы. № 3 (25). Т. 2. 2015. С. 140-149.
106. *Корнев В.В.* Эгоистичный мем идеологии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020.
107. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977.
108. *Кремлев А.Г.* Основные понятия теории игр : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та. 2016.
109. *Кудряшов И.* Что нужно знать, чтобы понимать Лакана, да не у кого спросить. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wik-bez.ru/archive/zine_number496/zine_clever501/publication525 (дата обращения: 16.01.2019).
110. *Кузнецова Т.Ф., Уткин А.И.* История американской культуры. Учебник для вузов. М.: Человек, 2010.
111. *Кургинян С.Е.* Исаев и Иаков. Судьба развития в России и мире : в 2-х томах. Том 1. «Перестройка-2». М., 2009.
112. *Курлански М.* 1968. Год, который потряс мир. М., 2008.
113. *Куттер П., Мюллер Т.* Психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. М., 2011.
114. *Лазарева О.* «Крысить, хрючить и копытить». Что Белоусов говорил о России и мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rtvi.com/news/krysit-hryuchit-i-kopytit-cto-novuj-ministr-oborony-belousov-govoril-o-gossii-i-mire/> (дата обращения 16.06.2024).
115. *Лакан Ж.* Изнанка психоанализа. Кн. 17. М., 2008.
116. *Лакан Ж.* Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)). Пер. с фр. / М. Титовой и А. Черноглазова (Приложения). М.: Издательство «Логос», 2009.
117. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 1 : Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998.
118. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
119. *Лангер В.* Мышление Адольфа Гитлера : секретный доклад американской разведки / Сост. А.А. Иванов, Т.А. Яхнюк ; Предисл. Уильяма

Лангера, послесл. Роберта Уэйна ; Пер с англ. А.А. Иванова, А.В. Полищука, Е.А. Ткач, Т.А. Яхнюк. Киев : Издательский дом «Румб», 2006.

120. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. СПб., 2010.

121. *Лебедев А.Б., Гатауллин А.И.* Социальное отчуждение как предмет психоанализа // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 152. Кн. 1. 2010. С. 100-108.

122. *Левикова С.И.* Молодежная субкультура: учебное пособие. М.: Гранд, Фаир-пресс, 2004.

123. *Лезьер В.А.* Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана // Манускрипт. 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 224-229.

124. *Лейбин В.* Постклассический психоанализ. Энциклопедия. Т. 1-2. М., 2006.

125. *Лейбин В.* Психоанализ : проблемы, исследования, дискуссии. М., 2008.

126. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

127. *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem '93. М., 1994. С. 307-323.

128. *Лубков А.В.* Михаил Катков. Молодые годы: монография. М.: МПГУ, 2018.

129. *Лубков А.В.* Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907-1914 гг.). М.: МПГУ, 2019.

130. *Луков Вал. А.* Теории молодёжи. Междисциплинарный анализ. М., 2012.

131. *Лукьянов И.С.* К вопросу о девственной беспартийности политической идеологии государства и идеологии фашизма // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 134-139.

132. *Ляшко Л.* Сегодняшняя школа – это камера хранения детей // Гудок. Выпуск № 89 (25758). 29.05.2015.

133. *Мазин В., Погребняк А.* О значении и желании денег. СПб.: Скифия-принт, 2022.

134. *Мазин В., Юран А.* ПДД, или красная черта наезда человека-на машине // Лаканалия. Ещё. № 16. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lacan.ru/wp-content/uploads/2017/08/lcn016_more.pdf (дата обращения: 16.01.2019).

135. *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М., 2012.

136. *Макарьев И.В.* Социальная реальность : существует объективно, или конструируется идеологически? // Социальная реальность и идеи. Социально-философские, культурологические, юридические, экономические аспекты. Материалы межвузовской научной конференции. М.: Московский педагогический государственный университет, 2009. С. 31-36.

137. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.

138. Маслов Д. Осмысляя диалектику Гегеля: чем является диалектика как метод? // Логос. Философско-литературный журнал. Т. 33. 2023. № 2. С. 103-142.

139. Мати Д. Психоанализ политического. Четыре дискурса (истерический, господский, университетский, психоаналитический) и ещё один (капиталистический) у Жака Лакана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://openleft.ru/?p=2068> (дата обращения: 17.01.2019).

140. Мизес Л. фон Индивид, рынок и правовое государство / Сост. Д. Антисери, М. Балдини, С. Мальцева. СПб.: Пневма, 2006.

141. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002.

142. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011.

143. Морозов А.В. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // Galactica Media: Journal of Media Studies. Т. 1. № 2. 2019. С. 226-242.

144. Мочник Р. Субъект, предположительно верящий и нация как нулевой институт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 1 (17). 2014. С. 6-16.

145. Мэйси Д. О субъекте у Лакана / Перевод С. Кривошеина // Логос. № 5 (15). 1999. С. 66-80.

146. Наумова Е.И. Психоанализ Ж. Лакана как современная диалектическая концепция. Дисс... канд. филос. наук. М., 2011.

147. Наумова Е.И. Культурфилософская рефлексия капитализма: концептуальные константы и дискурсивные практики. Дисс... доктора филос. наук. СПб., 2016.

148. Новиков Д. Эволюция взглядов Путина на национальную идею России. 25.09.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/events/evoljutsija-vzgljadov-putina-na-natsionalnuju-ideju-rossii> (дата обращения: 17.01.2019).

149. Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 53. С. 110-119.

150. Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М., 2007.

151. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: автомодернизм // Философские науки. № 10. 2018. С. 97-113.

152. Печенина О.В. Функции реального, воображаемого и символического в коммуникативной модели структурного психоанализа Ж. Лакана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2007. Вып. 4. С. 208-214.

153. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. М., 1999.

154. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1-2. М., 1992.

155. *Пороховская Т.И.* Патриотизм в эпоху глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». М.: Издательство РУДН, 2015. № 2. С. 46-53.
156. Психология и педагогика высшей школы: краткий курс лекций для аспирантов, магистров, слушателей системы повышения квалификации и преподавателей / Сост.: Рыжкова И.В., Щербачева Н.А. Саратов, 2013.
157. Путин о Ленине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/337/> (дата обращения: 16.06.2024).
158. *Пылькин А.А.* Место психоанализа в арсенале либеральной идеологии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. № 1. 2014. С. 285-289.
159. *Рахманинова М.* Власть и тело. М.: Радикальная теория и практика, 2020.
160. *Репников А.В.* Размышления о русском консерватизме : статьи, рецензии, интервью, воспоминания, библиография. М.: Прометей, 2024.
161. *Рудковский С.В.* Постструктуралистские представления субъекта в пространстве европейской философии : Лакан – Фуко – Делез // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 187-199.
162. Русская доктрина. Труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма / Под общей редакцией А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016.
163. *Савельев А.Г.* Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание : уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 57-84.
164. *Сафронов Э.Е.* Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // Логос. Т. 29. № 3. 2019. С. 279-289.
165. *Сафронов Э.Е.* Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // Galactica Media: Journal of Media Studies. Т. 1. № 1. 2019. С. 178-195.
166. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
167. *Соболева М.* «Опыт самосознания»: Гегель и Лакан // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 505-515.
168. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / Перев. с англ. Анны Костиковой и Дмитрия Кралечкина. Предисловие С.П. Капицы. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002.
169. *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2015.
170. *Срничек Н.* 2019. Капитализм платформ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
171. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: постакапитализм и

мир без труда. М. : Strelka Press, 2019.

172. *Сурков В.Ю.* Куда делся хаос? Распаковка стабильности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-chaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html> (дата обращения : 11.05.2024).

173. *Сурков В.Ю.* Рождение Севера. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actualcomment.ru/rozhdenie-severa-2309262036.html> (дата обращения: 16.06.2024).

174. *Тешке Б.* Решения и нерешительность. Политические и интеллектуальные прочтения Карла Шмитта // Логос. № 5 (89). 2012. С. 3-43.

175. *Толкачев П.А., Давтян Ц.А.* Альтюссеровский поворот в марксизме и его значение для теории социального // Философская мысль. 2020. № 7. С. 59-71.

176. *Томишич, Само* Капиталистическое бессознательное: Маркс, Лакан/ Под ред. В.А.Мазина, Олеуш. Петропавловск: Запасной аэродром, 2023.

177. *Тузииков А.Р.* Западная теория идеологии: от критики «ложного сознания» к анализу дискурса масс-медиа. М., 2002.

178. *Узланер Д.* Жак Лакан : введение. М.: РИПОЛ классик, 2022.

179. *Узланер Д.* Многомерный субъект : верующий в «воображаемом», «символическом» и «реальном» регистрах // Логос. Том 26. № 6. 2016. С. 21-56.

180. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 30.05.2024)

181. *Устрялов Н.В.* Национал-большевизм / Сост. С.М. Сергеев. М., 2003.

182. *Устрялов Н.* Наше время. Шанхай, 1934.

183. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.

184. *Филатова М.* Диалектика господина и раба. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cablook.com/mixlook/dialektika-gospodina-i-raba/> (дата обращения: 23.12.2018).

185. *Фишер К.* История новой философии. Т. VIII. Гегель. М.-Л., 1933.

186. *Фишер М.* Капиталистический реализм. М.; Ультракультура 2.0, 2010.

187. *Фишер М.* Посткапиталистическое желание. Последние лекции / Под ред. и с предисл. Мэтта Кохуна пер. с англ.: Дмитрий Безуглов, Лена Сон. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.

188. *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004.

189. *Фрайер Х.* Революция справа / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М. Праксис, 2009.

190. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 2016.

191. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 2015.

192. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 2014.

193. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
194. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005.
195. Хан, Бён-Чхоль Топология насилия. Критика общества позитивности позднего модерна. М.: Издательство АСТ, 2024.
196. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / Д. Харви; Пер. с англ. Н. Проценко; Под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
197. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.
198. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
199. Цурина И.В. Теория дискурса Лакана : субъект, структура и общество (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. Реферативный журнал. 1992. № 2. М., 1999. С. 33-58.
200. Черноглазов А. Лакан : приглашение к реальному... М., 2015.
201. Шалагинов Д.С. Summa contra connexiones: ненависть к миру и двойная жизнь : рецензия на новую книгу Э. Калпа о Делёзе // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. № 3. С. 155-169.
202. Шатрун В.В. Применение теории игр в теории международных отношений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/259966/1/446-449.pdf> (дата обращения : 14.04.2023).
203. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / Пер. с англ. Т. Даниловой ; под ред. Ю. Кузнецова, К. Сониной. М.: ИРИСЭН, 2007.
204. Шмитт К. Государство : Право и политика. М., 2013.
205. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М., 2000.
206. Шмитт К. Понятие политического // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М. 2000.
207. Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Берлин, б.г.
208. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
209. Эстулин Д. Тавистокский институт. Минск, 2014.
210. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000.
211. Юревич А.В. Патриотизм как научная проблема // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 4. С. 352-359.
212. Althusser L. Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology / edited by Slavoj Zizek. London, New York : Verso, 1994. – 341 p. P.100-140.
213. Freyer H. Der Staat. Leipzig, 1925.
214. Freyer H. Die Revolution von rechts. Jena, 1931.
215. Laclau E. and Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London, 1985.

216. *Offenbartl S.* Keine Moderne ohne Patriarchat? Das Geschlechterverhaeltnis als handlungsleitende Denkstruktur der Moderne. Ein politikwissenschaftliches Modell. Opladen, 1995.

217. *Olga J.* Power, Ideology, and Control. New York, 1996.

218. *Terranova T.* Network Culture: Politics for the Information Age. London : Pluto Press, 2004.

219. *Žižek S.* less than nothing: Hegel and shadow of dialectical materialism. London ; New York : Verso, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetedkarchive.com/library/slavoj-zizek-less-than-nothing.pdf> (дата обращения 01.06.2024).

**Научные труды
доктора философских наук
Чернавского М.Ю.**

1997

1. О сущности русского консерватизма // Истоки российской духовной культуры. Ставрополь, 1997. С. 83-85.

1998

2. Идея прогресса и русский консерватизм // Поиск молодых. Сборник научных статей аспирантов. Уссурийск, 1998. С. 21-25.

3. Сверхкраткие тезисы о истинном консерватизме // Научный поиск в решении проблем учебно-воспитательного процесса в современной школе. Тезисы докладов конференции студентов, молодых ученых и учителей. Вып. 3. М., 1998. С. 312-314.

1999

4. О некоторых методологических основаниях определения сущности консерватизма (на материале отечественной и зарубежной историографии) // Из истории общественной мысли : культура, идеология, политика (межкафедральный сборник статей). М., 1999. Деп. в ИНИОН РАН. С. 621-641.

5. О связи мировоззрения К.Н. Леонтьева с учением святых отцов и русской православной традиции // Из истории общественной мысли : культура, идеология, политика (межкафедральный сборник статей). М., 1999. Деп. в ИНИОН РАН. С. 642-660.

6. О религиозных основаниях теории триединого процесса развития К.Н.Леонтьева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Вып. 4. М., 1999. С. 268-271.

7. Эстетизм и учение о форме в философской концепции К.Н. Леонтьева // Гуманитарные исследования. Альманах. Вып. 3. Уссурийск, 1999. (В соавт. с В.В. Михайловым).

8. Идея социализма в консервативной системе К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Вып. 5. М., 1999. С. 203-205.

9. Принцип насилия в социальной философии К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Вып. 5. М. 1999. С. 200-203.

2000

10. Религиозно-философские основы консерватизма К.Н. Леонтьева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2000.

11. Леонтьев // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 319-321.

2001

12. Консерватизм и спиритуализм // Русская философия : многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии. (Москва, 14-17 ноября 2001г.). М.: ЭкоПресс, 2001. С. 229-232.

2002

13. Два подхода к определению консерватизма // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. С. 28-45.

14. К вопросу об идеологии, ее истинности и роли в обществе // Гуманитарные исследования. Альманах. Вып. 6. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2002. С. 178-181.

15. Философские идеи К.Н. Леонтьева в контексте мировой и отечественной консервативной мысли // IV межвузовская научная конференция «Человек. Общество. Закон». Люберцы : ГУДП «Полиграф», 2002. С. 135-139.

2003

16. Модернизация и глобализация // Предприниматели и рабочие в условиях трансформации общества и государства в XX столетии : В 2 ч. Ч. II / Отв. ред. А.М. Белов. – Кострома : Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, 2003. С. 179-188.

17. Мир и глобализация // V межвузовская научная конференция «Бизнес, право и общество в России : взгляд в будущее». Люберцы : ГУДП «Полиграф», 2003. С. 99-103.

18. Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : Сборник научных трудов / Под ред. А.Ю. Минакова. Вып. 1. Воронеж, 2001. (Рецензия) // Исторические записки. Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 9. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2003. С. 220-227.

19. О философских взглядах Жозефа де Местра // Актуальные проблемы гуманитарных наук : Сборник статей. М.: РосЗИТЛП, 2003. С. 56-64.

20. Консерватизм : новый подход // Наш современник. № 7. М.: «Наш современник», 2003.

21. Политология. Учебно-методическое пособие. М., ГУДП «Полиграф», 2003.
22. История политических и правовых учений. Учебно-методическое пособие. М., ГУДП «Полиграф», 2003.
23. История консервативной мысли Запада и России. Учебно-методическое пособие для студентов вечерней и заочной форм обучения. М., РосЗИТЛП, 2003.
24. Библиотека Единой России. Книга вторая. Люди. М. Алгоритм, 2003. (в авторском коллективе).

2004

25. Религиозно-философские основы консерватизма в России : Научная монография. М., 2004. - 188 с.
26. Антропологические взгляды К.Н. Леонтьева // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сборник статей. Выпуск 2. М., 2004. С. 51-62.
27. К проблеме определения философских основ русского консерватизма // Ф.И. Тютчев (1803 – 1873) и проблемы российского консерватизма. В 2 т. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2004. С. 66-73.
28. Консервативные идеи в воззрениях С.Н. Сыромятникова // Консерватизм в России и мире / Редкол. А.Ю. Минаков (отв. ред.) и др. В 3 ч. Ч. 2. Воронеж, 2004. С. 146-158.
29. Несколько слов о русском национализме // IV межвузовская научная конференция «Реформы в современной России : тенденции, опыт и оценки». Люберцы, 2004. С. 96-98.
30. О некоторых тенденциях развития консервативной мысли в XXI веке // Ultima thule. М., 2004. С. 46-47.
31. О характере консерватизма Н.Я. Данилевского // Современные проблемы текстильной и легкой промышленности. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 2004. С. 86.
32. Первый национал-большевик (Н.В. Устрялов как политический писатель) // Наш современник. 2004. № 10. С. 212-221.
33. Русский национализм и судьба российской государственности // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. М., 2004. С. 66-71.
34. Этатизм, принцип автаркии в экономике и идея государственного социализма в консервативных концепциях XIX-начала XX века // Российская империя : стратегии и опыты обновления / Под ред. М.Д. Карпачева, М.Д. Долбилова, А.Ю. Минакова. Воронеж, 2004. С. 415-436.

2005

35. Консерватизм // Общественная мысль России XVIII-начала XX века : Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2005. С. 217-220. (В соавт. с А.Ю. Минаковым и А.В. Репниковым).

36. Русский симулякр // Россия в меняющемся мире : выбор стратегии развития. М.: МПГУ, 2005. С. 114.
37. Диалектические аспекты консервативной теории развития // Актуальные проблемы развития отечественной истории, философии и политической мысли. Материалы научно-практической конференции / Главный редактор С.В. Пишун. Усурийск : Издательство УГПИ, 2005. С. 183-195.
38. Формирование консервативной политико-философской концепции М.Н. Каткова // Сборник материалов научных конференций : Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж : Издательство «Истоки», 2005. С. 42-52.
39. Социальный органицизм как принцип обоснования цивилизационного своеобразия народов в русском консерватизме XIX-начала XX века // Россия и мировая цивилизация : историко-культурологический аспект. Материалы межвузовской научной конференции. Люберцы : НОУ «ГСИ», 2005. С. 72-77.
40. Диалектические аспекты консервативной теории развития // Актуальные проблемы развития отечественной истории, философии и политической науки : Научно-практическая конференция / Гл. ред. С.В. Пишун. Усурийск, 2005. С. 183-195.
41. Консерватизм // Общественная мысль России XVIII-начала XX века : Энциклопедия. М., 2005. С. 217-220. (В соавт. с А.Ю. Минаковым и А.В. Репниковым).
42. Консерватизм и философия субъективизма // Философия и будущее цивилизации : Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005) : В 5 т. Т. 5. М., 2005. С. 622-623.
43. О философии субъективизма // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. № 1. 2005. Январь-июнь. СПб., 2005. С. 85-103.
44. Российское самодержавие и страны Запада в конце XIX-начале XX в. : проверка на прочность // Рабочие-предприниматели-власть в XX веке : В 2 ч. Ч. 1. Кострома, 2005. С. 112-115.
45. Русский симулякр // Россия в меняющемся мире : выбор стратегии развития. М., 2005.
46. Социальный органицизм как принцип обоснования цивилизационного своеобразия народов в русском консерватизме XIX-начала XX века // Россия и мировая цивилизация : историко-культурологический аспект. Материалы межвузовской научной конференции. Люберцы : НОУ «Гуманитарно-социальный институт», 2005. С. 72-77.
47. Сыромятников // Общественная мысль России XVIII-начала XX века : Энциклопедия. М., 2005. С. 528-529.
48. Политология. Учебное пособие. Люберцы, 2005.

2006

49. Национальное самосознание, народность и самобытность // Experimentum – 2006 : Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова, А.А. Ширинянца. М. Изд-во «Социально-политическая мысль», 2006. С. 168-175.
50. О сущности и структуре политических идеологий // Россия – будущее сегодня : приоритеты и тенденции развития. Материалы межвузовской научной конференции. Люберцы, НОУ «Гуманитарно-социальный институт», 2006. С. 120-124.
51. Религиозно-философские обоснования принципа монархии в русском консерватизме второй половины XIX-начала XX веков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 3. 2006. Кострома, КГУ им. Н.А.Некрасова. 2006. С. 192-197.
52. Либерализм и консерватизм как дискурсивные матрицы смыслов // Историко-культурное наследие и развитие национальной идеи в российском обществе : историко-философский аспект. Люберцы : НОУ «Гуманитарно-социальный институт», 2006. С. 262-268.
53. Леонтьев и Гегель // Учитель смелости. «Круглый стол» журнала «Москва» // Москва. 2006. № 1. С. 197-198.
54. Роль и значение понятия «национально-государственный интерес» в курсе политологии // Современные проблемы текстильной и лёгкой промышленности : Межвузовская научно-техническая конференция : Тезисы докладов. Ч. 2. М.: РосЗИТЛП, 2006. С. 91.

2007

55. М.Н. Катков и Б.Н. Чичерин : консервативная и либеральная интерпретации гегелевской диалектики // Experimentum – 2007 : Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова, А.А. Ширинянца. М. Изд-во «Социально-политическая мысль», 2007.
56. К проблеме постулативной полярности либерализма и консерватизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». № 1. 2007. С. 302-308.
57. О противоречиях политико-правовой концепции либерализма // Российское общество перед вызовом времени – преемственность и перемены. Материалы межвузовской научной конференции. М.: МПГУ, 2007. С. 230-235.
58. К проблеме возникновения идеологий либерализма и консерватизма // Гуманитарные науки: проблемы и решения. Выпуск V: Межвузовский сборник научных статей / Под ред. А.А. Слезина. СПб.: Нестор, 2007. С. 67-78.
59. О религиозно-философских истоках идеологии либерализма // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XXXVIII. – М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2007. С. 208-215.
60. В.С. Соловьёв и Б.Н. Чичерин : два либеральных взгляда на соотношение права и нравственности // SCHOLA – 2007: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н.Мошелкова,

А.А. Ширинянца; Сост. А.В. Воробьев, Т.Ю. Денисова, Я.Н. Шустов. М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. С. 344-352.

61. О либеральной концепции прогресса в русской философии конца XIX – начала XX веков // SCHOLA – 2007: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова, А.А. Ширинянца; Сост. А.В. Воробьев, Т.Ю. Денисова, Я.Н. Шустов. М.: Издатель Воробьев А.В., 2007. С. 352-357.

62. Проблема свободы в философии российского либерализма конца XIX – начала XX веков // Проблема свободы: социальный, политический, экономический и духовный аспекты. М.: МПГУ, 2007. С. 111-117.

2008

63. Идеологии либерализма и консерватизма. Монография. Люберцы, НОУ «Гуманитарно-социальный институт», 2008. - 380 с.

64. Философские основания идеологии либерализма. Монография. М.: Прометей, 2008.

65. К проблеме социальной ангажированности идеологий // Государственная служба. 2008. № 3. (53). Май-июнь. М.: Российская академия государственной службы при президенте РФ, 2008. С. 145-149.

66. Идея насилия и телеологизм в философии русского консерватизма второй половины XIX – начала XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». 2008. № 8 (32). Волгоград: Изд-во «Перемена» при ВГПУ, 2008. С. 17-22.

67. К проблеме сущности идеологии // Преподаватель XXI век. 2007. № 4. С. 160-168.

68. Этика как часть идеологии // Этика в современном мире. Российско-немецкий симпозиум по преподаванию этики в вузах / Под ред. О.А. Свиридова. Оренбург: Оренбургский гос. ин-тут менеджмента, 2008. С. 10-23.

69. О специфике становления и развития либерализма в России // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем. М.: МПГУ, 2008. С. 95-103.

70. Идея насилия в философии либерализма XVII – XVIII веков // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2008. № 1. С. 32-34.

71. Особенности становления и развития западноевропейского либерализма // Experimentum – 2008: Сборник научных статей философского факультета МГУ. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2008. С. 161-168.

72. Эволюция консервативных концепций развития: от принципа инволюции к идее «вечного возвращения» // SCHOLA – 2008: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Мошелкова; Сост. А.В. Воробьев, Т.Ю. Денисова, Я.Н. Шустов. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2008. С. 269-276.

73. «Homo economicus» против «homo politicus»: о двух идеологических парадигмах современной российской политики // Особенности социокультурных взаимодействий в современном российском обществе. Материалы межвузовской научной конференции. М.: МПГУ, 2008. С. 161-164.
74. О девальвации философских принципов в политических идеологиях // Политико-правовые, экономические, социокультурные тенденции в развитии современной России. Материалы межвузовской научной конференции. М.: МПГУ, 2008. С. 27-33.
75. О двух разновидностях российского либерализма конца XIX – начала XX веков // Актуальные проблемы истории русской философской и политической мысли. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Уссурийск : Издательство УГПИ, 2008. С. 119-130.
76. Формирование личности как цель воспитания в идеологии русского консерватизма // Духовно-нравственное, патриотическое образование и воспитание в традиции православия: исторический опыт, актуальность возрождения в культуре современной России: материалы международной научно-практической конференции VI Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура»: в 3 ч. Часть I. Челябинск : Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2008. С. 81-88.
77. Государство как высший союз. Консервативный либерализм Б.Н. Чичерина // Москва. 2008. № 7. С. 158-168.
78. Консервативная и либеральная трансформации гегелевской диалектики в русской политической философии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. М.: 2008. № 4. С. 63-76.

2009

79. Либерализм и консерватизм: социально-философский анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2009.
80. Философия : в сетях идеологической матрицы // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. № 4. Июль-декабрь 2006-январь-июнь 2009. СПб.: Русское философское общество им. Н.Н. Страхова, 2009. С. 84-97.
81. Об онтологических основаниях идеологии либерализма // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сборник статей. Выпуск 7. М.: РосЗИТЛП, 2009. С. 71-85.
82. О структуре реальности // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. № 4. Июль-декабрь 2006-январь-июнь 2009. СПб.: Русское философское общество им. Н.Н. Страхова, 2009. С. 57-83.
83. Родзаевский // Общественная мысль Русского Зарубежья : Энциклопедия. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 488-490. (В соавт. с П.Ч. Демидовичем).
84. Устрялов // Общественная мысль Русского Зарубежья : Энциклопедия. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 574-578. (В соавт. с Репниковым А.В., Сергеевым С.М.).

2010

85. Консерватизм в России // Новая Российская энциклопедия в 12 т. М., 2010. Т. VIII (2). С. 262-264. (В соавторстве с А.Ю. Минаковым, А.В. Репниковым).
86. Наука в контексте культуры и современные проблемы философии науки // Сборник учебно-методических комплексов по дисциплинам подготовки магистров по специальности «Прикладная культурология» / Под ред. проф. Т.Ф. Кузнецовой. Люберцы : ГСИ, 2010. С. 4-29.
87. О различных аспектах теории модернизации // Инновационность научных исследований в текстильной и легкой промышленности. Сборник материалов Международной научно-технической конференции. Кн. 2. М., 2010.
88. Автаркия // Русский консерватизм середины XVIII-начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 639 с. С. 19-21.
89. Прогресс // Русский консерватизм середины XVIII-начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 639 с. С. 385-388.
90. Этатизм // Русский консерватизм середины XVIII-начала XX века : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. - 639 с. С. 610-613.
91. Человек и мир : субъективистский подход // Мир и человек : актуальные проблемы социологии, педагогики, экономики и права. Люберцы, НОУ ГСИ, 2010. С. 10-17.

2011

92. Введение в социальную концептологию. Курс лекций (Учебное пособие) // Люберцы: НОУ ВПО ГСИ, 2011. - 114 с.
93. Конспективный курс философии (Учебное пособие) // Люберцы : НОУ ГСИ, 2011. - 232 с.
94. Об актуальности социальной концептологии // Непрерывное образование – 2011: Сборник статей IV Международной научной конференции. Книга 2. М., РосЗИТЛП, 2011. С. 34-37.
95. Традиционалистский и модернистский консерватизм XIX-XX веков // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 3-2011 (ноябрь). М.: ООО «Научные технологии», 2011. С. 31-36.
96. Новая индустриализация vs модернизация // Модернизация современного российского общества : традиции и новации. Материалы межвузовской научной конференции. М., МПГУ, 2011. С. 5-10.

2012

97. Статус социальной реальности : гносеологический и онтологический подходы // Актуальные проблемы педагогики, социологии, культурологии,

экономики и права : Сборник статей. М.: ФГБОУ ВПО «МПГУ», 2012. С. 119-123.

98. Конспирология как методология // Актуальные проблемы педагогики, социологии, культурологии, экономики и права : Сборник статей. М.: ФГБОУ ВПО «МПГУ», 2012. С. 114-117.

99. Иллюзия свободы : функционирование социального насилия (Текст открытой лекции, прочитанной в Гуманитарно-социальном институте 28 октября 2011 года) // Социально-экономическое, политико-правовое и культурное развитие современной России : проблемы, тенденции, перспективы. Люберцы : НОУ ВПО «ГСИ», 2012. С. 257-260.

100. Анализ современного российского общества: опыт применения психоаналитической методологии // Социально-экономическое, политико-правовое и культурное развитие современной России : проблемы, тенденции, перспективы Люберцы : НОУ ВПО «ГСИ», 2012. С. 15-18.

2013

101. Идеологичность социальной картины мира // Социальная картина мира в общественных науках : Материалы Всероссийской научной конференции. Люберцы : НОУ ВПО «ГСИ», 2013. С. 7-10.

102. Консерватизм : концепция политического // Социальная картина мира в общественных науках : Материалы Всероссийской научной конференции. Люберцы : НОУ ВПО «ГСИ», 2013. С. 151-155.

103. Идея онтологической реабилитации материи в метафизике либерализма // Актуальные проблемы гуманитарного знания. Сборник статей. Люберцы, 2013. С. 89-93.

104. Стипендиальное обеспечение студентов как фактор мотивации повышения качества профессиональной подготовки : психолого-педагогические аспекты / Артемьева С.И., Афанасьев В.В., Кальней В.А., Кузьмина М.А., Кутеева В.П., Миляева М.В., Пискунова Т.Н., Положенцева И.В., Пронин Э.А., Рабаданова Р.С., Ромашина С.Я., Чернавский М.Ю., Шишов С.Е., Юлина Г.Н. Москва, 2013.

105. Законодательные аспекты и практика стипендиального обеспечения обучающихся образовательных организаций высшего образования. Учебно-практическое пособие для подготовки слушателей дополнительной образовательной программы / Авторы-сопоставители : Аношина Ю.Ф., Гринько В.С., Гуськова М.Ф., Денисов Е.С., Зак Е.М., Осипенко С.В., Пахомов А.А., Положенцева И.В., Темнов Э.С., Чернавский М.Ю. / Под общей редакцией д.э.н., профессора В.Н. Ивановой. М. 2013.

2014

106. Антропологические основания консерватизма // Актуальные проблемы гуманитарного знания. Сборник статей. Красково : ГСИ, 2014. С. 65-68.

107. «Софиология» как элемент конструирования метафизики российского либерализма // Современное состояние и перспективы развития социально-гуманитарного знания : теория, методология, практика. Материалы

Всероссийской научной конференции с международным участием. Красково : ГСИ, 2014. С. 104-108.

108. Либеральные истоки идеологии национализма // Ценности и смыслы. 2014. № 6 (34). С. 32-37.

109. Государство и идеология // Государственная идеология и современная Россия. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Центр научной политической мысли и идеологии / Редакционно-издательская группа : С.С. Сулакшин (руководитель), В.Э. Багдасарян, В.Н. Лексин. М., 2014. С. 510-521.

2015

110. Консервативная система воспитания в контексте российских трендов развития образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2015. Т. 4. № 3. С. 35-41. (В соавторстве с Моисеевой О.А.).

111. Формирование общекультурных компетенций у студентов ВУЗов в дисциплинах профессионального цикла / Коллективная монография. Составитель : О.А. Моисеева (доцент). Красково, 2015. (Соавторы : Моисеева О.А., Моисеева О.А., Пономарёв В.Г., Давыдова И.В., Воронцов А.В., Складнева В.В.).

112. Перспективные механизмы государственно-общественного управления образованием в процессе синхронизации стратегии и стандартов образования в субъектах Российской Федерации. Коллективная монография / Артемьева С.И., Бакурадзе А.Б., Бычков М.А., Кальней В.А., Положенцева И.В., Рабаданова Р.С., Чернавский М.Ю., Шишов С.Е., Юлина Г.Н. Калуга: Эйдос, 2015. - 332 с.

113. Судьба субъекта в контексте развития современных массовых коммуникаций / Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации: Материалы Всероссийской межвузовской научной конференции с международным участием. Красково: Гуманитарно-социальный институт, 2015. С. 5-9.

114. Методические рекомендации для органов управления образованием по внедрению механизмов моделей государственно-общественного управления дошкольного и общего образования с учетом синхронизации и внедрения стандартов и стратегий развития дошкольного и общего образования, а также модернизации системы подготовки и повышения квалификации педагогических работников. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2015. (Соавторы : Шишов С.Е., Артемьева С.И., Бычков М.А., Лукина Е.С., Орлова И.К., Положенцева И.В., Рабаданова Р.С., Юлина Г.Н.).

115. Информационно-аналитические материалы по апробации разработанных механизмов реализации моделей государственно-общественного управления образованием с учетом синхронизации и внедрения стандартов и стратегий дошкольного и общего образования, а также модернизации системы подготовки и повышения квалификации педагогических работников. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2015.

(Соавторы : Шишов С.Е., Артемьева С.И., Бычков М.А., Положенцева И.В., Юлина Г.Н.).

116. Современные массовые коммуникации с молодёжной аудиторией в контексте общества Постмодерна // Роль современной коммуникации между обществом и государством. Международная научно-практическая конференция. М., 2015. С. 123-126.

117. Консервативная система воспитания : исторические аспекты и современные тренды // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний. Сборник статей / Отв. ред. Мысенко Г.В. М., 2015. С. 150-156. (В соавторстве с Моисеевой О.А.).

118. Проблемы формирования общекультурных компетенций у студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний. Сборник статей / Отв. ред. Мысенко Г.В. М., 2015. С. 156-160. (В соавторстве с Моисеевой О.А.).

2016

119. Культура казачества : история и перспективы развития / Под ред. д.э.н., проф. В.Н. Ивановой. М.: Изд-во МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2016. – 463 с. (В соавторстве).

120. Перспективные механизмы государственно-общественного управления образованием в процессе синхронизации стратегии и стандартов образования в субъектах Российской Федерации / Под ред. Шишова С.Е. / Монография. Калуга : ИП Стрельцов (Издательство «Эйдос»), 2015. - 332 с. (соавторы : Артемьева С.И., Бакурадзе А.Б., Бычков М.А., Кальней В.А., Положенцева И.В., Рабаданова Р.С., Шишов С.Е., Юлина Г.Н.).

121. Современные массовые коммуникации в контексте общества Постмодерна // Теоретические и методические проблемы развития современного образования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции «МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ)» 17-18 февраля 2016 года. М., 2016. С. 29-32.

122. Трансформация социальных институтов эпохи Постмодерна // Теоретико-методологические и прикладные аспекты социальных институтов права, экономики, управления и образования. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Красково : Гуманитарно-социальный институт, 2016. С. 10-15.

123. О патриотическом воспитании современной российской молодёжи // Теоретические и методические проблемы создания современной образовательной среды. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Редакционная коллегия: Кальней В.А., Артемьева С.И., Рабаданова Р.С., Юлина Г.Н., Вячистова Т.В. М., 2016. С. 284-290.

124. Проблема популяризации ценности исторического знания и пропаганды интереса к отечественной истории // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний : Сборник статей. М.: Издательство «Перо»; Красково:

«Гуманитарно-социальный институт», 2016. С. 22-27. (В соавт. с Бычковым М.А., Положенцевой И.В., Моисеевой О.А.).

2017

125. Социальная концептология : опыт типологии социальных концепций // Социология и право. № 2 (36). 2017. С. 6-15.

126. Лучшие практики реализации образовательных программ основного общего и среднего общего образования, интегрированных с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе, в том числе к государственной службе российского казачества. Сборник материалов / Под ред. В.Н. Ивановой. – М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2017. – 83 с. (Составители : Чернавский М.Ю., Пономарев В.Г., Положенцева И.В., Кондратьев А.И., Моисеева О.А., Виноградова Н.С.)

127. Опыт социально-структуралистского психоанализа современного общества // Педагогическое образование на стыке эпох : инновации и традиции в сфере образовательных технологий. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 80-82.

128. Великая Октябрьская социалистическая революция : социально-философский анализ сквозь столетие // Педагогическое образование на стыке эпох : инновации и традиции в сфере образовательных технологий. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 100-103.

129. PR-инициативы в сети Интернет как инструмент гражданского общества // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. Т. 6. № 2. С. 47-52. (В соавт. с Моисеевой О.А., Яковлевой Л.М.).

130. Запросы современного общества и пути создания востребованной патриотической информационной повестки // Церковь и казачество: сотрудничество на благо Отечества. Материалы VI Международной научно-практической конференции. XXIV Международные Рождественские образовательные чтения «Традиции и новации: культура, общество, личность» / Под общей редакцией Высокопреосвященного Кирилла, митрополита Ставропольского и Невинномысского, Председателя Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством. 2017. С. 246-248.

2018

131. Русская историософия М.Н. Каткова: опыт диалектического консерватизма// Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. С. 48-58.

132. Общество как фабрика по производству субъекта: структуралистский психоанализ // Теория и практика общественного развития в свете

современного научного знания. Сборник материалов II Международной научной конференции. М.: ГСИ, 2018. С. 10-16.

133. Корнилов vs Ленин: правый август против левого октября // Университетская жизнь. № 8. Март-апрель 2018.

2019

134. Идея тотальности идеологии в современной социальной философии // Социология и право. № 3 (45). СПб., 2019. С. 23-32. (В соавт. с О.А. Моисеевой).

135. Технологии социального насилия или Почему устоял капитализм ? // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания. Сборник материалов III Международной научной конференции. Красково, Гуманитарно-социальный институт, 2019. С. 159-164.

136. Молодёжь и свобода: очарованные иллюзией // Альянс : Университет и казачество. Выпуск № 01 (Январь) 2019. Рождественские чтения. Специальный выпуск. «Молодежь : свобода и ответственность». М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2019. С. 42-45.

137. Ассоциация исследователей казачества // Альянс : Университет и казачество. Выпуск № 01 (Январь) 2019. Рождественские чтения. Специальный выпуск. «Молодежь : свобода и ответственность». М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2019. С. 70-73.

138. К проблеме идеологических оснований современного российского казачества // Церковь и казачество : соработничество на благо Отечества. Материалы IX Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 390-392.

2020

139. Консерватизм и глобализация // Патриотизм как основа формирования духовно-нравственной культуры личности в системе образовательных организаций. Материалы международной научно-практической конференции. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), 2020. С. 77-83.

140. Освальд Шпенглер и методология социального органицизма // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. С. 369-384.

2021

141. Казачество на службе Отечества: учебное пособие / Руководитель авторского коллектива – д.ф.-м.н, профессор С.Н. Чеботарёв. М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 2021. – 220 с.

142. Конструирование истории и психолого-педагогические технологии формирования субъекта // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2021. Т. 10. № 4. С. 3-12.

2022

143. Homo economicus и homo politicus: противоположности двух моделей человека в российской образовательной политике // Глобальные вызовы международного сотрудничества. Сборник статей Международной научной ассамблеи / Под ред. И.В. Ильина. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. С. 175-180. (В соавт. с А.В. Смирновым).

144. Политические и экономические факторы функционирования империй // Пути развития научно-познавательного потенциала обучающихся / ГСИ ; под ред. Л.В. Мартеевой. Красково : Гуманитарно-социальный институт ; М.: Перо, 2022. С. 112-125. (В соавт. с А.В. Смирновым).

2023

145. Международная политика в период конфронтации: психологические модели и методы анализа // Вестник МГУТУ. Серия прикладных научных дисциплин: пищевые системы и биотехнологии, экономика и психология. 2023. № 1. С. 143-153.

146. Политический реализм, русский мир и социальная синергетика как политико-идеологические основания современной российской политики // Аксиологические аспекты воспитания молодежи сквозь призму цифровой трансформации образовательного процесса. Караганда-Москва, 2023. С. 310-316.

2024

147. О социальных противоречиях // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 174-185.

148. Негативная изнанка социальной реальности // Теория и практика общественного развития в сфере современного научного знания : материалы VII Всероссийской научной конференции, Красково, 17 апреля 2024 г. : в 2 ч. Красково : Гуманитарно-социальный институт ; Москва : Перо, 2024. Ч. 1. С. 93-101.

СОДЕРЖАНИЕ

Методологическое введение

Социальные науки:	
возвращение идеологической ангажированности	3
Неклассическая наука: от сущности к явлению	4
Диалектика как метод анализа социума	6
Специфика социальной реальности	7
Марксизм, структурализм, конструктивизм и структуралистский психоанализ	9

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

1.1. Физикализм – органицизм – структурализм – синергетика

Физикализм	13
Органицизм	13
Структурализм	16
Синергетика	17

1.2. Премодерн – Модерн – Постмодерн

Премодерн	18
Модерн	19
Постмодерн	20

1.3. Противоречие – негативность – насилие

Противоречие: социально-философские трансформации	21
Онтологический статус негативного	24
Негативность как отрицание	25
Негативность как отчуждение	27
Негативность как расколотость субъекта	29
Многомерность социального насилия	31
Социальное насилие: реляционный подход	32
Социальное насилие: субстанциональный подход	33

II. АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ

2.1. Идеология : отечественная судьба концепта

Марксистский подход	35
Либеральный подход	36
Консервативный подход	37

2.2. Тотальность идеологии

Антонио Грамши : идеология как культурная гегемония	40
Луи Альтюссер : идеологические аппараты государства	41
Мишель Фуко : идеология как микрофизика власти	42
Пьер Бурдьё : идеология как символическая власть	43
Ролан Барт : идеология как коннотация	44

Жан Бодрийяр : симулятивность идеологии	45
Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф :	
идеология как дискурсивная гегемония	47
Славой Жижек : фантазм идеологии	48
Вячеслав Вячеславович Корнев :	
мемность и молекулярность идеологии	50
2.3. Сущность идеологии	
Абстрагирование	51
Идеализация	54
Социальная суггестия	56
Денотат, концепт, коннотация	57
Мифологизация социальной реальности	59
Идеология как символизация страха смерти	60
Идеология как иллюзия смысла	62
Идеология как суггестированная реальность идеализаций	64
2.4. Социальная ангажированность идеологий	
Идеология и власть	66
Социализация как идеология	67
Великая тайна социальности	69
2.5. История как идеология	
Противодействие фальсификации истории как тоска по идеологии	71
История как наука и учебная дисциплина	73
Иллюзия неизменности объективных исторических фактов	74
Природа исторических знаний : радикальный конструктивизм	76

III. КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА

3.1. Субъект : структуралистский анализ	
Субъект: структурализм VS субстанциализм	82
Спектральный анализ субъекта	88
Власть как Значимый Другой	91
Дискурсивное порождение субъекта	92
3.2. Премодерн – Модерн – Постмодерн : формирование субъекта	
Премодерн : диктатура авторитета	96
Модерн : диктатура знания	98
Постмодерн : диктатура желания	101
3.3. Насилие бессознательного	
Социум как машина по производству желаний	105
Продуцирование вины и контроль над телом	106

IV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

4.1. Анализ капитализма

Капитализм : где же его конец? 111

Капитализм : палитра аналитических подходов 113

4.2. Деструктивность свободы

Социализация VS свобода 116

1968 : социальный эксперимент 118

Зигмунд Фрейд:

свобода как сублимация энергии либидо 119

Герберт Маркузе:

фантом свободы одномерного человека 120

Эрих Фромм: обмен свободы на безопасность 120

Свобода как иллюзия 121

4.3. Фантазматичность товара

Марксизм VS бихевиоризм 122

Фантазм меновой стоимости 123

Капитализм промышленный и финансовый 125

Знаковая стоимость 126

Наслажденческий фантазм капитализма 127

Мистическая сила рынка и легитимизация капитала 129

Пятьдесят оттенков эксплуатации 131

V. ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ

5.1. Концепция Политического

Этатизм Николая Васильевича Устрялова

и евразийцев 137

Государственнический холизм

Освальда Шпенглера и Эрнста Юнгера 137

Концепция Политического Карла Шмитта 138

Революция справа Ханса Фрайера 140

Консерватизм как абсолютизация Политического 142

5.2. Диалектика взаимоотношений раба и господина

Георг Вильгельм Фридрих Гегель:

диалектика взаимной признанности раба и господина 143

Жак Лакан:

«символическое» господина и «воображаемое» раба 144

5.3. Анализ политики в период конфронтации

Концепции международных отношений 145

Теория игр в политике 147

«Равновесие Нэша» 149

«Равновесие доверия» / «равновесие недоверия» 140

Теория гарантированного взаимного уничтожения 151

Модель устрашения 153

Модель спирали	154
Когнитивные искажения в политике	155
Психоаналитический подход	158

VI. ОТ «ПЕРЕСТРОЙКИ» М.С. ГОРБАЧЕВА К СТАБИЛИЗАЦИИ В.В. ПУТИНА

6.1. «Перестройка» как социальная шизофрения	
Социальная паранойя VS социальная шизофрения	162
Имплантация Чуждого Другого в структуры самости	164
Восстание капиталистических зомби	166
Тезис стремится стать ...антитезисом	168
«Перестройка-2»: рецидив распада	171
6.2. Политические интересы vs экономический прагматизм	
Политика и экономика :	
конкуренция за статус всеобщего	173
Государство как играющий арбитр	175
Национализация российской элиты	178
6.3. Патриотизм и глобализация	
Патриотизм и государственность	181
Сбой процесса прозападной глобализации	183
Пандемия как катализатор Танатоса	184
6.4. Российская стабилизация	
Пробуждение суверенитета	187
Конвертация социальных противоречий и экспорт хаоса	190
Военный конфликт России с Западом на Украине	192

VII. НОВАЯ РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

7.1. Неизбежность русской идеологии	
Элитарная боязнь идеологии	194
Пробуждение русской идеологии	195
Общественный запрос на идеологию	197
Русофобская токсичность идеи тоталитаризма	200
Современная Россия: возвращение идеологии	202
7.2. Идеология в образовании	
Необходимость идеологии в сфере образования	204
Homo economicus VS homo politicus	207
Конкуренция двух парадигм в образовании	211
Гуманистическая парадигма	213
Традиционалистская парадигма	218
Йоганн Фридрих Гербарт:	
управление, обучение, нравственное образование	220

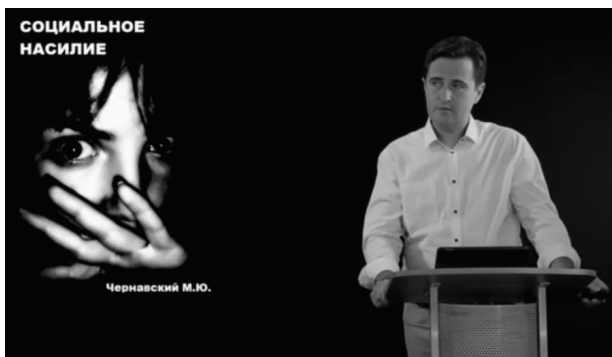
7.3. Идеология грядущей России	
Борьба антропологических проектов	225
Новый русский Модерн	228
Война как способ сохранения самобытности субъекта	229
Российская молодёжь:	
тоска по имперскости	
и жажда социальной справедливости	231
За традиционную европейскую культуру	
против современного коллективного Запада	234
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
Литература	241
Научные труды доктора философских наук	
Чернавского М.Ю.	252

Чернавский Михаил Юрьевич
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Гуманитарно-социального института,
профессор МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Курс видео-лекций (2023-2024)

<https://rutube.ru/plst/420916>

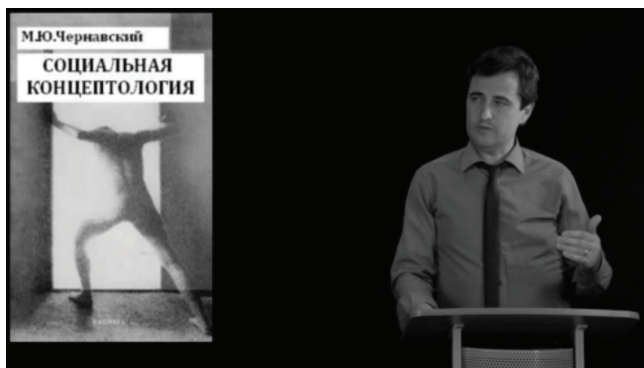

Чернавский Михаил Юрьевич
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Гуманитарно-социального института,
профессор МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

СОЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Курс видео-лекций (2022)

<https://rutube.ru/plst/148766>

Научное издание

Чернавский Михаил Юрьевич
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Гуманитарно-социального института,
профессор МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Монография

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru
Подписано в печать 19.07.2024. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,125. Тираж 300 экз. Заказ 741.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»

